

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО РЕГИОНА

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК
ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО РЕГИОНА:
КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. Я. МЕРПЕРТА)**

Тезисы докладов конференции

Москва 2022

УДК 902/903
ББК 63.4
Э65

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор
к.и.н. *А. Н. Гей*

Рецензенты:
к.и.н. *М. В. Андреева*, к.и.н. *А. Ю. Скаков*

Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы
Э65 и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта). Тезисы докладов
конференции. – М.: ИА РАН, 2022. – 84 с.

ISBN 978-5-94375-384-8

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-384-8

Сборник тезисов докладов Всероссийской конференции с международным участием дает представление о значении трудов Н. Я. Мерперта для дальнейших исследований в области археологии бронзового века, изучения проблем развития и взаимодействия древних культур различных регионов Евразии. Доклады участников демонстрируют важность научного наследия Н. Я. Мерперта в осмысления места археологических памятников нашей страны и стоящих за ними древних обществ в контексте истории и культуры Старого Света.

Сборник предназначен для археологов, этнографов, историков первобытного общества, а также для всех, интересующихся проблемами древней истории.

**УДК 902/903
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-384-8

DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-384-8

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2022
© Авторы докладов (фамилии выделены
в содержании), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вспоминая Николая Яковлевича Мерперта

Сорокина И. А. Николай Яковлевич Мерперт: веки жизненного пути	5
Горбунов В. С. О вкладе Н. Я. Мерперта в развитие археологии в регионах	7
Беляев Л. А. Н. Я. Мерперт – библейский археолог: воспоминания о сотрудничестве	8
Мацанова В. Н. Я. Мерперт – соруководитель болгаро-советской/российской экспедиции на телле Юнаците (1981–2001 гг.)	12

Научное наследие Н. Я. Мерперта: современные подходы и интерпретации

Черных Е. Н. Циркумпонтийский ареал в макроструктуре Евразийского мира (эпоха раннего металла)	15
Амиров Ш. Н. Корреляция культурного процесса Передней Азии и степного пояса Восточной Европы в раннем и среднем голоцене	18
Манзура И. В. Фантом миграций в поздней преистории Восточной и Юго-Восточной Европы (V–III тыс. до н. э.)	21
Кузнецов П. Ф. Наследие Н. Я. Мерперта на стыке археологии, карбонной хронологии и палеогенетики	23

Ближний Восток и Балканы

Tekin H. Late Neolithic findings in the highlands of Upper Mesopotamia in the light of new research	26
Корниенко Т. В., Дубова Н. А., Фрибус А. В. К вопросу об истока и символическом значении жезлов/стержней с навершием в Евразийском регионе	28
Петрова Н. Ю. Эволюция налестов на глиняных сосудах неолита Месопотамии	29
Авилова Л. И. Изображения зоантропоморфных существ на Ближнем Востоке в энеолите – бронзовом веке	31
Янковский-Дьяконов А. И., Гусак Л. А. At-tāriq at-tawīl: долгая дорога к новой Российской-Иракской экспедиции	33
Балабина В. И. Миниатюрные сосудики финального горизонта энеолита на телле Юнаците	35
Мишина Т. Н. Керамический комплекс эпохи ранней бронзы телля Юнаците как хронологический маркер (болгарская Фракия)	37

Энеолит – бронзовый век: проблемы и материалы

Выборнов А. А., Дога Н. С. Новые данные о периодизации, хронологии, хозяйстве и палеогеографии энеолита Нижнего Поволжья	39
Корочкова О. Н. Урал и Западная Сибирь на переломе эпох: от камня к металлу	40
Кореневский С. Н. Раннемайкопский вариант майкопско-новосвободненской общности на современном этапе изучения	42

Гей А. Н. Памятники пластуновского типа или пластуновская культура	44
Резепкин А. Д. Радиоуглеродно-стратиграфический анализ комплексов курганного могильника Клады	46
Брилева О. А., Исерлис М., Эрлих В. Р. Уляпское поселение майкопской культуры: описание, датировка, контекст	49
Меньшиков М. Ю., Атабиев Б. Х., Резниченко И. А., Юнкин Ж. А., Кашироков А. Х., Зашакуев З. Л. Этапы формирования насыпи и относительная хронология кургана 1 курганной групп Кызбурун II (Исламей). Кабардино-Балкарская Республика, г. Баксан	52
Шишлина Н. И., Леонова Н. В., Калинин П. И., Рослякова Н. В. Система расселения населения ямной культуры эпохи бронзы на юге Русской равнины: результаты комплексного исследования.	54
Клещенко А. А. Памятники ямной культуры Предкавказья: общая характеристика и проблемы изучения	56
Салугина Н. П., Моргунова Н. Л. Генезис ямной культуры в Волго-Уралье в свете изучения технологии гончарства	58
Файзуллин А. А. Социологическая интерпретация погребального обряда детей и подростков в ямной культуре Волго-Уральского междуречья	60
Григорьев А. П. Динамика изменчивости посткраниального скелета населения энеолита-раннего бронзового века степей Волго-Уралья	61
Козмирчук И. А., Скоробогатов А. М. Большой Липяг – укрепленное поселение репинской культуры в Верхнем Подонье.	63
Мельник В. И. Ямно-катакомбные погребения и проблема их интерпретации	64
Бортникова С. В. Спиралевидные подвески юга Восточной Европы в эпоху бронзы: истоки морфологии	66
Гак Е. И., Луньков В. Ю. Металл второй половины средней – начала поздней бронзы юга Восточной Европы: локальные и хронологические особенности по аналитическим данным.	68
Мимоход Р. А. Десять лет спустя или радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований в свете новых данных	70
Епимахов А. В. Влияние количества радиоуглеродных дат на возможности реконструкции истории функционирования комплексов памятников эпохи бронзы (опыт микрорайона Каменный Амбар в Зауралье).	73
Малов Н. М. Погребение начала эпохи поздней бронзы из кургана около станции Переметной на реке Деркул: раскопки П. С. Рыкова.	74
Купцова Л. В. Культурно-хронологическая принадлежность кургана 4 Лабазовского курганного могильника в свете новых данных	76
Лунькова Ю. В., Луньков В. Ю., Скоробогатов А. М. К вопросу о планиграфии многомогильных курганов срубной КИО (на примере кургана у с. Некрылово).	78
Марьенкина Т. А. Постройки поздняяковской культуры эпохи бронзы на поселении Акузово 4.	80

ВСПОМИНАЯ НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА МЕРПЕРТА

И. А. Сорокина (ИА РАН, Москва)
iasorokina@yandex.ru

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ МЕРПЕРТ: ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ¹

О Николае Яковлевиче можно писать много. Коренной москвич, участник Великой Отечественной войны, выдающийся ученый, педагог, воспитавший целую плеяду археологов. Можно без преувеличения утверждать, что он не просто внес очень весомый вклад в мировую археологическую науку, но реально составил в ней целую эпоху. Причем речь идет не только о российской, но и зарубежной археологии. Младший современник ученых, стоявших у истоков советской археологии (А. В. Арциховского, А. Я. Брюсова, С. В. Киселева, А. П. Смирнова и др.), он не только продолжил их дело в изучении отечественных древностей, но и в полной мере использовал возможность заниматься проблемами возникновения цивилизаций на территории Евразии. Его перу принадлежат свыше 350 печатных работ, в том числе более 10 монографий. Последней его книгой стали изданные в 2011 г. мемуары (*Мерперт*, 2011), подводящие итог насыщенной и плодотворной жизни.

В краткой статье невозможно дать анализ многогранной деятельности Н. Я. Мерперта. Ограничимся основными вехами его биографии. Будущий ученый-археолог родился 26 ноября 1922 г. в Москве, в семье инженера-экономиста Якова Ивановича и его супруги медсестры Мелитины Михайловны. Жил в Староконюшенном переулке и учился в находящейся там же школе № 59. После ее окончания юноша решил связать свое будущее с археологией. Интерес не случаен. Еще в школьные годы он занимался в секции археологии исторического кабинета городского Дома пионеров и впервые попал на раскопки курганов. Позже продолжал археологические штудии в кружке при Государственном историческом музее (*Мерперт*, 2011. С. 28–33).

Но планы пришлось отложить. В 1940 г. после школы Н. Я. был призван в армию и до июня 1941 г. являлся курсантом учебного взвода Отдельного мотоциклетного полка 1-го мотомеханизированного корпуса Ленинградского военного округа, где и встретил начало Великой Отечественной войны. Курсант стал солдатом и воевал на Северо-Западном фронте в танковых и пехотных войсках. Был четырежды ранен. После последнего тяжелого ранения эвакуирован в Омск, в военный госпиталь, а в марте 1942 г. отчислен из армии по инвалидности. Боевые заслуги Н. Я. отмечены государственными наградами.

С этого времени начинается новый этап жизни и деятельности Николая Яковлевича, происходит становление его как ученого-археолога. Уже в марте 1942 он вернулся в Москву и поступил на кафедру археологии исторического факультета Московского государственного университета. В 1944 г. получил I премию на конкурсе студенческих работ за доклад «Мечи». В 1945 г. с отличием окончил МГУ. С 1946 по 1949 г. обучался в аспирантуре Института истории материальной культуры АН СССР². В дальнейшем вся его жизнь будет связана с ИИМК/ИА. Здесь он пройдет путь от младшего (с 1949) до главного научного сотрудника (с 1988), будет работать ученым секретарем института (1956–1961), заведующим сектором (потом отделом) неолита и бронзового века (1973–1988) и группой зарубежной археологии (1961–1980; 1989–1998)³. С 1997 г.⁴ и до мая 2011 г. Н. Я. трудился в отделе теории и методики ИА РАН.

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

² С 1957 г. – Институт археологии АН СССР / РАН.

³ См.: Институт археологии сегодня. М.: ИА РАН, 2000. С. 159–160.

⁴ С этого года группа зарубежной археологии вошла в состав отдела теории и методики.

Все это время Н. Я. Мерперт активно участвовал в археологических экспедициях. Он приобрел не только опыт археолога-полевика, владеющего методикой исследования различных типов памятников, но и реализовал организаторские способности: прошел путь от рабочего на раскопе до начальника крупной экспедиции. В экспедициях Н. Я. имел возможность получить представление о материалах археологических культур от энеолита до средневековья как в России, так и за рубежом. Это обстоятельство обусловило широту научных интересов Н. Я. и нашло отражение в его печатных трудах. Еще учась в школе, в середине 1930-х гг., будущий археолог неоднократно работал на раскопках курганов вятичей в Подмосковье. За время учебы в МГУ участвовал в археологических разведках (1942–1943), снова в раскопках подмосковных курганов (1944), в Никопольской (1944), Новгородской и Боспорской экспедициях (1945). В 1948–1949 гг. вместе с С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой участвовал в полевых работах в Монголии. В 1950–1955 г. был сотрудником (в качестве начальника 2-го отряда, а с 1951 г. – заместителя начальника) Куйбышевской экспедиции (рук. А. П. Смирнов). Следующее направление экспедиционной деятельности Н. Я. – Северный Кавказ (1956, 1959, 1960). С начала 1960-х гг. и по середину 2000-х неутомимый исследователь работал в зарубежных экспедициях АН СССР/РАН: в Египте и в Судане (1961–1963); в Болгарии (1961–1998); в Ираке (1969–1985); в Сирии (1988–2003).

Научные интересы и тематика публикаций Николая Яковлевича неразрывно связаны с материалами, полученными в экспедициях. Поразительно, как глубоко вникал он в контекст каждого научного направления, которым занимался в разные периоды своей долгой научной жизни. Учась в университете и поработав в Крыму, Н. Я. заинтересовался античностью и представил дипломную работу «Кровельные черепицы из раскопок Фанагории». Далее, в годы аспирантуры Н. Я. по предложению своего научного руководителя А. В. Арциховского погрузился в изучение средневековых древностей (салтовской культурно-исторической общности). Тема кандидатской диссертации, защищенной в 1950 г., – «Верхнее Салтово». Ряд последующих публикаций 1950-х гг. посвящены этой проблематике. В первой половине 1950-х гг. Н. Я. вел раскопки памятников срубной и абашевской культур эпохи бронзы и занимался этногенезом населения Поволжья. Тема докторской диссертации, защищенной в 1968 г., – «Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III – начало II тыс. до н. э.)». Наиболее весомый вклад в изучение проблем энеолита и эпохи бронзы, как представляется, связан с многолетними исследованиями Николая Яковлевича в Болгарии и на Ближнем Востоке. Этому же посвящена и основная часть его публикаций.

Столь плодотворная работа на ниве советской, российской и зарубежной археологии была по достоинству оценена. В 1970 г. Н. Я. был награжден болгарским орденом «Кирилл и Мефодий» 1-й степени, а в 1999 г. получил Государственную премию за вклад российской науки в изучение древней Месопотамии (совместно с О. Н. Бадером и Р. М. Мунчаевым). Был он и почетным членом зарубежных научных обществ и институтов.

Огромный вклад ученого в подготовку кадров археологов. В 1955 г. он преподавал в Ульяновском педагогическом институте, в 1965–1970 гг. читал курс археологии бронзового века на кафедре археологии МГУ. В Институте археологии постоянно руководил работой аспирантов из разных городов России, а также из других стран. За педагогическую деятельность в 1996 г. получил звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В последние годы преподавал в Московском библейско-богословском институте (курс библейской археологии).

Исследования Николая Яковлевича Мерперта, в том числе самые ранние, актуальны и ныне. Его научные труды еще долго будут востребованы археологическим сообществом, его многочисленные ученики успешно продолжают его дело. Немногим ученым удается оставить столь заметный след в науке.

ЛИТЕРАТУРА

Мерперт Н. Я., 2011. Из прошлого далекого и близкого. Мемуары археолога. М.: Таус. 393 с.
Институт археологии сегодня. М.: ИА РАН, 2000. С. 159–160.

О ВКЛАДЕ Н. Я. МЕРПЕРТА В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ В РЕГИОНАХ

Имя Н. Я. Мерперта широко известно в научных кругах не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Являясь одним из учеников В. А. Городцова, он, вероятно, по примеру учителя сформировал у себя достаточно широкий круг интересов в археологической науке – от эпохи неолита до античности. Однако наибольших успехов, как известно, он добился в области изучения культур эпохи раннего металла и в рамках Северной Евразии и Ближнего Востока.

Оценка его жизни и научной деятельности в обобщенном виде нашла отражение в двух юбилейных публикациях, приуроченных к его восьмидесятилетию и девяностолетию (Мунчаев, 2002; Моргунова, 2012). Они содержат информацию, дающую достаточно полное представление о нем, как человеке и ученом. Существенным дополнением к ним являются мемуары самого Н. Я. Мерперта, которые он назвал «Из прошлого: далекого и близкого» (Мерперт, 2011).

Нам хотелось из всего многообразия его деятельности в тезисной форме выделить вклад Н. Я. Мерперта в развитие археологической науки в регионах.

Как известно, достижения отечественной археологии в советский период очевидны и весьма широко освещены в литературе. За семидесятилетний период в СССР произошло поистине феноменальное открытие археологических памятников древнейшей и древней истории народов, населявших пространства в 22 млн кв. км. начиная с эпохи палеолита и до позднего средневековья. За эти годы в общих чертах была создана археологическая карта всей страны. Создавалась она непосредственно под общим руководством Института археологии АН СССР, но и при активном участии научных сил практически всех регионов.

Суть проблемы и ее сложность состояла в том, что в 60–70-е гг. прошлого века в стране, к сожалению, было недостаточно подготовленных специалистов в области археологии. За исключением союзных и автономных республик, где были созданы научные учреждения гуманитарного профиля, на местах поисковая работа проводилась в значительной степени силами краеведов. Руководство страны, ощущая потребность в подготовке высококвалифицированных кадров, приняло решение об открытии в целом ряде крупных городов Урала, Поволжья и Сибири университетов и педагогических институтов. Как правило, в новых вузах открывали исторические факультеты. Это было вызвано нехваткой специалистов для разных отраслей и в том числе для подготовки исследовательских и учительских кадров. Как известно, одним из обязательных предметов на истфаке был курс археологии и полевой практики. На первых порах в вузах вести их поручали кому-либо из историков. Дефицит археологов-историков был поистине велик. Крохотные выпуски Московского и Ленинградского университетов не могли обеспечить кадрами вузы в регионах. Именно в этих условиях огромный вклад внес Институт археологии, ставший, по нашему мнению, самым высокоэффективным питомником по подготовке археологических кадров. Руководители вузов достойно оценили и активно использовали научно-методическую помощь ведущих археологов страны в подготовке специалистов для своих регионов. Обучение аспирантов в Институте археологии осуществлялось в различных формах, как правило, через целевую аспирантуру, соискательство и различные виды научного сотрудничества (Горбунов, 2016. С. 22–23).

Начиная с 70-х годов Н. Я. Мерперт превратился в одну из знаковых фигур в археологической науке. Более того, он в 1973 г. возглавил Отдел неолита и бронзы Института археологии АН СССР и руководил им вплоть до 1989 г. (Мунчаев, 2002. С. 7). Именно в течение этих 16 лет Н. Я. Мерперт внес, без преувеличения, большой вклад в изучение проблем энеолита и бронзы в стране. Это в значительной степени отражало позицию руководства ИА АН СССР. Пожалуй, наиболее активные связи вузов Урала, Поволжья и ряда союзных республик были установлены именно с Отделом неолита и бронзы, который возглавлял Н. Я. Мерперт. По существу, в рамках научно-исследовательской тематики Отдела он разработал целостную

программу изучения энеолита, а также бронзового века степной зоны Восточной Европы. Учитывая весьма ограниченные возможности сотрудников Отдела, охватить полевыми исследованиями все регионы страны было практически невозможно. Институт археологии мог рассчитывать на сотрудничество со специалистами автономных республик и областей РСФСР. Не ошибусь, что большинство археологов старшего и среднего поколений в той или иной степени были связаны с Институтом археологии. Этому в значительной степени способствовало и то, что руководство Института и сотрудники секторов доброжелательно относились к научным запросам иногородних аспирантов и соискателей. По настоящему творческая атмосфера, которую в значительной степени создавал сам Н. Я. Мерперт, способствовала профессиональной подготовке и росту студентов и выпускников истфаков университетов и пединститутов страны (Горбунов, 2016. С. 23).

Важный вклад в развитие отечественной археологии бесспорно принадлежит Н. Я. Мерперту, который создал свою научную школу, подготовив большую группу высококвалифицированных специалистов (более 40 кандидатов и докторов наук) в области энеолита и бронзового века евразийского пограничья, которые на местах – в различных университетах, научных центрах и музеях страны – плодотворно трудятся над изучением степных культур IV–II тыс. до н. э. Н. Я. Мерперт успешно и умело координировал работы и сотрудников Отдела, и коллег из регионов, проводя постоянно необходимые консультации и оказывая систематически помощь в организации различных научных конференций и симпозиумов. Так, в 2001 г. под руководством Н. Я. Мерперта в Самаре прошла представительная конференция в честь В. А. Городцова. Она была посвящена целиком изучению неолита, энеолита и бронзового века Восточной Европы (Мунчаев, 2002. С. 11). На его книгах и статьях молодые исследователи из регионов осваивали методологические и методические основания науки, эмпирические и теоретические приемы, связанные с анализом полученных в результате раскопок материалов, обоснованием и аргументацией доказательств и выводов в своих публикациях. Гражданская позиция Николая Яковлевича представлялась всегда четкой и ясной. Ее отличает истинный гуманизм и подлинный интернационализм, лишенный каких-либо предрассудков. Большой природный талант и постоянный активный труд, нередко до самоистязания, обеспечили его поразительные творческие успехи и большой, заслуженный авторитет среди коллег и широкой научной общественности, сделали Николая Яковлевича тем, кем он является, – замечательным ученым и прекрасным гражданином своей страны, которым мы гордимся (Мунчаев, 2002. С. 14)

ЛИТЕРАТУРА

- Горбунов В. С., 2016. О некоторых особенностях этоса науки в современном археологическом обществе // *Этика в археологии*. Уфа: Изд-во БГПУ. С. 21–32.
- Мерперт Н. Я., 2011. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М.: Таус. 384 с.
- Моргунова Н. Л., 2012. Мерперт и его роль в археологии Поволжья и Урала // *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 7–17.
- Мунчаев Р. М., 2002. К 80-летию Николая Яковлевича Мерперта // *Российская археология*. № 4. С. 176–181.

Л. А. Беляев (ИА РАН, Москва)
labeliaev@bk.ru

Н. Я. МЕРПЕРТ – БИБЛЕЙСКИЙ АРХЕОЛОГ: ВОСПОМИНАНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Для истории науки в России 1990–2000-х гг. занятия Николая Яковлевича Мерперта в области библейской археологии представляют несомненный интерес. За десятилетия атеизма в СССР отвыкли от эпитетов «библейский», «христианский» и «религиозный» – во всяком

случае, с положительной или хотя бы нейтральной окраской. Не стоит преувеличивать – отдельные случаи найти можно, особенно переводные («Библейские холмы» Эриха Церена, «Мусульманский ренессанс» Адама Меца и другие). Но в целом нет, такое не одобрялось.

При этом, однако, не воспрещалось заниматься теми же самыми сюжетами, но без религиозной этикетки. Запросто печатали статьи и книги о Кумранских рукописях, критические изложения Евангелий, во множестве переводили классиков буддизма, книги по конфуцианству, даосизму и ориентальную литературу в целом, это было в порядке вещей. И все же сочетания «библейская археология» и, особенно, «церковная археология» можно было использовать разве что в очерке западной историографии, а не в заголовке учебника. Понятно, что снятие запретов пробудило новый интерес к направлению религиозной археологии, а, учитывая круг интересов жителей России, в основном к археологии авраамических религий. Сразу потребовались учебники, курсы лекций для вузов (не обязательно духовных, возникло много образовательных заведений общегуманитарного характера) – а их пока не было.

Те ученые, которых и раньше интересовало соотношение текстов и археологических источников (а именно таково отношение священной истории с действительностью, отраженной в материальных объектах), могли теперь окунуться в рассмотрение прошлого *sub specie aeternitatis*. У меня занятия церковными древностями Московского царства (то есть очень поздними) возбудили жгучий интерес к общей традиции христианства и его, так сказать, природной среде – иудаизму. К этому же кругу предания и культурной среде восходили древности ислама. Конечно, генетическая прародина этих религий лежала далеко на юге, но с памятниками трех традиций житель СССР постоянно сталкивался всюду – в византийском Крыму и городах ордынского Поволжья, в средневековом Хорезме и в республиках на западе. Путеводной нитью служила иконография: удалось доказать, что композиции надгробных памятников XII–XVI вв. имеют глубокую связь с христианской традицией Европы, вплоть до ее классического прошлого. Удалось найти на Руси и следы прямого знакомства с архетипами Святой Земли. Теперь стало важным углубиться в традицию формирования и научного исследования древностей и искусства западных конфессий. Из-за рубежа везлись горы литературы и коробки, набитые ксероксами с трудов предшественников. Да и собственная, российская, церковная археология рассматривалась с гораздо более естественной для этого точки зрения. Так что папки все пухли и пухли от конспектов.

В 1998 г. вышли в свет мои «Христианские древности», обозначенные как учебное пособие неизвестно для каких вузов. Это была попытка поделиться собранным материалом и посмотреть на памятники религии взглядом позитивиста. По сути – история христианской и церковной археологии, едва задевавшая период до Рождества Христова. Попутно в ней представлялись и сами обсуждавшиеся объекты.

Очень скоро, в 2000 г., появилась и книга Н. Я. Мерперта «Очерки археологии библейских стран». Думаю, в стране невозможно было тогда найти ученого, который справился бы с поставленной задачей лучше него. За плечами Николая Яковлевича стоял огромный опыт работ на Ближнем Востоке и на востоке Средиземноморья, его глубокий интерес к древностям III–I тыс. до н. э., талант рассказчика, цепкая память профессионала, хранящая тысячи подробностей, и обширные знания, накопленные в течение всей научной жизни и восходящие к традиции гимназического образования. В основу своего очерка по археологии Сиро-Палестинского региона он положил труды классиков библейской археологии эпохи ее последнего расцвета, то есть середины XX в. В первую очередь, представителей американской школы – Уильяма Олбрайта и Джона Райта, которые дополнил обобщающий труд израильского археолога старшего поколения Амихая Мазара («старого Мазара») о культурах от 10 тыс. лет до РХ по 586 г. до РХ (момент разрушения Первого Храма). Н. Я. использовал также известный историографический очерк Питера Мури и труды легендарной Кэтрин Кэньон, то есть работы, вышедшие из британской школы, из Фонда исследований Палестины (PEF). При этом были привлечены труды гораздо более старые, давно и хорошо знакомые пожилому ученому, такие как книги Флиндерса Питри, Фредерика Блисса и многих других.

Николай Яковлевич использовал в обзоре и весь инструментарий критики источников, накопленный отечественной школой востоковедения начиная с XIX в., включая преимущества строго методического подхода, свойственного археологам из СССР. В итоге получилась русская ветвь, выросшая, так сказать, на дереве западной библейской археологии. Она имеет все черты основного ствола. Николай Яковлевич глубоко воспринял очень своеобразный сплав из объектов археологии (теллей и других возвышенностей; пещер и равнинных поселений; некрополей и храмов; кладов и надписей), изучаемых с привлечением новейших методик – и традиционных нарративов библейского характера. Как и для фундаменталистов американской школы, для него нет ничего неприемлемого в том, чтобы рассуждать о достоверности или ошибочности отождествления построек с «конюшнями Соломона»; пользоваться хронологией, апеллирующей к Библии; соединять в одном оглавлении археологические века «по Томпсону» с периодизацией Единого и Разделенного царств Иудеи.

Причина этого, по крайней мере отчасти, в том, что для Николая Яковлевича достоверность Священной истории, пусть и несколько более туманная, не менее реальна, чем пространство археологии. Подобно многим ученым-христианам, он не видел необходимости отказываться от двойственности истины, и ему легко было следовать путями библейских археологов, которые сегодня выглядят очень уж архаичными. Именно по 1980–1990-м гг. прошел тот окончательный разлом, который заставил сменить не только названия журналов («Biblical Archaeologist» стал «Near Eastern Archaeology»), но и наименование дисциплины: на место библейской археологии пришла археология Сиро-Палестинского региона раннего периода. Дело, однако, не в политической корректности нового подхода. Дело в том, что такой подход соответствует базовому принципу современного научного анализа, который предполагает раздельную критику источников письменных и материальных, предусматривая дополнительные процедуры и механизм для сопоставления выводов.

Для Николая Яковлевича это не имело существенного значения, подобно большинству советских археологов, он не воспринимал границ внутри исторического знания как непродоходимых и воспринимал область как абсолютно единую, возможно, – с приоритетом источников материальных (что для эпохи рождения письменности, в сущности, только логично). Немудрено, что написанный Н. Я. Мерпертом курс вузы используют и сегодня. В отличие от «Христианских древностей», он писался для вполне конкретного Библейско-богословского института святого Апостола Андрея (основан в 1995 г., наследует «Воскресному христианскому университету» о. Александра Меня) и по духу прекрасно соответствует просветительской и, отчасти, эйкуменической атмосфере движения последователей и учеников отца Александра.

Наши сочинения существенно отличались подходом. Во-первых, по хронологии: труд Николая Яковлевича начинался чуть ли не от Сотворения мира и заканчивался на моменте Вавилонского пленения. Во вторых, историко-географически: Николай Яковлевич сузил заявленные рамки библейских стран до территории условной Палестины, исключив из них, по сути дела, Египет и Двуречье, неизбежные в Священной истории и в силу этого обычно присутствующие в библейской археологии. Наконец, книга Николая Яковлевича не была историографической, это была, что называется, «история, вооруженная лопатой», да еще не простая история, а библейская.

Мы, впрочем, попытались соединить подходы – вернее, это предложил сделать Николай Яковлевич. Мы не были близко знакомы (я перешел в ИА РАН в 1989 г., и с середины 1990-х много времени проводил за рубежом), но, конечно, узнавали друг друга, и у меня было много поводов осознать, какой интеллигентный, образованный, исключительно доброжелательный человек этот легендарный ученый. Вскоре после выхода своей книги, в начале 2000-х гг., Н. Я. заговорил со мной при встрече в коридоре о том, что существует разрыв между VI в. до н. э. и началом христианской археологии, который вполне можно заполнить нам вдвоем. Мне идея показалась разумной, так как убрать зияние, казалось, не требовало больших усилий. Мы согласились писать каждый свою часть, и Николай Яковлевич стал снабжать меня листами рукописи, быстро заполнявшими соответствующую папку. Это был и правда манускрипт – страницы, исписанные от руки крупным, немного детским почерком. Конспекты из Ягеля Ядина и других израильских, европейских, американских археологов. Их можно

было бы вписать в популярную книгу, но для критической работы, пусть и учебного характера, они не очень подходили. Работа была, что называется, внеплановая, и я стал немного манкировать ею, надеясь, что дело как-нибудь само сойдет на нет. Но Н. Я. продолжал побуждать меня к соавторству, и в конце концов пришлось сдаться, о чем я сегодня нисколько не жалею.

Мы разделили «межбиблейский период» примерно по линии эллинизма: до прихода в регион Александра Македонского главы принадлежали Николаю Яковлевичу, от памятников IV в. до н. э. – мне. Решено было перекрыть и период древнейшего христианства, чтобы соединиться с «Христианскими древностями», поэтому изложение доводилось до правления императора Константина Великого. Должен признаться, что работать с текстами своей половины для меня оказалось очень интересным, классический период Сиро-Палестинского региона теперь представлялся не только полем научных дискуссий, но и реальным пространством сложных контекстов, образов и художественных памятников, которые должно было каким-то способом соединить друг с другом, не затянув при этом неизбежно оставшихся швов. Потребовалось принять новую модель изложения, включить «окна» для разработки конкретных сюжетов, описания объектов, перевода документов.

Тем временем раздел Николая Яковлевича фактически остановился – для него в тот момент было просто невозможно собрать литературу, вернее, пришлось бы посвятить этому не один год. К счастью, из печати вышла новая книга Эфраима Штерна как раз по ассирийскому, вавилонскому и персидскому периодам (732–332 гг. до н. э.). Бойкая работа на компьютере позволила приготовить из этого внушительного фолианта вполне приемлемый (с точки зрения информативности) раздел – разумеется, с указанием на источник и многочисленными ссылками на него. Поэтому наша книга в итоге оказалась состоящей из двух не похожих друг на друга частей, но все-таки она перекрыла промежуток примерно в 800 лет. Образовался сплошной путь, ведущий от зарождения цивилизации на Востоке до, практически, Нового и Новейшего времени – разумеется, в рамках истории и археологии памятников религии. Пожалуй, такого протяженного сочинения, как наши три книги, нет ни в западной историографии, ни в отечественной.

Важным оказалось и то, что новая версия археологии религии соединяла древнейшие верования, иудаизм и христианство, местами (в позднейших частях) затрагивая даже ислам. От этих книг было необходимо сделать только шаг, чтобы получить авраамическую археологию, и этот шаг тоже удалось сделать, пусть и несколько позднее, с помощью большого коллектива единомышленников и сочувствующих.

Что касается нашей с Николаем Яковлевичем книги, получившей название «От библийских древностей к христианским. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства», то ее выпуск взял на себя католический Институт философии, теологии и истории св. Фомы, в котором преподавал Николай Яковлевич. Издание затянулось, возникали проблемы с редактированием, финансированием, цветной печатью и т. п. Но в 2007 г. книга вышла, и Николай Яковлевич был ей очень рад. Мы с гордостью (и юмором, конечно) рассматривали список институтских изданий *Bibliotheca Ignatiana* (институт поддерживался Орденом иезуитов), в котором наша книга стояла сразу после очерков метафизики и этики Жака Маритена «От Бергсона к Фоме Аквинскому». Со вкусом изданный том был, впрочем, принят к печати в ИА РАН, его рецензировал целый коллектив ученых (Т. М. Арсеньева, В. И. Гуляев, Г. А. Кошеленко и Т. Н. Мишина). Насколько его читают, трудно сказать – на сайте института св. Фомы он не значится среди распроданных.

Мне не хотелось бы говорить о глубинах духовной жизни Николая Яковлевича, мы никогда об этом не беседовали – но многое узнается без слов. Мне было достаточно знать, что он христианин, причем искренне верующий. Таким он был и в ежедневном поведении, и в отношениях с людьми, и в науке. Это и сказалось в его подходе к библейской археологии.

Н. Я. МЕРПЕРТ – СОРУКОВОДИТЕЛЬ БОЛГАРО-СОВЕТСКОЙ/РОССИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ТЕЛЛЕ ЮНАЦИТЕ (1981–2001 ГГ.)

В 1980 г. Археологический институт и музей при Болгарской академии наук в Софии включил в свой рабочий план возобновление сотрудничества с Институтом археологии РАН в Москве по теме «Развитие доисторических культур (неолита, энеолита и бронзы) в Северо-Западной Фракии (Пазарджикский округ)». По этому плану объектом исследования стало многослойное поселение у с. Юнаците.

Телль Юнаците впервые исследовался В. Миковым в 1939 г. В 1976 г. раскопки на этом памятнике были продолжены сотрудниками Регионального исторического музея г. Пазарджика. После заключения договора о сотрудничестве именно этот археологический объект был выбран для исследования. В 1980 г. телль Юнаците посетили профессор Н. Я. Мерперт и профессор В. С. Титов, в то время гости Болгарской академии наук и участники Конгресса славянской археологии.

Имя российского археолога Н. Я. Мерперта было хорошо известно среди болгарских коллег: он принимал участие в полевых исследованиях телля Эзеро, результаты уже были опубликованы в многочисленных статьях и в коллективной монографии «Эзеро. Раннобронзового селище» (1979).

После осмотра многослойного поселения Юнаците совместно с Р. Катинчарова, в то время руководителем исследований на телле, был принят план коллективной работы на ближайшие два года. В течение этих археологических сезонов проф. Н. Я. Мерперт принимал участие в исследовании строительных горизонтов XIII–XIV пласта Б, который принадлежал эпохе ранней бронзы. В конце 1982 г. был подготовлен долгосрочный контракт № 287/12.05.1983 г. между Районным Народным Советом г. Пазарджик, Институтом археологии и музеем при БАН в Софии, и Институтом археологии АН СССР в Москве.

Первый этап (1983–1989) совместной работы болгаро-советской экспедиции начался в 1983 г. В составе советской группы под руководством Н. Я. Мерперта работали коллеги из Москвы: Л. И. Авилова (1983–1986), Т. Н. Мишина (1986–1989), В.И. Балабина (1987–1989), В.С. Титов (1983–1986) и А. И. Иванчик (1989). Болгарская команда состояла из сотрудников Регионального исторического музея г. Пазарджика: В. Мацановой, Ст. Терзийско-Игнатовой (1983–1989) и сотрудника Центра древних языков и культуры Дм. Генова (1984–1989).

Главной задачей этого периода стало доследование культурного слоя эпохи ранней бронзы. В первые же дни Н. Я. Мерперт сформулировал цели и задачи международной группы по комплексному изучению памятника и его окрестностей. Разработал научную программу по исследованию оставшихся горизонтов РБВ. Он также обратил внимание на необходимость исследования профилей шурфа В. Микова. Профили шурфа 1939 г. были зачищены и заглублены почти на два метра. Это доисследование слоя было чрезвычайно важным для уточнения полной стратиграфии памятника.

Одну из главных задач проф. Мерперт видел в фиксации центрального профиля памятника, включающего культурные слои от средневековья, эпохи железа (пласт А) до эпохи ранней бронзы (пласт Б). Общая протяженность достигала 75 м в длину и около 6 м в высоту.

Усилия всех сотрудников экспедиции, и прежде всего проф. Мерперта, по ведению полевой документации позволили проследить детальную стратиграфию и планиграфию поселков РБВ. С XIII горизонта в северо-восточной части поселения фиксировались ров, вал и трехрядный частокол с проходом – вырисовывалась целая система укреплений на этом поселении. Началось исследование рва, длина которого составила 21 м. В заполнении рва была обнаружена деревянная конструкция, которая интерпретировалась как деревянный помост/мост через ров.

Значимые результаты изучения нижних горизонтов слоя РБВ достигнуты благодаря большому полевому опыту Н. Я. Мерперта, который он приобрел, участвуя в исследовании телля

Эзеро. Систематизация имеющихся сведений о планиграфии последовательно существовавших поселков находит аналогии на памятниках Западной Анатолии, на что справедливо указал Н. Я. Удалось проследить конструкции построек, их архитектурные особенности, появилась возможность реконструировать интерьеры построек и все многообразие хозяйственных объектов.

Хотелось бы особо отметить педагогический талант проф. Мерперта. Несколько археологических сезонов на памятнике работали студенческие отряды из Софийского университета им. Кл. Охридского, старшекласники гимназии города Пазарджика. Для них Николай Яковлевич читал лекции по археологии Болгарии, рассказывал о специфике полевых исследований на телле Юнаците, стараясь сделать процесс раскопок на этом сложнейшем памятнике осмысленным и интересным.

Он щедро делился своими знаниями по археологии Египта, Ближнего Востока, южно-русских степей, где работал в экспедициях, с археологами из разных городов Болгарии, принимавшими участие в раскопках: с Б. Колевой из г. Пловдива, Г. Валчановой из г. Смоляна, М. Стефановой из НИМ, София, Л. Николовой из г. Карлово, А. Йоцовой из г. Видина, С. Терзийской-Игнатовой, сотрудницей Регионального исторического музея г. Пазарджика, Ю. Боянином из АИМ в Софии.

Именно Н. Я. Мерперт был инициатором обхода окрестностей многослойного поселения, и это значительно расширило круг исследовательских задач. На распаханной территории к западу от телля и по отвесным стенкам расположенных рядом траншей, предназначенных для прокладки оросительной системы, были сделаны вертикальные зачистки стенок. Полученный материал эпохи ранней бронзы и энеолита, прежде всего множество фрагментов керамики, позволил утверждать, что за пределами телля также имелось поселение (открытое поселение), синхронное отдельным поселкам на телле. Определены его границы, приблизительная площадь достигала 40 000 кв. м. Для изучения культурного слоя был заложен зондаж А размером 6 × 3 м.

По программе междисциплинарных исследований, предложенной Н. Я., коллегами археологов стали исследователи нескольких научных направлений. Так, остеологическую коллекцию эпохи РБВ обрабатывали профессора Г. Ковачев и Ц. Гигон из Высшего института зоотехники и ветеринарии, г. Стара Загора, и Л. Нинов из АИМ, София, палеоботанические находки исследовала Цв. Попова из Археологического института и музея при БАН, г. София, палинологические материалы исследовались Е. А. Спиридоновой, сотрудником ИА РАН. Детские погребения в урнах, открытые в слоях эпохи РБВ, определял антрополог П. Боев. С материалами телля Юнаците работала также специалист по археомагнитному датированию М. Ковачева из Института геодезии БАН, София. Из исследуемых горизонтов регулярно отбирали пробы для абсолютного датирования ¹⁴C, это обугленные зерна, желуди, древесный тлен и др. Первая серия проб (25 образцов) передана в Берлинскую радиоуглеродную лабораторию, еще одна серия из 14 проб сделана в радиоуглеродной лаборатории ИГ РАН.

В 1995 г. было подписано дополнительное соглашение с Софийским университетом им. Кл. Охридского и Центром древних языков и культуры, постоянным представителем которого в экспедиции был Д. Генев.

Полевые работы на телле Юнаците вызвали заметный резонанс в местной печати. Н. Я. никогда не отказывал журналистам из газет и с радио и давал подробные, интересные интервью о ходе исследований. В статье газеты «Знамя» Н. Я. Мерперт определил многослойное поселение у села Юнаците как «ключевой» объект для праистории не только Болгарии, но и Юго-Восточной Европы и отметил выявленные комплексы эпохи ранней бронзы как уникальные, отличные от изученных уже поселений Эзеро, подчеркнул значение телля для хронологии и периодизации бронзового века Фракии.

В газете «Отечественный Фронт» вышла публикация с интригующим заголовком «Крепость древних цивилизаций. Книга, которую мы листаем». В ней Н. Я. рассказал об уникальном открытии – оборонительной системе в поселках эпохи ранней бронзы. На радио Пловдив он подробно рассказывал о результатах полевых исследований и устройстве поселений эпохи ранней бронзы, о системе укреплений, о значении телля Юнаците в первобытной истории Болгарии.

Заслуги видного российского археолога в публикационной деятельности коллектива неоспоримы. На протяжении всего периода полевых исследований он систематически вводил

в научный оборот новые материалы, включая их в проблематику связей Фракийского региона с Ближним Востоком и Средиземноморским регионом в эпоху ранней бронзы. Закончив раскопки горизонтов эпохи ранней бронзы, проф. Мерперт обобщил результаты в серии статей в болгарских и российских научных журналах, в докладах на международных конференциях, где выступил с интерпретацией стратиграфических и планиграфических характеристик многослойного поселения Юнаците.

В рамках реализации научной программы, разработанной проф. Мерпертом в 1986–1987 гг., группа активно работала над подготовкой публикации первого тома. Советские коллеги после полевых работ ознакомились с документацией раскопок 1976–1981 гг. и в течение двух сезонов совместно с болгарскими исследователями подготовили рукопись коллективной монографии «Селищна могила при селе Юнаците», которая вышла в софийском издательстве «АГАТО» в 1995 г.

Николай Яковлевич всегда радовался приезду коллег из других экспедиций и увлеченно показывал гостям раскоп, находки, делился своими гипотезами и интерпретациями. Гостями экспедиции были профессор В. Велков, заместитель директора Археологического института и музея в Софии, В. Найденова из отдела древностей, министр культуры Болгарии проф. А. Фол, наш коллега проф. В. Николов и многие другие. Международный состав нашей экспедиции также посещал соседние экспедиции: позднеэнеолитическое поселение Долнослав, которое исследовали проф. А. Радунчева и Б. Колева, раскопки на Дrame международной болгаро-германской экспедиции под руководством проф. Яна Лихардуса, раннеэнеолитическое поселение Ковачево, где руководили раскопками проф. Ж. П. Демуть и проф. М. Лихардус-Иттена из Парижского университета. Удалось побывать и на месте исследования уникального Варненского некрополя, ознакомиться с его находками в музее г. Варны.

Второй этап совместной работы болгаро-советской экспедиции охватывает период 1990–2001 гг. Он совпал с радикальными изменениями, произошедшими в ноябре 1989 г. в Болгарии. Новые условия либерализации экономики, реформы по демократизации страны нашли отражение в работе международных экспедиций. Финансовые средства на раскопки были ограничены, что сократило сроки работ, площадь раскопок. Трудности возникли и с набором рабочих.

Все эти обстоятельства требовали новой организации в работе экспедиции. С 1995 по 1997 г. в экспедиции участвовали студенты Софийского университета им. Климента Охридского под руководством доцента Кр. Лещакова. Исключительным шансом для них стала возможность общаться с Н. Я. Мерпертом. Он читал лекции для студентов о своих раскопках на Ближнем Востоке, о последних достижениях в российской археологии. Дополнительно Н. Я. непосредственно на памятнике, у профиля показывал, как читать стратиграфию строительных горизонтов, как делать разрезы, говорил о важности методики описания культурного слоя.

За самоотверженную работу, за вклад в изучение первобытной истории Болгарии, за подготовку научных кадров в 1995 г. Министерство культуры наградило профессора Мерперта орденом «Свв. Кирилла и Мефодия» 1-й степени и медалью «Св. Климент Охридский».

Особо хотелось бы отметить человеческие качества Николая Яковлевича. Он был добрым, располагающим к себе человеком, всегда был готов помочь, когда возникала проблема в нашей работе. Его скромность и преданность любимой археологии, его самозабвенная работа в поле, в камералке, за письменным столом на базе в экспедиции производили впечатление на молодых археологов. Мы были поражены его разнообразными интересами и знаниями. Он прекрасно знал не только археологию и историю своей страны, но и литературу, музыку, изобразительное искусство, был интереснейшим собеседником. Н. Я. увлекательно рассказывал случаи из своих многочисленных археологических экспедиций в России и за рубежом.

Коллеги особенно были рады встрече с Н. Я. Мерпертом спустя 10 лет на международном симпозиуме, посвященном 70-летию юбилею раскопок на телле Юнаците, организованном болгаро-греческой экспедицией 27–30 октября 2009 г. на тему «Золотое пятое тысячелетие. Фракия и соседние регионы эпохи каменно-медного века». Симпозиум открылся выставкой «Доисторический город птиц» в РИМ г. Пазарджика, многие артефакты которой были найдены Н. Я. Эта встреча была прощальной.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Я. МЕРПЕРТА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Е. Н. Черных (ИА РАН, Москва)
evgenij.chernykh@gmail.com

ЦИРКУМПОНТИЙСКИЙ АРЕАЛ В МАКРОСТРУКТУРЕ ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА (ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА)

1. Циркумпонтийский ареал (*ЦМПАр*) охватывает непосредственно прилегающие со всех четырех сторон света вокруг Понта Эвксинского/Черного моря регионы. Впервые в литературе формулировка термина «Циркумпонтийский» и его дешифровка появилась еще 1971–1972 гг., что было сопряжено с выделением особой Циркумпонтийской металлургической провинции (*ЦМПТ*), продукция которой сыграла особую роль в развитии евразийской металлургии (рис. 1: *А, В*).

2. Структура *ЦМПАр* не сложна. Моря – Черное вкупе с Азовским – окружают особые геоареалы либо крупные области геоареалов: а) Балканский полуостров (запад), б) Малая Азия / Анатолия (юг), в) Кавказ (восток). Север *ЦМПАр* сопряжен уже со степным регионом, резко отличающимся и геоструктурой, и рельефом от прочих трех (рис. 1: *В*).

3. Макроструктура *Евразийского мира* на фоне *ЦМПАр*, безусловно, кажется несопоставимо более сложной, и это вряд ли требует особых доказательств. Базовой основой последней является геоструктура всего Евразийского материка, что, в свою очередь, определяет поразительное многообразие материковых культур *ХОМО*. И структура *мира Евразийского* должна выявляться уже с учетом покрывавших материк культур *ХОМО*. Но мы начнем с проблемы геоморфологического единства континента.

4. Со времени античных мыслителей, например, Гекатея Милетского (550–490 гг. до н. э.), и более поздних, скажем, «отца истории» Геродота (484–425 гг. до н. э.), доминировало безусловное мнение, что здесь как бы тесно спаяны два материка – Европа и Азия, от того и «Евразия». Граница между ними проходила по Дону (Танаису) и уходила на север – к горам Рифейским/Рипейским, которые, правда, никто из античных мудрецов не видел. Много позднее, уже после открытия гор Уральских, их стали отождествлять с Рифеями. Тогда и созрело мнение, что именно Урал/Рифеи и служит границей между Европой и Азией. Данное мнение – что очень странно – является господствующим и по сей день.

5. Может быть, первым высказавшимся против такого членения материка оказался великий российский химик Д. И. Менделеев. Кроме всего, он еще в 1906 г. выразил и надежду, что такой раздел Евразии будет скоро отброшен и забыт... Но УВЫ!

6. Тяготы при реконструкции макроструктуры Евразийского континента усугубляются тем, что массив самого обширного материка Земли не очень богат такими разветвлениями/ответвлениями, подобными, скажем, Америке с ее обширными «половинами» – *южной и северной*. Однако в любом случае исходным для нас станет членение материка на четыре основных раздела: *Север – Юг – Запад – Восток*.

7. Раздел *Север – Юг* выявлять существенно легче и надежнее. Его важнейший признак – т. н. *Альпийско-Гималайская Геосинклиналь*, или *складчатость (АГГ)*, обозначающая линию столкновения трех материковых литоральных плит – Евразийской, Африканской и Индостанской, из которых Евразийская является самой могучей. Континентальные стыки проявляются на материковой поверхности в виде взаимосвязанной системы различных по мощи, характеру и высоте горных хребтов. Данная система является чрезвычайно протяженной, вытянувшейся с запада на восток – от Атлантики до восточных кряжей Тибетского региона: дистанция примерно в 13 тыс. км. После этого «складчатость» всех хребтов системы резко сворачивает на юг к Индо-Китаю и островам Индонезии, а это еще около 4–5 тыс. км

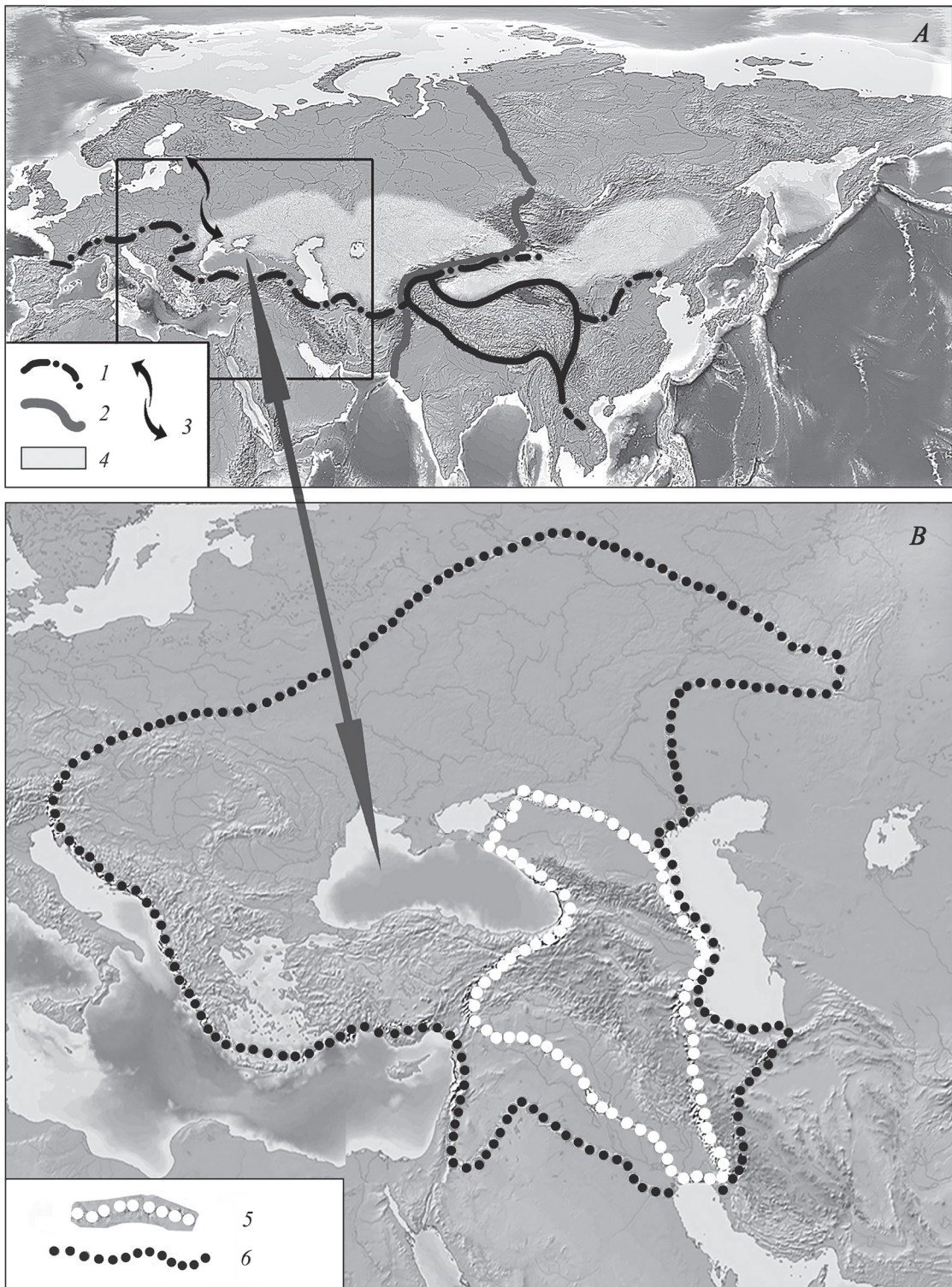

Рис. 1А и 1В. Евразия и Циркумпонтийский ареал

Усл. обозначения. Ареалы и линии: 1 – Альпийско-Гималайская Геосинклиналь; 2 – долины Енисея и Инда; 3 – отсечение Европейского Мега-полуострова; 4 – Великий Степной пояс; 5 – Прото-Циркумпонтийская металлургическая провинция; 6 – Циркумпонтийская металлургическая провинция

(рис. 1: А, 1). Именно эта линия АГГ генеральной протяженностью около 17–18 тыс. км и позволяет уверенно «членить» Евразию на «половинки» Север – Юг – впрочем, весьма неравные территориально. Любопытно, пожалуй, что *столкновения/наезды* материковых литоральных плит друг на друга продолжают и по сей день, и это отмечают геоморфологи при наблюдениях за высотами коронных хребтов АГГ.

8. Раздел Север – Юг, обусловленный столкновением материковых плит, заставляет нас вновь обратиться к вопросу о геоморфологическом единстве Евразии, хотя речь пойдет уже не о слиянии Европы и Азии. Крайне любопытным результатом «стыковки» материковых плит явилось представление у специалистов о своеобразных «подарках» Евразийской плите от плит более южных: Африканской (Аравийский полуостров), а также от Индостанской (Индостанский полуостров). И если эти реконструкции справедливы, то оправданно ли считать и Евразийскую плиту, и ее континент «монолитом»? Ведь признавая факт специфических «подарков», мы тем самым должны утверждать, что едва ли не весь ЮГ Евразии насыщен «дарениями» соседних материков... Правда, в истории ХОМО эти «подарки» мало что меняют. Если центральным для нас вопросом является все же история человечества, то все столкновения материковых плит не сильно сказывались на ее истории. Да и вопрос этот, конечно же, решают изначально геоморфологи, но никак не археологи и, тем более, не историки.

9. Существенно большие сложности ожидают нас при акциях раздела материка по линии **Запад – Восток**. Автор совершенно не склонен следовать традиционному, взрывшему еще в античные времена взгляду на Урал как безусловную границу между Азией и Европой. Уральский горный пояс, по сути, почти ничего или очень мало что решает при членениях не только геолого-географических, но также и историко-культурных. На фоне хребтов АГГ Уральская горная цепь выглядит весьма мало выразительной. Да и связана она лишь с северной половиной материка, буквально «упираясь» своим южным краем в северную границу Великого Степного пояса Евразии (см. рис. 1: А). В историко-археологическом отношении она может разделить на восточную и западную части лишь финно-угорский лесной мир, отчетливо проявивший себя еще в неолите.

10. При разделе **Запад – Восток** гораздо более надежными признаками служат отнюдь не горные высоты, но в чем-то даже противоположно проявляющиеся, – то есть углубленные в литоральное/поверхностное покрытие материка русла / долины крупных рек. Таковыми лучше всего предстают на северной половине – *Енисей*, а на половине южной – *Инд*. Долины обеих этих рек как бы «разрезали» материк и соединяли, правда, ломаной линией, Северный Ледовитый и Индийский океаны. Передвижения культур ХОМО через центральные и наиболее трудные для людей хребты АГГ, наверное, использовали для этого т. н. *Джунгарские ворота* – весьма своеобразный и чрезвычайно протяженный горный перевал. Реконструируемая таким образом картина кажется достаточно созвучной и приемлемой как в геолого-географическом, так и в историко-культурном аспектах.

11. С точки зрения автора, собственно **Европу** в макроструктуре Евразийского континента может олицетворять чрезвычайно своеобразный по своему строению **Мега-полуостров**, получивший, кстати, и имя **Европейский**. Его коронные очертания определены двумя гигантскими заливами Атлантического океана. Южный залив – по существу, все Средиземноморье вплоть до Мраморного, Черного и Азовского морей. Залив северный – это Балтийское море вплоть до крайнего на востоке Финского залива. Приставка **Мега** означает, что данный геофеномен как бы *породил* иные полуострова, уже существенно более мелкие – Пиренейский, Апеннинский, Балканский, Ютландию. Восточную границу между **Мега-полуостровом** и прочими регионами Евразии можно видеть в виртуальной линии между Финским заливом и Черным морем (рис. 1: А, 3). Заметим также очень важное обстоятельство: в феномене **Мега-полуострова** нетрудно узреть истинную колыбель многих именно европейских народов: это преимущественно представители романской и германской лингво-семей, хотя также и других.

12. Итак, финальная картина *четырёхчастного* раздела Евразии делает более отчетливым положение ЦМПАр в макроструктуре континента. Сам Циркумпонтийский феномен локализован в **центре западной половины** Евразии, и весьма примечательно, что именно Понт рассекается линией раздела Север – Юг материкового запада (рис. 2).

13. Практически весь блок максимально лаконично затронутых здесь проблем несравненно более полно освещен во втором издании вышедшей недавно (2022) из печати книги автора «Мегаструктура Евразийского мира сквозь призму геологии, археологии, истории».

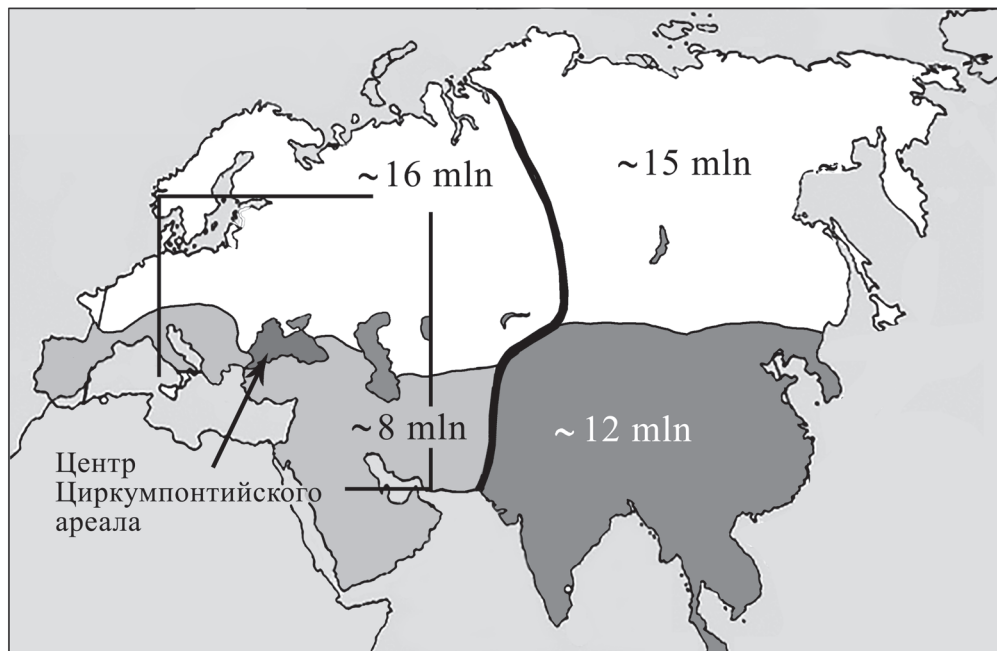

Рис. 2. Схематическая карта деления Евразийского материка на четыре основные части с указанием на территории каждого в миллионах кв. км: *СЗ* – 15; *СВ* – 16; *ЮЗ* – 8; *ЮВ* – 12.

Оконтуренный прерывистой черной полосой квадрат очерчивает тот ареал, где воздействие Циркумпонтийского феномена сказывалось наиболее ощутимо

Примечание: на панно для каждой из перечисленных четырех частей приведены ее пространственные данные в миллионах кв. км; однако учет данных приведен лишь для континентальной суши, без островов

Ш. Н. Амиров (ИА РАН, Москва)
shahmardan@mail.ru

КОРРЕЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И СТЕПНОГО ПОЯСА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАННЕМ И СРЕДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ¹

1. Климатические флуктуации эпохи голоцена определили синхронные адаптационные стратегии популяций людей, обитавших в одинаковых ландшафтных условиях субтропического и умеренного климата Западной Евразии. Параллельное рассмотрение культурного процесса в зоне «Плодородного Полумесяца» Северной Месопотамии и степного пояса Восточной Европы позволяет синхронизировать древности этих прямо не связанных между собой регионов.

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

2. Изменения климата на рубеже плейстоцена и голоцена определили радикальный характер экономических и культурных перемен на территории земель «Плодородного Полумесца» Передней Азии. Для культур первого этапа неолитической эволюции Передней Азии (время культур PPNА) характерными признаками являются появление оседлого образа жизни, агрокультуры и начала общественного строительства. Для культур второго этапа (времени культур PPNB-PPNC и раннего керамического неолита) типичным, помимо земледелия, становится широкое распространение навыка животноводства.

В течение пребореального-бореального (X–VII тыс. до н. э.) периодов вся территория лесостепной и степной зоны Восточной Европы, до Северного Прикаспия включительно, была освоена носителями культур эпохи мезолита.

В пребореальную эпоху (ранний мезолит) междуречье Дуная и Днестра было освоено носителями белолесской культуры, а междуречье Дона и Волги – носителями зимовниковской культуры. В течение бореального периода на Восточно-Европейской равнине происходит динамичное изменение поясной растительной зональности по сравнению с предшествующим временем. Поздний мезолит северного Причерноморья в наибольшей мере характеризуют гребениковская и кукрекская культуры. В среднем течении Северского Донца и Среднего Дона были распространены памятники донецкой культуры. Среди позднемезолитических стоянок зоны Рын-Песков отчетливо выделяются две отчасти синхронные группы кремневой индустрии – «жекалганская» и «истайская».

3. Заселение северомесопотамской равнины после коллапса культуры PPNB (PPNC) носителями культур раннего керамического неолита приходится на гипергумидный период первой половины атлантического оптимума конца VII – первой половины VI тыс. до н. э. В восточной части Северной Месопотамии первичное освоение равнины Джебизы носителями культуры керамического неолита связано с наиболее ранним этапом хассунской культуры. В течение первой половины VI тыс. до н. э. происходит освоение центральной Месопотамии носителями самаррской культуры и распространение на эту территорию южноубейдской культуры (период Убейд 1–2).

На начало этого гумидного цикла атлантического периода также приходится значительная миграционная, вероятно и демографическая, активность в степном поясе умеренного климата Европы. В частности, в течение этого периода практически вся территория Поволжья и Подонья была освоена популяциями, оставившими памятники эпохи финального мезолита и раннего неолита. В Нижнем Поволжье и Прикаспийском регионе этим периодом датируются наиболее ранние этапы сероглазовской, джангарской, оюклинской культур, а также елшанской культуры Среднего Поволжья. В нижнем Подонье этот период соотносится, прежде всего, с относительно ранним этапом бытования матвеевокурганской и ракушечноярской культуры. В Среднем Подонье – с памятниками матвеевокурганской, донецкой культур.

4. Вторая половина VI тыс. до н. э. в Северной Месопотамии – это время бытования халафской культуры. Халафская культура сменяет предшествующую ей хассунскую дискретно, а южные границы распространения ее бытовых памятников значительно смещены в северном направлении относительно южной границы памятников хассунской культуры, что говорит об изменении режима агрокультуры в зоне «Плодородного Полумесца». Завершающий этап бытования халафской и синхронных ей культур приходится на период относительного иссушения климата. В течение этого периода (последняя треть VI тыс. до н. э.) в Северной Месопотамии отмечены миграционная активность популяций убейдской культуры (период Убейд 2–3) в Джебизу и начало процесса аккультурации халафской культуры убейдской.

Палеоклиматические данные из зоны степи умеренного пояса также свидетельствуют в пользу гипергумидности климата первой половины VI тыс. до н. э. и о цикле относительной аридизации климата второй половины, и в особенности последней трети VI тыс. до н. э. В максимально аридном поясе Северного Прикаспия, широко освоенном охотниками на копытных в течение первой половины атлантического периода, полностью отсутствуют неолитические памятники времени второй половины VI тыс. до н. э. В течение этого интервала времени на Нижнем Дону синхронно с отмеченными культурами существовали памятники позднего периода жизни ракушечноярской культуры. На Среднем Дону этому времени соответствует поздний период сосуществования матвеевокурганской и донецкой культур Северского Донца.

В Верхнем Подонье это время бытования среднедонской культуры. Завершение цикла бытования отмеченных культур степного Поволжья и Прикаспия коррелирует с аридным кризисом последних веков VI тыс. до н. э. В это время в северной части региона отмечается завершение существования орловской культуры, а в южной – джангарской, сероглазовской и оюклинской культур Мангышлака.

5. С начала V тыс. до н. э. в западной части Евразии фиксируется долговременное нарастание относительно аридных климатических условий. В это время в зоне степных ландшафтов субтропического и умеренного пояса имели место значительные культурные трансформации, которые в эпохальном отношении стали рубежом между финалом каменного века и эпохой палеометалла.

В субтропическом поясе Северной Месопотамии земледельческие памятники этого времени группируются преимущественно в северной части земель «Плодородного полумесяца». В рамках этого интервала времени происходит завершение бытования халафской культуры и ее поглощение убейдской культурой (период Убейд 3).

В течение этого аридного цикла происходит культурная трансформация в степном и лесостепном Поволжье, когда на смену культур позднего неолита (орловская и средневожская культуры) приходят раннехалколитические прикаспийская и самарская культуры. Подобно Поволжью, в степном ландшафте Подонья в это время происходит процесс поступательного замещения культур эпохи позднего неолита (ракушечноярская и поздней матвеевокурганской) культурами мариупольской общности и прежде всего нижнедонской культурой эпохи раннего халколита.

С культурами раннего этапа палеометаллической эпохи, объединяемыми в рамках мариупольской общности, принято связывать становление хозяйственного уклада, основанного на ведущей роли животноводства в экономике популяций степного пояса.

6. Цикл аридизации климата V тыс. до н. э. достиг своего пика в интервале последней трети этого тысячелетия. В Северной Месопотамии северубейдская культура в течение второй половины V тыс. до н. э. (период Убейд 4) существует в условиях значительно менее благоприятного климата, чем в предшествующее время. В степной и лесостепной зоне Восточной Европы на развитой ступени халколита большинство традиций мариупольской общности находят свое продолжение и развитие, что говорит о преемственности и непрерывности культурного процесса в отмеченном регионе. Для этого периода можно говорить об экономическом доминировании популяций степного пояса Поволжья (хвалынская культура), что выразилось как в культурной экспансии, так и в физической миграции ее носителей за пределы своей этнической территории.

Основной характеристикой культур развитого халколита степного пояса Восточной Европы является очевидность возрастания роли производящей экономики в хозяйственном укладе. Для позднего этапа культур хвалынско-среднеоговской общности отмечено появление погребений под насыпями, которые являются древнейшими примерами курганного строительства Евразии.

7. В течение гумидного интервала второго атлантического оптимума IV тыс. до н. э. для Северной Месопотамии отмечен один из высших пиков плотности населения. В это же время в степном поясе Восточной Европы отмечается продолжение пространственного расширения животноводческого хозяйственного уклада, когда в течение нескольких столетий полноценный номадический образ жизни становится здесь ведущим образом жизни.

В интервале второй-третьей трети IV тыс. до н. э. может быть отмечено начало производства металлических орудий у популяций Кавказского региона и сопредельных районов Европейской степи. По времени эти изменения коррелируют с широким расселением в восточном Закавказье носителей лейлатепинской культуры, которая связана своим происхождением с Северной Месопотамией. Носители лейлатепинской культуры имели интенсивные торговые контакты с популяциями майкопской культуры, обитавшими в степной зоне Предкавказья. Завершение существования лейлатепинской культуры совпадает по времени с кратковременным аридизационным кризисом четвертой четверти IV тыс. до н. э. Этот экологический кризис был также отмечен на ряде памятников Ближнего Востока. Вероятно, с ним связано прерывание связей Северной Месопотамии с Шумером и формирование автохтонной культуры

«Ниневия 5». Этим же временем датируется первая миграция носителей курганной культуры из степной зоны Предкавказья в Закавказье и далее.

8. Поступательная динамика аридизации климата III тыс. до н. э., которая хорошо документирована в Северной Месопотамии, также наглядно представлена археологическими материалами Северного Кавказа. В течение длительного аридного цикла III тыс. до н. э. наибольшая плотность популяций носителей курганной культуры в Предкавказье оказалась смещена в наиболее увлажненную, западную часть региона и прежде всего в Прикубанье. Здесь происходит, по сути, формирование новой курганной (т. н. новосвободненской) культуры, которая имеет ряд признаков, общих с майкопской культурой, но в то же время обладает чертами, говорящими об ином культурном векторе.

После завершения бытования новосвободненской культуры происходит сложение новотитаровской культуры, которая существует примерно в интервале XXVIII–XXV вв. до н. э. Главной особенностью этой культуры является высокая подвижность ее носителей, которая говорит о формировании уклада полноценного кочевого скотоводства. Этот факт можно связывать с хозяйственной адаптацией к поступательно возрастающей аридности климата.

На фоне прогрессирующей аридизации климата середины – второй половины III тыс. до н. э. происходит сложение и бытование культур катакомбной общности, таких как Западная Манычская, Восточная Манычская, а также их дериватов. Эти курганной культуры существуют одновременно с культурой круглоплановых, фортифицированных городов Сев. Месопотамии, известных как «Kranzhugel», и временем Аккадской государственности.

Культурогенез долинской культуры, судя по всему, приходится на период резкой аридизации климата XXIII в. до н. э. (Борисов, Мимоход, 2017. С. 63–75). Эта культурная трансформация примерно совпадает с завершением существования аккадского государства, которое в большей мере, чем с политическими событиями, связано с климатическим кризисом, известным как «аккадский климатический коллапс» XXIII в. до н. э. (Weiss et al., 1993). Таким образом, поступательная аридизация климата в интервале XXVII–XXIII вв. до н. э. позволяет синхронизировать культурный процесс в Северной Месопотамии, Закавказье и в степном поясе юга Русской равнины.

И. В. Манзура

(Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев)

ingvarmnsr6@gmail.com

ФАНТОМ МИГРАЦИЙ В ПОЗДНЕЙ ПРЕИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (V–III ТЫС. ДО Н. Э.)

За последние годы миграционная концепция в исследованиях по энеолиту и раннему бронзовому веку Европы приобрела размах, сопоставимый с уровнем 70–80-х гг. прошлого века. На археологических картах вновь увлеченно проводятся маршруты протяженных перемещений племен и народов, соединяющие Волго-Уральский регион и Предкавказье с отдаленными пространствами Юго-Восточной и Центральной Европы. Как одно из следствий этого миграционного «ренессанса» возобновились оживленные споры о творческом наследии Марии Гимбутас, наиболее последовательно отстаивавшей идеи о значимости внешних воздействий на культурные изменения на различных европейских территориях. В литературе обсуждаются количество миграционных волн, их характер, направление и последствия в тех или иных регионах. Одним из основных стимулов, обусловивших возросший интерес к миграционным интерпретационным моделям, безусловно, можно считать достаточно интенсивные палеогенетические исследования, позволяющие проследить связь между отдаленными областями Европы на уровне отдельных индивидов или их групп.

Нетрудно заметить, что в некоторых эпизодах выводы, основанные на естественно-научных методах, противоречат результатам традиционных археологических построений, что внесит определенную сумятицу в наше понимание культурно-исторических процессов древности. В связи с этим интересно установить, в каких случаях сочетание археологических и естественно-научных исследований способно подтвердить или, наоборот, опровергнуть перемещения носителей различных культурных традиций, когда мы сталкиваемся, скорее, со своего рода иллюзией предполагаемых миграций, их фантомом. Выявить такие случаи можно по нескольким хронологическим срезам, начиная с середины V и заканчивая началом III тыс. до н. э.

Согласно концепции М. Гимбутас, первая значительная миграционная волна, направленная из ареала хвалынского-среднедонецкой культурно-исторической области, приходится на вторую половину V тыс. до н. э. Важнейшим результатом этой волны явилось разрушение процветающих раннеземледельческих культур Карпато-Балканского региона. Вместе с тем обращает на себя внимание крайне незначительное число свидетельств постулируемого вторжения, к тому же весьма спорного характера. В данном случае мы действительно сталкиваемся с ситуацией, когда культурный коллапс, по крайней мере, на Восточных Балканах, сопровождается минимальными и крайне изолированными признаками внешнего воздействия. Более того, именно в это время наблюдается осязаемое влияние из области земледельческих культур в степной зоне, выраженное в импорте вещей и сырья, в области технологий, в социальной и даже идеологической сфере. Такое влияние осуществлялось, прежде всего, посредством протяженных обменных цепочек, а не вследствие каких-либо миграций, хотя присутствие каких-то выходцев из земледельческой среды также не исключается. В дополнение к этому, как показывают анализы ДНК неолитического населения на Балканах, его генетический профиль вполне соответствует местным неолитическим популяциям, восходящим к древним земледельцам Малой Азии, при практически полном отсутствии индивидов из восточно-европейских степей.

В конце V и первой четверти IV тыс. до н. э. в Азово-Черноморском регионе и на Восточных Балканах отмечается период латентного развития, обозначаемый как «степной hiatus» (по Ю. Я. Рассасмакину) и «балканские темные века». Возникшие затем в степи образования позднего неолита отличаются значительным разнообразием материальной культуры и обрядовых традиций, тогда как балканские объединения этого времени во многом демонстрируют возрождение прежних неолитических стандартов, хотя и сильно трансформированных. При этом носители балканской культуры Чернавода I, памятники которой распространены в Северо-Западном Причерноморье, по своим генетическим признакам обнаруживают устойчивую связь с предшествующим балканским населением. Таким образом, на данном хронологическом отрезке совокупные показатели археологии и палеогенетики свидетельствуют об отсутствии каких-то значительных перемещений древнего населения.

В середине IV тыс. до н. э., по мнению М. Гимбутас, новая миграционная волна, зародившаяся в ареале майкопской культуры на Северном Кавказе, вызвала очередную культурную трансформацию в Юго-Восточной Европе, что, в частности, выразилось в появлении усатовской культуры и культурного блока Болераз-Чернавода III. При нынешнем уровне наших знаний вряд ли можно заподозрить какую-либо связь между блоком Болераз-Чернавода III и майкопской культурой, поскольку эти объединения различны буквально по всем параметрам. Определенное структурное сходство между усатовской и майкопской культурой, заметное, в сущности, лишь на уровне обрядовых признаков, также не позволяет предполагать их родство. Можно считать установленным, что формирование усатовской культуры происходило на основе балканской культуры Чернавода I при существенном участии позднетрипольской культуры и, скорее всего, традиций типа Болераз-Чернавода III. В среде носителей усатовской культуры, за одним исключением, отсутствуют гаплогруппы, характерные для степных скотоводов и древних обитателей Предкавказья. В силу этого данный миграционный эпизод вряд ли имел место в начале бронзового века Восточной и Юго-Восточной Европы, если судить по результатам археологических и палеогенетических изысканий.

Вместе с тем широкомасштабные миграционные процессы, на которые до недавнего времени не обращали особого внимания, можно предполагать в последней четверти IV тыс. до н. э. В этот период от степей Предкавказья до Северных Балкан распространяется своеобразная серия погребальных комплексов, обозначаемых как тип Животиловка-Волчанск,

по Ю. Я. Рассмакину. Главным отличительным признаком этой группы памятников является на редкость унифицированный погребальный обряд и крайне разнообразный инвентарь, сочетающий элементы майкопской, усатовской и позднетрипольской культур, причем иногда в рамках одного погребального комплекса. Именно для данного времени чрезвычайно трудно провести рубежи между различными территориальными группами, что резко контрастирует с предшествующим периодом с его четко очерченными культурными границами. К сожалению, палеогенетические исследования для этого типа памятников пока не проводились, хотя по археологическим данным можно вполне допустить активные передвижения населения как в западном, так и в восточном направлении.

В самом конце IV и начале III тыс. до н. э. произошла, по-видимому, действительно массовая миграция населения, связанного с ямной культурой. Палеогенетические исследования на территории Северо-Западного Причерноморья, Нижнего Подунавья и Восточной Фракии однозначно указывают на присутствие значительного количества восточного населения в этих регионах. Однако с позиций археологии мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, рассматривая ее в сравнении с событиями раннего энеолита. Если в V тысячелетии исчезновение развитых земледельческих культур сопровождалось, по сути, эфемерными признаками возможной миграции, то в начале III тыс., несмотря на многочисленные свидетельства проникновения носителей ямных традиций, местное культурное развитие в Юго-Восточной Европе не прервалось, что однозначно демонстрируют исследования на территории Румынии, Болгарии, Сербии и Венгрии. Наличие ямной культуры на этих территориях выглядит неким эпизодом, который никак не сказался на процессах культурной трансформации на этих территориях, основывавшихся на локальных традициях. Еще более удивительной выглядит ситуация далее к северу, в Богемии и на равнинах Польши и Германии. Здесь в начале III тыс. возникает культура шнуровой керамики, знаменуя своим появлением очевидный культурный разрыв с предшествующими традициями. Некоторые генетики утверждают, что данный феномен сформировался на основе ямной культуры, но последняя на территории Центральной Европы, в общем, отсутствует, да и археологически связь между этими культурами выглядит довольно проблематичной. По всей видимости, в данном случае мы имеем дело не с реальной миграцией, а лишь с ее фантомом, вызванным к жизни недостаточно критической интерпретацией палеогенетических свидетельств. Это, конечно же, не означает вероятности присутствия в ареале культуры шнуровой керамики каких-то индивидов, связанных с ямной культурой, но истоки этого явления, по-видимому, следует искать в иной культурной среде.

П. Ф. Кузнецов (СГСПУ, Самара)
pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com

НАСЛЕДИЕ Н. Я. МЕРПЕРТА НА СТЫКЕ АРХЕОЛОГИИ, КАРБОННОЙ ХРОНОЛОГИИ И ПАЛЕОГЕНЕТИКИ

Николай Яковлевич всегда сохранял интерес к бронзовому веку Волго-Уралья. Долгие годы был редактором сборников и монографий, выходящих в региональных центрах, был председателем конференций. В одной из них он участвовал в возрасте 79 лет (Самара, 23–28.04.2001). Николай Яковлевич был востребованным научным руководителем. Только из Самары, Саратова и Оренбурга под его руководством успешно защитились И. Б. Васильев, О. В. Кузьмина, П. Ф. Кузнецов, Н. М. Малов, Н. Л. Моргунова, В. И. Пестрикова, А. П. Семенова, М. А. Турецкий.

Николай Яковлевич регулярно высказывал свое понимание проблем бронзоведения Восточной Европы. Так, он публично выражал несогласие с термином М. Гимбутас «степная инвазия». Утверждал, что *Invasio* «нашествие, нападение» не соответствует археологическим источникам Северо-Западного Причерноморья и Балкан. И если М. Гимбутас с течением

времени трансформировала свои представления о « курганном народе», то Николай Яковлевич твердо оставался на своих позициях (*Мерперт*, 1965).

Серьезный скептицизм Н. Я. Мерперт высказывал в отношении радиоуглеродных дат. И это объяснимо, т. к. его знакомство с карбоном пришлось еще на шестидесятые годы, когда оттачивался сам метод. Современное датирование показало, например, что ямная культура Волго-Уралья имеет очень глубокое время и находится в интервале XXXIV–XXIX cal. BC (*Кузнецов и др.*, 2018. С. 87, 87). Н. Л. Моргунова начало ямной культуры относит даже к XXXVIII cal. BC (*Моргунова*, 2014. С. 184). Сравнение датировок ямной КИО показывает, что наиболее древние – в Волго-Уралье. Западный ареал: Поднепровье – Дон-Донец и Калмыкия, ямные комплексы датируются начиная с XXXII/XXX cal. BC (*Трифонов*, 2001. С. 76, 77; *Черных, Орловская*, 2004. С. 94; *Шишлина*, 2007. С. 275). Тем самым подтвердилась позиция Н. Я. Мерперта о том, что Волжско-Уральский вариант КИО является наиболее ранним (*Мерперт*, 1974. С. 147, 148). Интересно, что датировки более западного Дунайско-Днестровского ареала опускаются до XXXIV/XXXVII cal. BC (*Черных, Орловская*, 2004. С. 93; *Иванова*, 2009. С. 51–53). Недоверие к этим результатам выразили Ю. Я. Рассамкин и А. В. Николова (*Rassamakin, Nikolova*, 2008. С. 66). Мало публикаций погребений с датами. Так, мог. Утконосовка 1/3 является коллективным, совершенным в яме неправильных очертаний (*Телегин*, 1977. С. 11). Почему это ямная культура? На территории Подунавья Ф. Хейд с коллегами выяснили, что подкурганые погребения до III cal. BC по своим характеристикам соответствуют поздним энеолитическим культурам (*Frînculeasa et al.*, 2015. Р. 83, 86). Комплексы ямной культуры региона датируются после III cal. BC (*Frînculeasa et al.*, 2015. Р. 84, 85).

Н. Я. Мерперт относил хвалынскую культуру к базовой для формирования ямной. Но AMS-даты показали хронологический пробел (*Кузнецов*, 1996). Вместе с тем сумма культурных признаков указывает на их преемственность. Так, в ямном Паницкое 6Б ОК/6 сосуд имеет хвалынские традиции (*Мимоход*, 2009. С. 48, 51, 245). Могут ли древние даты иметь сами Хвалынские могильники, а другие датироваться более поздним временем? Сравнение дат хвалынских поселений показало – поздние значения памятников относятся к XXXVIII cal. BC (*Кузнецов*, 2020. С. 48).

Важные результаты по генетике получены для хвалынских и ямных людей. Авторы утверждают, что преемственность здесь отсутствует и что у хвалынцев доминирует мужская группа R1b-L754, а у ямников – R-Z2103 (*Anthony et al.*, 2022. С. 38, 39). Вряд ли правомерно отождествлять культуру с конкретной гаплогруппой. Это методологически неверно, на что указал Л. С. Клейн, но сам не избежал «очарования» палеогенетикой (*Клейн*, 2016. С. 11, 12).

Имеется 40 определений мужчин ямной КИО. Доминирует гаплогруппа R. Она имеет 16 вариаций групп-субклад. Субклад R-Z2103 – 8 определений; R-KMS67 – 6; R-V1636 и R-M269 по 4 определения. Остальные 12 субклад имеют до 3 определений. В Хвалынских мог. большинство мужчин имеют субклад с филогенетическим названием R1b1a, определяемый снип-маркером L754. Он содержит большинство вариаций гаплогруппы R1b (*Anthony et al.*, 2022. Tab. 6). Распространенным ветвлением указанной клады является субклад R1b1a1 (маркер P297), обнаруженный у ямного погребенного из мог. Лещево 3/1 (*Кузнецов, Мочалов*, 2014). Маркер P297 был признан в 2008 г. предковым для субклад M73 и M269. Последний есть у 4 ямников. Один погребенный (Хвалынск I, п. 30) имеет субклад I2a-L699, который есть у ямных из Калмыкии (Ulan IV) и Болгарии (Mednikarovo 2/1).

Не все гаплогруппы переданы последующим поколениям. Возможно, за 500–700 лет произошли мутации, которые закрепились в новую эпоху в виде новых субклад. И все же вывод вполне однозначен – есть генетическая нить, связующая людей энеолита и раннего бронзового века.

В контексте ямной тематики важное значение имеет происхождение коневодства. Выводы генетиков однозначно опровергают распространенную в некоторой специальной и научно-популярной литературе взаимосвязь между верховой ездой и массовой экспансией ямных скотоводов в Европу (*Librado, Orlando et al.*, 2021 p.01; *Кузнецов, Фоменко*, 2022). Генетика добавила доказательства, что приручение лошади состоялось не ранее конца III cal. BC. То есть суждение, вынесенное Д. Энтони в подзаголовок его книги «How bronze-age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world», не нашло своего подтверждения у палеогенетиков (*Anthony*, 2007). Тем самым несогласие Н. Я. Мерперта со «степной инвазией» имеет новое доказательство.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванова С. В.*, 2009. Исторические процессы в Юго-Восточной Европе (энеолит – ранний бронзовый век) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века Восточной Европы. Оренбург: ОГПУ. С. 49–58.
- Клейн Л. С.*, 2016. Ямная, буджакская и ДНК // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). СПб.: ИИМК РАН. С. 6–13.
- Кузнецов П. Ф.*, 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита - бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН. С. 56–60.
- Кузнецов П. Ф.*, 2020. Хронология хвалынской культуры Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб, Самара: Порто-принт. С. 47–50.
- Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д.*, 2014. Особенности курганов позднемного населения Самарской долины эпохи ранней бронзы // Археологические памятники Оренбуржья: сборник научных трудов. Вып. 11. Оренбург: ОГПУ. С. 90–95.
- Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Хохлов А. А., Энтони Д. У.*, 2018. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара: СГСПУ. 195 с.
- Кузнецов П. Ф., Фоменко С. В.*, 2022. Генетические маркеры доместикиции // Самарский научный вестник. Т. 11, № 1. С. 195–200.
- Мерперт Н. Я.*, 1965. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке // КСИА. Вып. 105. С. 10–20.
- Мерперт Н. Я.*, 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука. 173 с.
- Мимоход Р. А.*, 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус. 292 с.
- Моргунова Н. Л.*, 2014. Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ. 347 с.
- Телегин Д. Я.*, 1977. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы энеолита юга Украины // РА. № 2. С. 5–19.
- Трифонов В. А.*, 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита - средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: НТЦ. С. 71–82.
- Черных Е. Н., Орловская Л. Б.*, 2004. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. № 1. С. 94–99.
- Шишлина Н. И.*, 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н. э.). Труды ГИМ. Вып. 175. М. 400 с.
- Anthony D. W.*, 2007. The horse, the wheel and language. How Bronze-Age riders from the steppes shaped the modern world. Princeton and Oxford: Princeton University Press. 553 p.
- Anthony D. W., Khokhlov A. A., Agapov S. A., Agapov D. S., Schulting R., Olalde I., Reich D.*, 2022. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // *Præhistorische Zeitschrift*. DOI: org/10.1515/pz-2022-2034.
- Frînculeasa A., Preda B., Heyd V.*, 2015. Pit-graves, Yamnaya and kurgans along the Lower Danube: Disentangling IVth and IIIrd Millenium BC burial customs, equipment and chronology. *Præhistorische Zeitschrift*. 90 (1–2). S. 45–113.
- Librado P., Orlando L. et al.*, 2021. The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes // *Nature*. DOI: 10.1038/s41586-021-04018-9.
- Rassamakin Y., Nikolova A.*, 2008. Carpathian Imports and Imitations in Context of the Eneolithic and Early Bronze Age of the Black Sea Steppe Area // *Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes*. Ausgabe 11. S. 51–88.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И БАЛКАНЫ

H. Tekin (*Department of Archaeology University of Hacettepe*)
htekin4@gmail.com

LATE NEOLITHIC FINDINGS IN THE HIGHLANDS OF UPPER MESOPOTAMIA IN THE LIGHT OF NEW RESEARCH

The southern slopes of the Taurus Mountains also form the mountainous areas of Upper Mesopotamia. This geography covers Southeastern Turkey. Numerous archaeological discoveries have been made in this geography, fed by the Tigris and Euphrates rivers and their small tributaries, in the last 30 years. The main reasons for these archaeological activities are dam projects. Thanks to these dam projects, it was also possible to identify the monumental Early Neolithic settlements of Upper Mesopotamia. Moreover, it is noteworthy that the first painted ceramics of Mesopotamia, such as Hassuna, Samarra, and Halaf, which were discovered in and around Mosul, Iraq, in the 20th century, were detected, mainly thanks to the excavations carried out regarding the Late Neolithic Period of the region. This presentation will examine the findings of Hassuna, Samarra, Halaf pottery, and other material culture in the southern extensions of the Taurus Mountains.

An essential source of information about the Neolithic period in the Near East comes from the Taurus Mountains. Supported by the Tigris and the Euphrates, as well as by their tributaries, the hills, about 500–850 m above sea level, were an attraction for the Neolithic communities and a niche for the Near East. This geographical region, previously mostly unstudied, has now become the most studied region of Turkey in terms of archaeology thanks to the intensification of archaeological activities starting in the mid-1960s when dams were being constructed on the streams in question. New theories about the Taurus Mountains Neolithic communities have developed thanks to this intensive flow of information.

When the findings about the Neolithic period of southeastern Anatolia, which is made up of the mountainous and hilly regions of Upper Mesopotamia, are generally considered, they appear in harmony with processes throughout the Near East; however, there are remarkable differences in the details. The geography extending from the southern foot of the Taurus Mountains to the area where the current plains of Syria and Iraq begin differs visibly from the other regions of the Near East. Hence, to emphasize the uniqueness of the Neolithization process of this vast region, it will be necessary to identify its subdivisions accordingly. First, it should be stressed that the monumental architectural remains and objects containing designs unearthed among the region's early habitation sites were counted across very few places in the Near East. This makes this monumentality unique to southeastern Anatolia and the higher foothills of Upper Mesopotamia.

The criteria for creating temporal subdivisions for the Neolithic Age in the southeastern Anatolian region is not a topic that researchers agree on. Furthermore, changes in the way of life, developments in the subsistence economy, and changes in food sources all serve as outstanding criteria. In the first stage of the Early Neolithic period, when agriculture was carried out consciously, and semi-subterranean round structures were built, some monumentality – symbolized by T-shaped limestone obelisks and by real-sized sculptures – existed on the Euphrates Basin, whereas limestone pillars (undecorated) are seen in a limited number. Numerous vessels made of chlorite stone can also be found in the settlements on the Tigris Valley. There is evidence that goats and sheep were included in the settlements, and their milk, hair, and wool were utilized at this stage.

When examining the Neolithization process of southeastern Anatolia, we cannot consider the region as a whole. The region in question covers the section which includes the western part of Siirt

and lies in the north-south direction, starting from the southern foot of the Taurus Mountains and extending as far as the present-day plain of Syria and in the east-west direction, where the Amanus Mountains and the Taurus Mountains turn toward the Zagros Mountains. At first sight, this region appears to have similar geographical and cultural structures, but significant differences exist. These differences commenced with the region's early inhabitants and have always existed throughout all archaeological periods. Today, it is also possible to view the cultural differences within southeastern Anatolia from the past to the present. Supporting the region, the Tigris and the Euphrates constitute the most critical geographical borders for these differences. Thus, the Late Neolithic period of southeastern Anatolia should be considered within the framework of these two rivers and their valleys/basins, just like any other archaeological period (Fig. 1).

It appears that the Neolithic communities of southeastern Anatolia were itinerant and did not inhabit the same place at all times of the year but mostly made a living from sheep and goat husbandry during the middle of the Late Neolithic period (after 6200 BCE). People moved to different, more preferable settlements in vast geographical areas as they let their animals graze. As some settlements were continually exposed to new habitation within a cycle, mound formation developed horizontally instead of vertically. This might be why these Late Neolithic mounds of southeastern Anatolia are more comprehensive than those in the south. The fact that the mountainous and hilly terrains simultaneously possessed adequate clean water and food sources made them an attraction for the mobile lifestyle of the period. These mobile communities were in peaceful contact with each other, and this intensive contact must have been why a common material culture is seen across the mounds in the geographic region extending from the Mediterranean Sea in the west to Lake Urmia in the east. Southeastern Anatolia presents us as a region with one of the best examples of this situation.

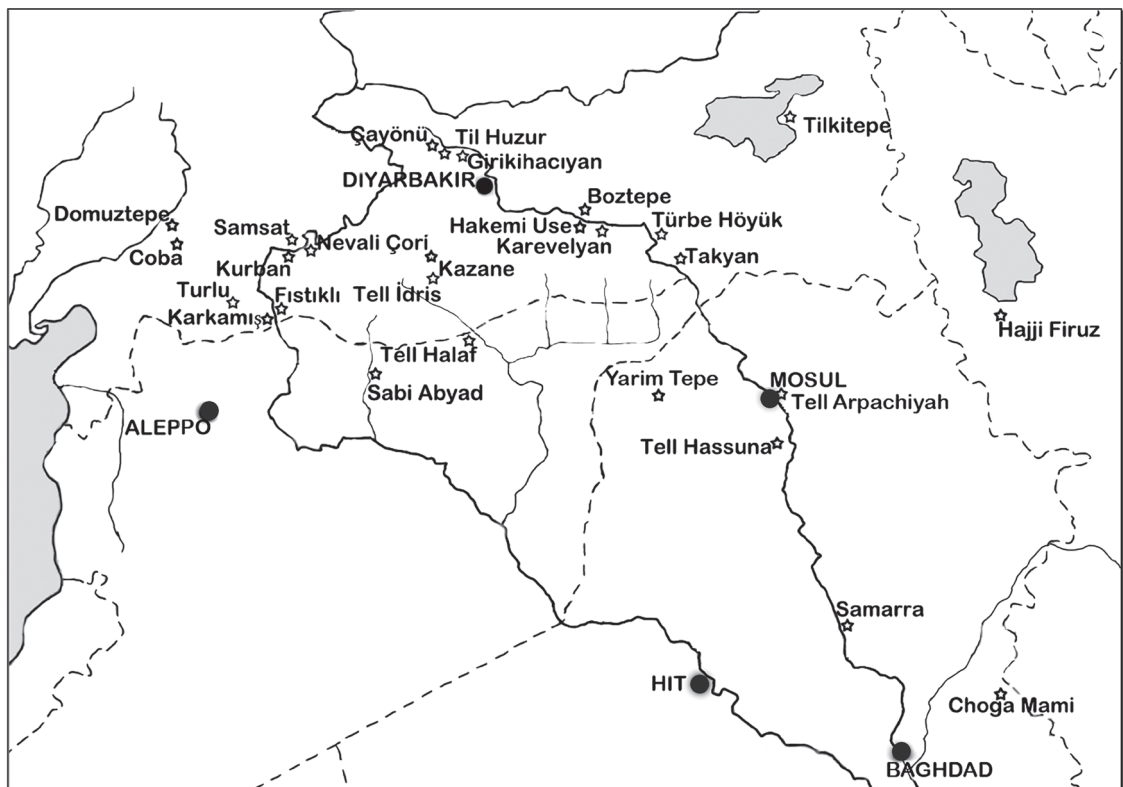

Fig. 1. Settlements of the Late Neolithic period in Upper Mesopotamia highlands

Т. В. Корниенко (ВГПУ, Воронеж)
zigzinatvk@gmail.com

Н. А. Дубова (ИЭА РАН, Москва)
dubova_n@mail.ru

А. В. Фрибус (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)
fribus@list.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ И СИМВОЛИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ЖЕЗЛОВ/СТЕРЖНЕЙ С НАВЕРШИЕМ В ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Жезлы, скипетры и посохи, как в древности, так и в наши дни, являются индикаторами определенных полномочий, выполняемых функций или занимаемого положения. Символы духовной и/или административной власти на археологических памятниках Восточной Европы и Предкавказья исследованы и проанализированы достаточно подробно (см., например: *Дергачев*, 2005; 2007; *Корневский*, 2008) имеются работы по Алтаю и Сибири (*Леонтьев*, 1975; *Ченченкова*, 1996; *Михайлов*, 2001; *Ковтун*, 2013). Наилучшим образом описаны разновидности посохов у богов Древнего Египта. Подобным предметам, происходящим с памятников Древнего Востока, также посвящена не одна публикация. Но работы, рассматривающие варианты предметов, которые могут обозначать социальный статус на всей территории Евразии, и даже обобщающие исследования по Ближнему Востоку отсутствуют (*Дубова*, 2020. С. 40). Цель настоящего доклада – проследить ранние этапы распространения традиции создания каменных стержней со скульптурным навершием в евразийском регионе.

В погребениях известного памятника эпохи бронзы Туркменистана Гонур-депе (2300–1500 до н. э.) найдены разные предметы, которые могут быть интерпретированы как символы принадлежности к социальным стратам: крупные каменные посохи, некогда деревянные жезлы с металлическими навершиями, ритуальные топоры, так называемые «гарпуны» (или «серповидные мечи» – изогнутые металлические предметы), металлические трезубцы. Формы посохов, жезлов, топоров и их наверший значительно различаются. Немалый интерес представляют деревянные жезлы, а также топоры с навершием в виде голов реальных и фантастических животных (лошади, птицы/рыбы, сложных композиций, представляющих разных зверей и др.).

Древнейшие серии полированных каменных стержней со скульптурным навершием и без наверший известны по материалам эпохи раннего докерамического неолита Юго-Западной Азии. В период раннего голоцена в условиях потепления и увлажнения климата сообщества охотников, собирателей, рыболовов начинают создавать долговременные поселения в благоприятных для жизни местах. Скульптурно оформленные стержни этого времени в большей степени характерны для памятников восточной части Северной Месопотамии, также они известны по источникам области Урфа. Из Кёртик Тепе (*Özkaya et al.*, 2013. P. 31, 67), Халлан Чеми (*Rosenberg*, 2011. P. 63. Fig. 9–14), Немрик 9 (*Kozłowski*, 1997. P. 33–35. Tabl. 1) и Гёбекли Тепе (*Dietrich et al.*, 2017. Fig. 5.24) происходят наиболее представительные коллекции таких объектов. Их верхняя часть выполнена в форме стилизованного изображения головы животного: в большинстве случаев горного козла, иногда птицы, черепахи или представителя семейства псовых. В одном случае на Кёртик Тепе встречено Т-образное навершие, которое по аналогии с Т-образными крупноформатными стелами, характерными для культовых комплексов этого региона и времени, интерпретируют как антропоморфное. Некоторые из каменных стержней, в том числе скульптурно оформленных, на нижней части сохранили следы истертости и выкрошенности, возникшие в результате их использования. Предполагается, что такие объекты имели не только символическое значение, но и практическое применение, возможно, для растирания, измельчения веществ во время проведения обрядов. Район впадения притока Батман в реку Тигр отличается от остальной территории Северной Месопотамии контекстом обнаружения стержней со скульптурным навершием преимущественно в погребениях, что в целом соответствует местам нахождения ритуальных объектов различных категорий

(«наверший булав», полированных каменных топоров, бус, сосудов из хлорита и др.) на памятниках данной области.

Важно подчеркнуть, что не декорированные песты были выявлены в бытовом контексте среди других объектов домашней утвари, тогда как песты со скульптурным навершием найдены в основном в богатых дарами могилах (*Özkaya et al.*, 2013. P. 31, 67).

ЛИТЕРАТУРА

- Дергачев В. А.*, 2005. О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции Гимбутас // *Revista archaeologică seria nouă*. 2005. Vol. I. № 2. P. 6–89.
- Дергачев В. А.*, 2007. О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб.: Нестор-История. 488 с.
- Дубова Н. А.*, 2020. О символах власти в Маргиане эпохи бронзы // *Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения* / Под ред. М. А. Широковой, А. В. Иванова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 39–43.
- Ковтун И. В.*, 2013. Сибирские каменные жезлы с головой медведя // *КСИА*. Вып. 229. С. 132–140.
- Корневский С. Н.*, 2008. Символика атрибутов духовной власти эпохи энеолита Восточной Европы и Предкавказья – каменных зооморфных скипетров // *Археология Восточно-Европейской степи* / Отв. ред. В. А. Лопатин. Саратов: Науч. кн. С. 135–156.
- Леонтьев Н. В.*, 1975. Каменные фигурные жезлы Сибири // *Первобытная археология Сибири* / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука. Ленингр. Отд-ние. С. 63–67.
- Михайлов Ю. И.*, 2001. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 364 с.
- Ченченкова О. П.*, 1996. О стилистическом единстве древней каменной скульптуры западносибирской лесостепи и сопредельных территорий // *Археология Сибири: историография и источники* / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: ОмГУ, 1996. 182 с.
- Dietrich O., Notroff J., Schmidt K.*, 2017. Feasting, social complexity and the emergence of the early Neolithic of Upper Mesopotamia: a view from Göbekli Tepe // *Feast, famine or fighting? Multiple pathways to social complexity* / Eds.: R.J. Chacon, R. Mendoza. New York. P. 91–132.
- Kozłowski S. K.*, 1997: The Gods from Nemrik // *Al-Rāfidān*. № 18. P. 33–44.
- Özkaya V., Coşkun A., Soyukaya N.*, 2013. Körtik Tepe. Uygurluğun Diyarbakir'daki ilk adımları. İstanbul: Arkeolojive Sanat Yayınları. 72 p.
- Rosenberg M.*, 2011. Hallan Çemi // *The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris basin* / Eds.: M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. İstanbul: Archaeology & Art Publications. P. 61–78.

Н. Ю. Петрова (ИА РАН, Москва)
petrovanatalya7@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ НАЛЕПОВ НА ГЛИНЯНЫХ СОСУДАХ НЕОЛИТА МЕСОПОТАМИИ¹

Первые налепы на глиняных сосудах Ближнего Востока относятся к началу VII тыс. до н. э. и имеют строго функциональное назначение. В северо-западной части Верхней Месопотамии они массово зафиксированы на прямостенных сосудах, использовавшихся для приготовления пищи. Это крупные парные плоские выступы, расположенные недалеко от края венчика, играющие функцию ручек. В предгорьях Загроса на стыке с Нижней Месопотамией известны налепы на крупных чашах, выполняющие функцию слива (*Hole et al.*, 1969).

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

Вероятно, несколько позже появляются налепы с отверстиями внутри, по всей видимости, предназначенные для продевания веревки – подвешивания сосудов или крепления крышки: массивные – в Верхней Месопотамии (*Le Mièrè, Nieuwenhuysse, 1996*), и узкие – в предгорьях Загроса (*Braidwood, Howe, 1960. Pl. 15*).

Ближе к середине VII тыс. до н. э. функциональные налепы трансформируются в небольшие округлые или овальные единичные, парные и множественные выступы-кнопки. Чаще всего такие налепы расположены на сосудах, связанных с хранением. Можно предположить, что это хозяйственные отметки. Наиболее часто они встречаются на распространившейся в середине VII тыс. до н. э. в Верхней Месопотамии керамике культуры Протохассуны (*Бадеp, 1989; Мунчаев, Мерперт, 1981*), но известны также в предгорьях Загроса на стыке с Месопотамией. На Ярым-тепе I налепы часто сочетаются с предположительно гипсовым покрытием внешней поверхности, что, вероятно, связано с улучшением функции хранения сосудов – попыткой сделать их менее влагопроницаемыми.

Также встречаются более сложные налепы в виде геометрических фигур и линий – это круги, овалы, изогнутые линии, рассеченные надвое валики. В VI тыс. до н. э. подобные налепы на сосудах распространяются в смежные с Месопотамией регионы. Они зафиксированы на сосудах неолита Анатолии и Южного Кавказа.

Помимо названных видов, на керамике Протохассуны и Архаической Хассуны известны налепы в виде зооморфных и антропоморфных изображений. Зооморфные налепы фиксируют животных, использовавшихся человеком в хозяйственной деятельности (козы, бараны, онагры?), а также змей.

В налепках, показывающих животных и человека, прослеживается преемственность с изображениями периода докерамического неолита. Зооморфные и антропоморфные изображения известны в этот период в предгорьях Тавра и в Леванте – в виде небольших глиняных фигурок, каменных изваяний и рельефов, а также в виде резных изображений на каменных сосудах и костяных изделиях.

Зооморфные изображения в глиняных фигурках имеют длительную историю. В период докерамического неолита среди них много изображений животных, имеющих хозяйственное значение (козы, кабаны). В период керамического неолита глиняные фигурки одомашненных коз и овец известны повсеместно на Ближнем Востоке.

На каменных изваяниях и рельефах периода докерамического неолита очень редко встречаются изображения, связанные с животными, которые в этот период начали одомашниваться (козы, овцы). Наиболее часто изображались туры, кошачьи, лисы, рептилии, птицы, чаще всего хищные, а также, предположительно, утки, скорпионы (*Freikman, Garfinkel, 2009; Schmidt, 2011*). На каменных изваяниях, а также на прочерченных изображениях на каменных сосудах и костяных изделиях часто можно видеть змей, являющихся, как уже было отмечено, одним из основных видов налепных зооморфных изображений на сосудах периода Протохассуны.

Антропоморфные изображения на сосудах представлены фронтально с раскинутыми в стороны руками. В докерамический период преобладают изображения людей со скрещенными руками, однако с раскинутыми в стороны – также известны.

В целом нужно отметить, что налепы на глиняных сосудах постепенно эволюционируют от функциональных к нефункциональным, но имеющим различную смысловую нагрузку. В налепках, показывающих животных и человека, прослеживается преемственность с изображениями периода докерамического неолита.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадеp Н.О.*, 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука. 368 с.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.*, 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука. 320 с.
- Braidwood R. J., Howe B.*, 1960. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago. 246 p.

- Freikman M., Garfinkel Y.*, 2009. The zoomorphic figurines from Sha'ar Hagolan: hunting magic practices in the Neolithic Near East // *Levan*. Vol. 41. P. 5–17.
- Hole F., Flannery K. V., Neely J. A.*, 1969. Prehistory and human ecology of the Deh Luran plain. An early village sequence Khuzistan, Iran. Ann Arbor, University of Michigan. Number 1. 518 p.
- Le Mière M., Nieuwenhuys O.*, 1996. The prehistoric pottery // Tell Sabi Abyad. The Late Neolithic settlement / Ed.: P. M. M. G. Akkermans. Nederlands historisch-archaeologisch instituut, Istanbul. P. 119–284.
- Schmidt K.*, 2011. Göbekli Tepe // *Neolithic in Turkey: The Cradle of Civilization: New Discoveries* / Eds. M. Özdoğan and N. Başgelen. Vol. 1. Istanbul: Arkeolojive Sanat Yayinlari. P. 115–129.

Л. И. Авилова (ИА РАН, Москва)
aviloval@mail.ru

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЗООАНТРОПОМОРФНЫХ СУЩЕСТВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ЭНЕОЛИТЕ – БРОНЗОВОМ ВЕКЕ¹

На изобразительных памятниках Месопотамии и Ирана эпохи раннего металла встречаются образы существ с признаками человека и животных. Задача исследователя – попытаться выяснить, какая историческая реальность и социальный контекст за ними скрываются.

В ЭРМ изображения персонажей двойной природы – с телом человека и головой/рогами животного – появляются на печатях-штампах эпохи позднего Убейда из Тепе Гавры (слои XIII–XII, конец V – начало IV тыс. до н. э.) (рис. 1: 1, 5) и распространяются в урукское время (*Tobler*, 1950).

Персонаж известен в литературе как «хозяин животных». На его тесную связь с миром животных указывают детали внешнего облика (рога, чаще всего козлиные) и соседство с животными в единой композиции, его поза и место указывают на отношения власти и покровительства (*Антонова*, 1991). Персонажи смешанной природы зафиксированы в Луристане (*Contentau, Ghirshman*, 1935) и Сузиане (*Amiet*, 1972; *Caldwell*, 1976) в памятниках урукского времени (рис. 1: 2–4, 6–8). П. Амье считал этот образ древнейшей мифологической фигурой восточного репертуара (*Amiet*, 1966). Изображения пар животных и людей, танцующего персонажа среди животных передают ситуацию обрядового действия, связанного с культом плодородия.

В Нижней Месопотамии в урукской глиптике роль покровителя животных играет чисто антропоморфный персонаж, названный П. Амье в соответствии со сферой его деятельности «царем-жрецом». Он идентифицируется по характерным деталям прически, головного убора и костюма. Изобразительные памятники свидетельствуют, что он был представителем общины перед лицом божества в качестве рачительного хозяина, строителя храмов, победоносного воина. Вероятно, он участвовал в обряде «священного брака» со жрицей, исполнявшей роль богини-покровительницы города. Изображения персонажа с колосом в руках, «кормильца стад», участника обряда «священного брака» передают смысл общественных религиозных церемоний: значимость элиты и ее ритуальной деятельности по сохранению стабильности мироздания, благополучия общины и стимулированию производства (*Antonova*, 1992; *Авилова*, 2022). В отличие от «хозяина животных», «царь-жрец» не имеет рогов, но его отношения с миром животных продолжают быть весьма тесными (рис. 1: 9).

В III тыс. до н. э. снова распространяются зооантропоморфные образы на цилиндрических печатях и рельефах (*Frankfort*, 1955; *Braun-Holzinger*, 2013). Это «человеко-бык» с лицом и торсом человека и с бычьими рогами, изображаемый в сценах борьбы (рис. 1: 11). У персонажей другой группы знаки принадлежности к миру животных (рога) отсутствуют. Вместо них имеется «рогатая корона» – коническая тиара с симметрично расположенными парами

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

Рис. 1. Изображения существ смешанной природы

1, 5 – Тепе Гавра, слои XIII, XII; 2–4 – Тепе Гиян; 6, 7 – Сузы I; 8 – Иран, протоэламский период; 9 – Ю. Месопотамия, поздний Урук; 10, 13 – Ур, РД III; 11, 12 – Ю. Месопотамия, РД III; 14 – палетка Нармера; 15 – стела Нарамсина; 16 – Месопотамия, Аккад; 17 – Месопотамия, конец III тыс. до н. э.

рогов. В круглой скульптуре также есть изображения существ двойной природы (напр., бронзовая человеческая голова с бычьими рогами – случайная находка из Царского некрополя Ура РД III – Woolley, 1934) (рис. 1: 13). «Рогатая корона» или пары рогов обозначают божеств, обожествленных правителей и мифологических персонажей времени РД III, Аккада и 3-й династии Ура (рис. 1: 10–12, 16, 17).

Эволюцию канонов изображения правителя с чертами рогатого животного можно проследить на ближневосточных рельефах. Изображение царя в зооморфном облике есть на палетке

Нармера (ок. 3200–3000 до н. э.) – памятнике победы Верхнего Египта над Нижним. Палетка увенчана изображениями двух человеческих лиц с коровьими ушами и рогами. Фараон представлен на реверсе в антропоморфном облике с булавой в руке, а на аверсе – в виде быка, разрушающего рогами стену вражеского города (рис. 1: 14). Антропо- и зооморфные черты не совмещены в персонаже смешанной природы, антропоморфное и зооморфное изображения дублируют одно другое на одном идеологически значимом предмете, предназначенном для обоснования власти фараона над Верхним и Нижним Египтом. Иначе представлена военная победа на стеле Нарамсина (2100 до н. э.). Правитель имеет антропоморфный облик, его головной убор – коническая тиара с парой бычьих рогов (рис. 1: 15).

Таким образом, «рогатая корона» или пара рогов стали главным отличительным признаком божеств, обожествленных правителей и мифологических «героев» РД III, Аккада и 3-й династии Ура (рис. 1: 10–12, 16, 17). Это пример возрождения позднеубейдской традиции изображения мифологического персонажа и ее адаптации к иному социальному контексту. Потребность в изображении общественного лидера в виде существа двойной природы возникла в связи с выделением в раннегосударственном обществе носителей функции управления, наделенных также сакральными функциями. Появление таких образов на знаках контроля, каковыми были печати, обусловлено формированием института царской власти.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Л. И.*, 2022. ...Возложил на голову его венец из чистого золота // *Stratum Plus*. № 2. С. 279–302.
- Антонова Е. В.*, 1991. Зооантропоморфные персонажи печатей Ирана и Месопотамии в социальном контексте // *Реконструкция древних верований: источники, метод, цель*. СПб. С. 104–112.
- Amiet P.*, 1966. *Elam*. Paris.
- Amiet P.*, 1972. *Glyptique Susienne des origines à l'époque des perses Achéménides*. Paris.
- Antonova E.*, 1992. Images on Seals and the Ideology of the State Formation Process // *Mesopotamia*, XXVII, pp. 77–87.
- Braun-Holzinger E. A.*, 2013. *Frühe Götterdarstellungen in Mesopotamien*. Fribourg; Göttingen: Academic Press: Vandenhoeck Ruprecht. 245 p.
- Caldwell D.*, 1976. The Early Glyptic of Gawra, Giyan and Susa, and the Development of Long Distance Trade. *Orientalia*, 45, Nov. Ser., pp. 227–250.
- Contenau G., Ghirshman R.*, 1935. *Fouilles de Tépé Giyan près de Nehavend*. Paris.
- Frankfort H.*, 1955. *Stratified Cylinder Seals from the Diyala Region*. OIP 72.
- Tobler A. J.*, 1950. *Excavations at Tepe Gawra*. Vol. II. Philadelphia.
- Woolley C. L.*, 1934. *Ur Excavations*. Vol. II: The Royal Cemetery. L.

А. И. Янковский-Дьяконов (ИВ РАН, Москва)
jankowski-diakonoff@yandex.ru

Л. А. Гусак (НовГУ им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород)
lika.gusak@gmail.com

AT-ṬĀRIQ AT-ṬAWĪL: ДОЛГАЯ ДОРОГА К НОВОЙ РОССИЙСКО-ИРАКСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В марте-мае 1985 г. состоялся последний сезон иракской экспедиции Института археологии АН СССР. Научный коллектив, зарекомендовавший себя на раскопках группы памятников Ярым-Тепе в 1969–1980 гг., был приглашен иракским Государственным советом по древностям и наследию (ГСДН) для проведения спасательных работ в зоне затопления Мосульской плотины на Тигре вместе со многими другими иностранными экспедициями. Из сотни памятников

в зоне затопления советская экспедиция выбрала убейдский телль Шейх Хомси, примыкавший к ярымской тематике; экспедицией руководил Н. О. Бадер, в ней участвовали Н. Я. Мерперт, О. Г. Большаков и В. И. Гуляев.

В 1988–2010 гг. экспедиция в составе, близком к «ярымскому», и под прежним руководством Р. М. Мунчаева продолжила работу в Сирии на Телле Хазна; планировались дальнейшие исследования на весьма значительном Телле Айлюн, но им помешала гражданская война.

Пока конфликт в Сирии ширился и разгорался, в соседнем Ираке, особенно на его шиитском Юге, наступил мир и в 2011–2012 гг. приступили к раскопкам итальянская и американская экспедиции.

В конце 2012 г. А. И. Янковский-Дьяконов, в 2008–2009 гг. работавший в Ираке над документальным кинопроектом, стал изучать возможность возвращения российских археологов в Ирак. В 2013 г. в новом подземном выставочном пространстве «Галерей королевы» в Брюсселе авторы организовали выставку «Бесстрашные», посвященную проблемам иракского культурного наследия в военных конфликтах. Это положило начало контактам, которые дали возможность говорить о новой российско-иракской экспедиции. Затем мы организовали международную конференцию, которая состоялась 19–20 мая 2016 г. в Институте восточных рукописей под названием «Перед лицом хаоса. Защита материального и нематериального наследия в XXI веке»; там выступили археологи, ассириологи, музейные работники, военные из России, Ирака, Сирии, Йемена, Германии, Франции и Голландии, а также руководитель Бюро ЮНЕСКО в Дохе (Катар).

В ходе конференции была сформирована рабочая группа, в которую вошли с иракской стороны археолог и общественный деятель Абдуламир Хамдани, а с российской стороны – ведущий научный сотрудник ИА РАН Ш. Н. Амиров, научный сотрудник ИВР РАН А. И. Янковский-Дьяконов и ряд коллег-ассириологов.

В феврале-марте 2017 г. благодаря А. Хамдани, а также его другу, философу, публицисту и переводчику Амиру Доши и тогдашнему Инспектору ГСДН по мухафазе Ди Кар Амджаду Неама автору удалось провести первую рекогносцировку на ряде теллей этой мухафазы (административной области Ирака), а также познакомиться с работой британской экспедиции под руководством Джейн Мун и Роберта Киллика на памятнике Приморской династии Телле Хайбер.

В ходе этой поездки А. Хамдани предложил автору исследование Телля Дехайла, крупного и доселе неисследованного городища старовавилонской эпохи, кандидата в столицы Приморской династии, представляющей большой исторический и общетеоретический интерес.

В ноябре 2018 г. авторы совершили первую рекогносцировку на Телле Дехайла в сопровождении представителя ГСДН Мустафы Фадла, встретились с группой Франко д'Агостино и Филиппа Кене, которые тогда приступали к раскопкам Эриду и поделились ценным опытом. В конце ноября А. Хамдани, при поддержке одного из шиитских политических движений, стал министром культуры, туризма и древностей Ирака, продолжая активно поддерживать наше начинание.

В декабре 2018 г. на Дандамаевских чтениях в ИВР было официально объявлено о начале работ российско-иракской экспедиции. В январе 2019 г. Ш. Н. Амиров и автор встретились с М. Д. Лошак и руководством Отдела Востока ГМИИ им. А. С. Пушкина; Музей стал один из участников экспедиции. В течение последующих полутора лет, помимо инициаторов экспедиции, ИА, ИВР РАН и ГМИИ, к ней присоединились Институт востоковедения РАН, Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Зоологический институт РАН.

Первые шаги экспедиции были сделаны благодаря поддержке петербургского IT-предпринимателя С. И. Прудова и общественного деятеля В. А. Смирнова. Благодаря Владимиру Смирнову, нам удалось в августе 2019 г. получить небольшой грант от ПАО «Газпром нефть».

В октябре 2019 г. в Ираке начались события, которые получили название «октябрьской революции». В разгар уличных демонстраций и стрельбы автор получил в ГСДН разрешения на раскопки Телля Дехайла и небольшого памятника убейдской эпохи недалеко от границы с Ираном, Телля Ваджеф. В марте-апреле 2020 г., несмотря на прерванное авиасообщение,

нарастающую пандемию ковида и затяжной правительственный кризис, нам удалось провести пробный сезон раскопок на Телле Дехайла.

Еще в 2019 г. нашей работой заинтересовалась руководитель Фонда «Таволга» М. В. Бондарева, и в конце марта 2021 г. вместе с ней и председателем Совета директоров компании «Энерготранспроект» А. С. Лариным мы побывали в Багдаде, чтобы инициировать широкую программу российско-иракских исследований и музейного сотрудничества. На средства Фонда «Таволга» и «Энерготранспроекта» весной 2021 г. был проведен успешный второй раскопочный сезон на Телле Дехайла.

В августе 2021 г. руководители РИКЭ приняли участие в работе Межправительственной комиссии Россия – Ирак; в непростых переговорах удалось впервые в истории этих комиссий согласовать культурный блок и зафиксировать намерение о Межправительственном соглашении о культурном представительстве России в Ираке.

Эти успехи, на момент сдачи тезисов в печать, являются последними в истории РИКЭ. Не состоялись осенний сезон 2021 и весенний сезон 2022 гг.; из нашей переписки с российскими госучреждениями и компаниями можно составить целую книгу, в которой отдельной главой будет трагикомичная история того, как, при всех обнадеживающих и надеемся, искренних словах, российские гиганты не могли обеспечить зарплатой сторожа на нашем памятнике. Мы до сих пор надеемся, что в этой книге будут и более счастливые главы.

В. И. Балабина (ИА РАН, Москва)
balabina@mail.ru

МИНИАТЮРНЫЕ СОСУДИКИ ФИНАЛЬНОГО ГОРИЗОНТА ЭНЕОЛИТА НА ТЕЛЛЕ ЮНАЦИТЕ¹

Миниатюрные сосудики известны на многих раннеземледельческих памятниках ЮВ Европы в неолите и энеолите. В коллекции финального горизонта энеолита на Юнаците они тоже представлены.

Исследование их включает как морфологию, так и сопоставление с синхронной пользовательской керамикой, что позволяет уточнить, насколько дефиниции миниатюрных и обиходных сосудов соответствуют друг другу. Учитывались также данные планиграфии, позволяющие судить об особенностях расположения сосудиков в поселке.

Миниатюрные сосудики рассматриваемого горизонта Юнаците оказались разных пропорций: относительно низкие, средние и высокие. Среди низких сосудиков есть открытые формы (рис. 1: 1, 2) и закрытые – с ручками и без (рис. 1: 3–5). Сосуды средних пропорций – чашечки выше и уже открытых низких мисочек (рис. 1: 6, 7). Высокие сосудики тоже различаются по форме. Среди них есть горшкообразные (рис. 1: 8, 9) и напоминающие стаканы (рис. 1: 10, 11).

Размеры миниатюрных сосудиков вариативны. Из-за малочисленности выделенных серий можно судить лишь о наличии в коллекции «очень маленьких» экземпляров, диаметром 2–3 см, и «просто маленьких», диаметром от 5 до 8 см. В сакрализованной сфере те и другие могли соотноситься с культовыми предметами. А наиболее крупные сосудики допустимо было использовать и в обиходе.

В ряде случаев виден параллелизм между пользовательской посудой и миниатюрными сосудиками. При этом, похоже, выявляется картина их неполного соответствия.

Часть миниатюрных сосудиков происходит из культурного слоя, но они также встречены в ряде построек и в одном погребении. В жилой постройке могут сочетаться сосудики разных пропорций и форм.

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

Отнесение рассматриваемых миниатюрных сосудов к культовой сфере отчасти базируется на невозможности другого их использования.

Серийность же миниатюрных сосудов на Юнаците согласуется с данными о количестве подобных находок на ряде других поселений ранних земледельцев ЮВ Европы.

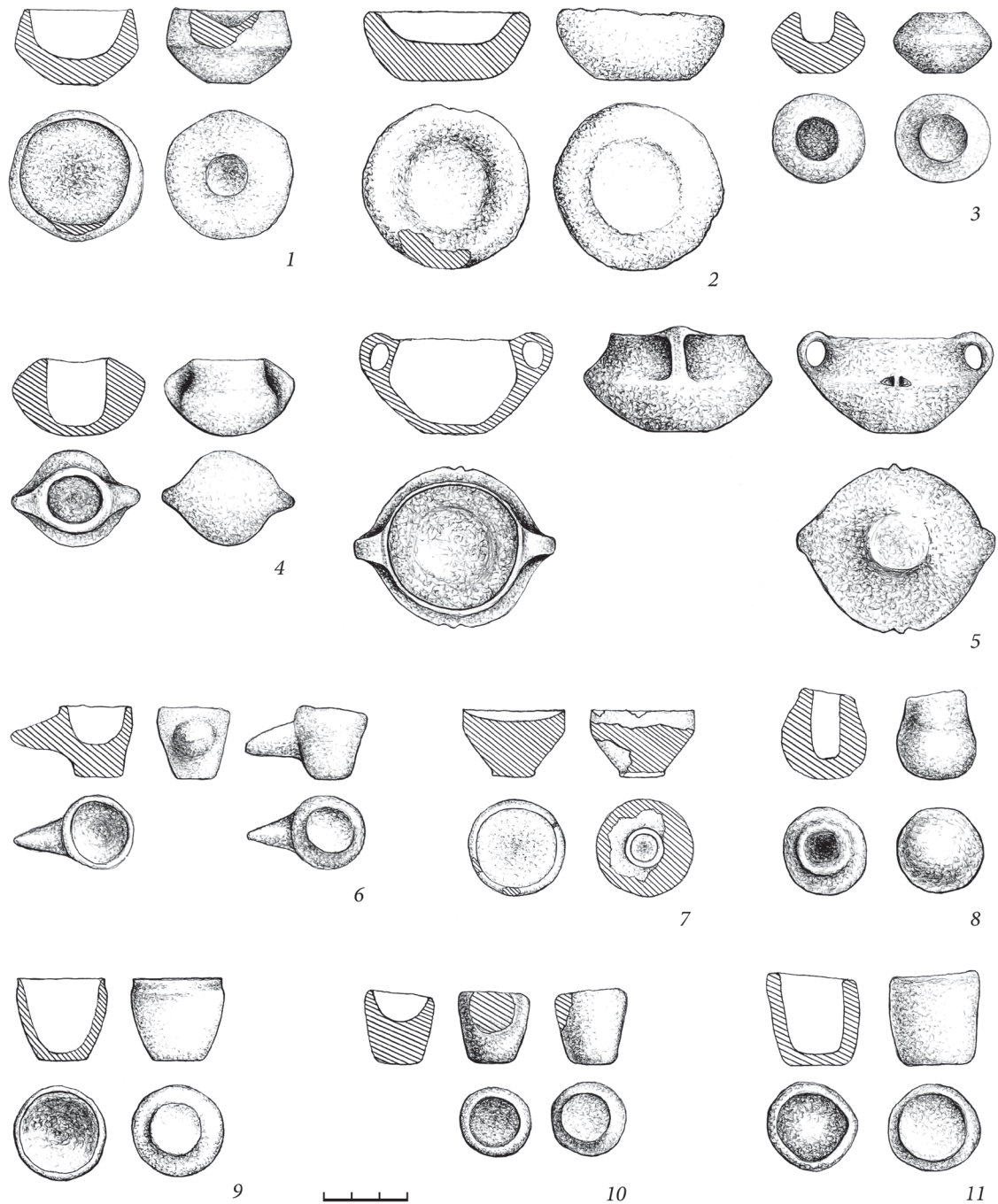

Рис. 1. Миниатюрные сосуды верхнего горизонта энеолита на телле Юнаците из собрания В. Мацановой

1, 2 – низкие мисочки; 3–5 – низкие закрытые сосудики; 6, 7 – чашечки средних пропорций; 8, 9 – относительно высокие горшочки; 10, 11 – относительно высокие стаканообразные сосудики

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ТЕЛЛЯ ЮНАЦИТЕ КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ МАРКЕР (БОЛГАРСКАЯ ФРАКИЯ)¹

Территория Фракии и примыкающие к ней районы занимают одно из ключевых положений в разработке проблем культурно-исторического развития древних обществ. Фракия входит в западный регион распространения теллей, которые обычно имеют напластования неолита-халколита эпохи бронзы или халколита-бронзы. Часто в эпоху ранней бронзы носители этой культуры занимали пустующие к тому времени искусственные холмы, на которых прежде располагались поселения халколитического времени (телли Караново, Дядово, Ново Загора, Огняново, Маноле и другие).

Проблемы периодизации раннего бронзового века продолжают оставаться актуальными для Балканского региона. Важное значение в решении этих вопросов имеют многослойные поселения/телли с мощным культурным слоем, длинной последовательностью культурных отложений. Их сравнительная стратиграфия позволяет выделять синхронные горизонты и этапы на памятниках, расположенных в конкретных регионах.

К настоящему времени на территории Болгарии известно более 70 памятников с отложениями эпохи РБВ, однако степень их исследованности различна и далеко не все имеют детально зафиксированную и продолжительную стратиграфию. Для Западной Фракии таким памятником является многослойное поселение Юнаците, для Восточной Фракии – это телль Эзеро.

Телль Юнаците является хорошим полигоном для таких исследований, поскольку имеет детальную стратиграфию отложений РБВ. Культурный слой эпохи ранней бронзы (пласт Б) достигает на Юнаците мощности более 5 метров и раскопан полностью. Отметим, что их верхние горизонты нарушены римским и средневековым строительством, средневековым могильником. В толще пласта Б выделено XVI/XVII последовательных горизонтов/поселков эпохи ранней бронзы с фиксацией детальной стратиграфии и планиграфии. На телле выделяют три этапа этого времени с учетом периодизации, принятой в настоящее время в Болгарии. Кроме того, накоплены серии дат ¹⁴C, которые позволяют в абсолютных значениях представить эти этапы: РБВ I – горизонты XVI/XVII–XV, 3200–2800 гг. до н. э.; РБВ II – горизонты XIV–IX, 3000–2500/2450 гг. до н. э.; РБВ III – горизонты VIII–I 2500/2450 – 2000 гг. до н. э.

С начала исследований этих сложных памятников археологи столкнулись с проблемой разделения материалов между эпохами и внутри эпох. Керамика стала сразу рассматриваться в качестве основного источника для построения периодизационных схем бронзового века. Сложность работы с керамическими фрагментами состоит в том, что на многослойных поселениях они часто фиксируются в переотложенном состоянии, горизонтом ниже или выше. Но массовый характер данных артефактов позволяет опираться на количественные показатели. Основой периодизационных построений стало выделение среди керамического материала хронологических маркеров для раннебронзовой эпохи Западной Фракии.

Некоторые керамические формы сразу были определены как индикаторы для конкретных стратиграфических горизонтов. Так, В. Миков и В. Милойчич уже в первых публикациях материалов телля Юнаците указывали на остродонные сосудики (шпицбодены) как на маркеры эпохи бронзы, Милойчич при построении периодизации Юнаците относил остродонные сосуды к пласту Юнаците III.

В результате работ Болгаро-Российской экспедиции была детально разработана стратиграфия и хронология телля Юнаците, что позволило определить относительную и абсолютную хронологию этих типов посуды. Как хронологические маркеры уже были проанализированы аскосы, остродонные и округлодонные сосудики в сочетании с орнаментами. Так, аскосы

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

оказались устойчивыми маркерами для эпохи РБВ I–II, остродонные чаши «типа Юнаците» связывают с эпохой РБВ III.

Из всего многообразия типов посуды телья Юнаците были выделены другие формы и формообразующие признаки, которые на стратиграфической колонке горизонтов РБВ занимают четкие временные интервалы и являются хронологическими маркерами.

К таким типам посуды относятся т. н. **соусники** – асимметричные, овальной формы посуды с вытянутым сливом и рельефными выступами в верхней части. В керамической коллекции Юнаците имеется только один целый соусник и несколько десятков фрагментов. На стратиграфической шкале телья они фиксировались с XIV по IX горизонт, характерны для узкого периода РБВ II.

Сосуды с носиками (чайники) расположились на стратиграфической шкале телья в пределах с XIII по II горизонт. Находки их немногочисленны, имеются как целые сосуды, так и несколько десятков фрагментов. Это форма оказалась устойчивым маркером для РБВ II–III.

В качестве хронологического диагноста рассматриваются некоторые признаки на открытых конических мисках. Так, имеются открытые **миски с внутренним ребром**. На фоне открытых мисок, которые не работают на хронологию и равномерно распределились по всей стратиграфической шкале, именно признак, связанный с оформлением ребра на внутренней стороне сосуда (332 фрагмента), локализуется с XVI/XVII по X горизонт, максимально они зафиксированы в XIV–XIII горизонтах. Этот признак маркирует РБВ I–II, в большей степени именно средний этап РБВ.

Еще один признак был зафиксирован как маркер для ряда стратиграфических горизонтов – **оттянутый край миски**. Данная форма представлена двумя целыми сосудами (из XIV и XIII горизонтов) и несколькими десятками фрагментов. Такие миски локализуются с XV по XI горизонт.

Сосуды на поддонах морфологически весьма разнообразны, их объединяет наличие округлого поддона. Эти сосуды и их фрагменты немногочисленны, неравномерно локализуются с XV по I горизонты.

Итак, имея в виду только морфологические характеристики, укажем на узкие индикаторы: для РБВ II это – соусники, для РБВ III – остродонные чаши. Аскосы, миски с внутренним ребром и миски с приподнятым краем распространены в РБВ I – РБВ II. Сосуды с носиками – РБВ II – РБВ III (рис. 1). Судя по распределению керамических маркеров, этапы РБВ I – РБВ II имеют между собой более тесные контакты и в меньшей степени связаны с этапом РБВ III.

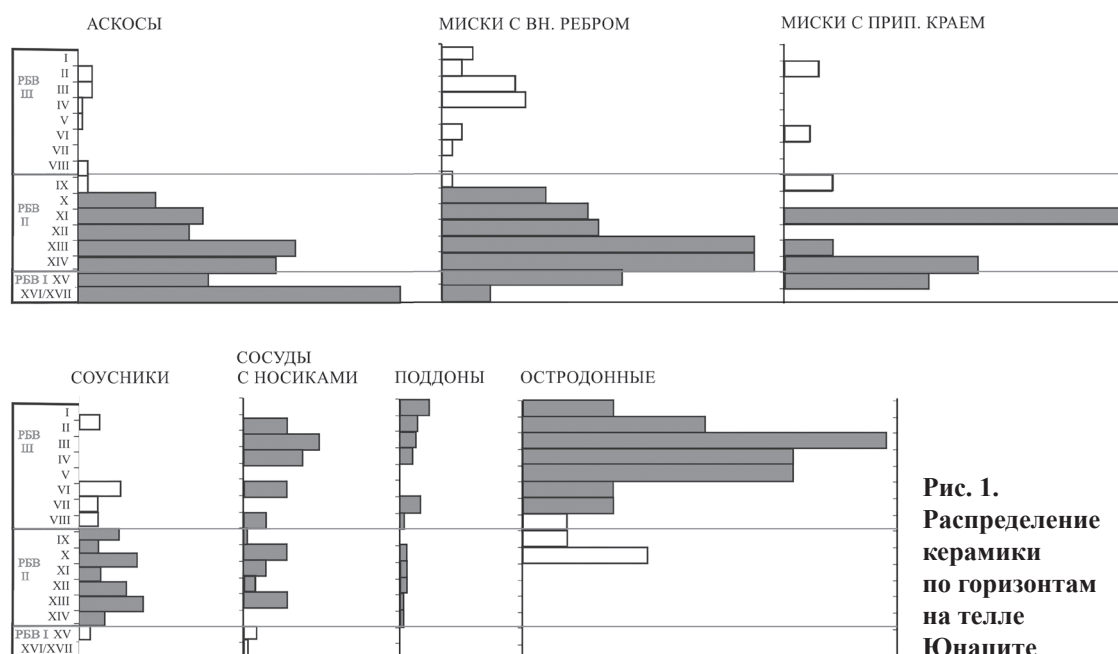

Рис. 1.
Распределение керамики по горизонтам на телье Юнаците

ЭНЕОЛИТ – БРОНЗОВЫЙ ВЕК: ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

А. А. Выборнов (СГСПУ, Самара)
vibornov_kin@mail.ru

Н. С. Дога (СГСПУ, Самара)
natalidoga@yandex.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЕРИОДИЗАЦИИ, ХРОНОЛОГИИ, ХОЗЯЙСТВЕ И ПАЛЕОГЕОГРАФИИ ЭНЕОЛИТА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Для территории Нижнего Поволжья И. Б. Васильевым была предложена схема развития энеолита с прикаспийской и хвалынской культурами (Васильев, 1980). Эту концепцию поддержал Н. Я. Мерперт, указывая на качественное изменение источниковой базы для данного периода в регионе (Мерперт, 1980). Однако аспекты периодизации и хозяйства оставались дискуссионными, а вопросы хронологии и палеографии открытыми. Так, ряд исследователей не выделял прикаспийские материалы в отдельную культуру и предполагал их сосуществование с хвалынскими комплексами.

С 2014 г. исследуются новые памятники Алгай и Орошаемое в степном Поволжье. На обеих стоянках энеолитические слои прикаспийской и хвалынской культур отделены друг от друга стерильными прослойками (Выборнов и др., 2020а. С. 69; Выборнов и др., 2021. С. 104). Это предполагает более раннее функционирование на данной территории первой из них. Причем ряд новаций (например, техника усиленного отжима) фиксируется уже у прикаспийцев. Таким образом, появились убедительные доказательства о соотношении энеолитических культур данного региона.

Стратиграфические данные подтверждаются и хронологией. Для прикаспийской культуры впервые была получена серия валидных радиоуглеродных дат в интервале 5800–5900 лет ВР, а для хвалынской культуры – 5700–5600 лет ВР (Выборнов и др., 2022. С. 10, табл. 1). Первые значения соответствуют новым датам для самарской культуры, а вторые – для возраста животных из Хвалынского I могильника. Это еще раз подтверждает более раннюю позицию компонентов мариупольской историко-культурной области по отношению к хвалынским древностям. В то же время необходимо отметить отсутствие на ее памятниках признаков металлообработки. Это позволяет ставить вопрос о переходном периоде от неолита к энеолиту на интересующей территории (Выборнов и др., 2020).

Еще один аспект, вызывающий дискуссии, связан с появлением в Нижнем Поволжье доместичированных животных. Н. Я. Мерперт отмечал, что производящее хозяйство появляется в степи и лесостепи в «до-древнеямное» время (Мерперт, 1980. С. 12). Новые материалы (как археозоологические, так и липидные) убедительно свидетельствуют, что при доминанте диких видов животных домашние овцы и козы появляются уже у носителей прикаспийской культуры (Выборнов и др., 2019. С. 361, табл. 2). Но выводить элементы производящего хозяйства из местной неолитической среды веских оснований пока нет. Более вероятен североприкаспийский импульс. Данные с хвалынских памятников Северного Прикаспия говорят о наличии в стаде не только мелкого, но и крупного рогатого скота (Выборнов и др., 2019. С. 361, табл. 2). Но в обоих регионах нет фактов о доместичированной лошади.

Проведенный впервые геохимический анализ (М. А. Кулькова) на изучаемых памятниках показал, что в начале формирования слоя прикаспийской культуры климатические условия можно охарактеризовать как прохладные. Спорово-пыльцевые данные, полученные впервые (А. Ю. Овчинников, О. К. Борисова), также фиксируют наиболее сухие условия. К концу периода происходит переход к влажным и теплым показателям. Концентрация находок в верхней части слоя дает основание предположить, что прикаспийское население проживало на памятнике

в наиболее благоприятное время, с пригодной для хозяйства растительностью и климатической обстановкой (Выборнов и др., 2021. С. 7). Наличие стерильной прослойки эолового происхождения, залегающей над прикаспийским слоем, говорит об ухудшении климата и, как следствие, уходе населения со стоянки. Климатическая обстановка в период бытования на памятнике хвалынецов улучшается. Условия становятся влажными и теплыми. Данные спорово-пыльцевого анализа из обоих культурных слоев показали, что растительность на окружающей территории была близка к современным сухим степям (полупустыням).

Таким образом, новые материалы и результаты естественно-научных методов, с одной стороны, подтвердили гипотезы Н. Я. Мерперта по энеолиту Нижнего Поволжья, а с другой – позволили впервые развивать ряд аспектов, которые по объективным причинам не разрабатывались.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев И. Б., 1980. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ. С. 27–53.
- Выборнов А. А., Дога Н. С., Кулькова М. А., 2020. Вариант перехода к энеолиту в Нижнем Поволжье // КСИА. Вып. 258. М. С. 65–74.
- Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Рослякова Н. В., Дога Н. С., Попов А. С., 2020а. Результаты исследования памятника Орошаемое в Нижнем Поволжье в 2019 году // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8. С. 66–77.
- Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Дога Н. С., Попов А. С., Юдин А. И., Васильева И. Н., Кулькова М. А., Рослякова Н. В., Косинцев П. А., 2021. Результаты раскопок стоянки Алгай в 2020 году в степном Поволжье // Известия СНИЦ РАН. Т. 3. № 2. С. 100–121.
- Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Дога Н. С., Кулькова М. А., Филиппсен Б., 2022. The Chronology of Neolithic-Eneolithic in the steppe zone of the Volga basin // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 27. № 3. С. 6–15.
- Выборнов А. А., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Платонов В. И., 2019. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Stratum plus. № 2. С. 359–368.
- Выборнов А. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., 2021. Природно-климатические кризисы как фактор культурной и хозяйственной изменчивости // Уральский исторический вестник. № 3 (72). С. 15–25.
- Мерперт Н. Я., 1980. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ. Куйбышев. С. 3–26.

О. Н. Корочкова (УрФУ, Екатеринбург)
olga.korochkova.59@mail.ru

УРАЛ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ОТ КАМНЯ К МЕТАЛЛУ¹

В центре внимания – процессы перехода от эпохи камня к эпохе металла в таежных районах Урала и Западной Сибири на рубеже III–II тыс. до н. э. Анализ накопленных к настоящему времени археологических материалов и сравнительный анализ двух соседних регионов позволяет выявить некоторые универсальные и специфические черты внедрения инноваций бронзового века в зонах, относящихся к т. н. присваивающей экономике.

Какие принципиально важные моменты имеют значение для понимания обозначенной проблемы?

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-28-00066

1. Особенности возобновляемых и невозобновляемых ресурсов горно-лесного Зауралья (богатство меднорудных источников сырья, но крайне уязвимые условия для пищевой безопасности) и таежной зоны Западной Сибири (развитая водная сеть из магистральных и малых рек, проточных озер; богатый животный и растительный мир, обеспечивавший стабильные пищевые стратегии и богатый рацион, стимулировавший высокую плотность населения, развитую кооперацию при возведении общественно значимых сооружений (фортификаций) и высокую конкуренцию за промысловые территории и коммуникации (*Борзунов*, 2020. С. 46–60).

2. Позднее вступление в эру металлов, несмотря на наличие богатых меднорудных месторождений в горно-лесном Зауралье и развитые информационные связи населения Западно-Сибирской равнины. Бронзовый век стал самой короткой археологической эпохой и в целом охватывает тысячелетний период – II тыс. до н. э., что в рамках глобальной периодизации соответствует позднему бронзовому веку (*Черных*, 2009. С. 244–263; 2013. С. 218–242).

3. Заметный hiatus III тыс. до н. э. в радиоуглеродной шкале (*Чаиркина, Кузьмин*, 2018. С. 132) позволяет констатировать, что становление бронзового века в горно-лесном Зауралье происходило в экстремальных условиях и при чрезвычайно низкой плотности населения. Западносибирские реалии нуждаются в уточнении и наталкиваются не столько на малое количество материалов, сколько на отсутствие полноценных публикаций раскопок последних лет и серии датировок.

4. Чрезвычайно краткий, но ранний эпизод металлоносных культур (кульеганская культура) в глубине таежной зоны Западной Сибири, обусловленный дальними сейминско-турбинскими экспедициями, приуроченными к основному коммуникационному коридору Иртыш – Обь, который с древности обеспечивал прибрежную колонизацию и миграционные маршруты выходцев с юга на север (*Корочкова*, 2019). Отсутствие условий и стимулов для самостоятельного развития металлообработки объясняет стремительность и затухание «бронзового эпизода» и полноценное вступление западносибирской тайги в эру металла в раннем железном веке.

5. Формирование самостоятельного коптяковско-сейминского центра металлообработки (*Савинов*, 2013) в горно-лесном Зауралье в среде населения охотников и рыболовов. Настораживает отсутствие очевидных следов металлургического производства на поселениях коптяковской культуры. Однако ряд косвенных данных, опирающихся на реконструкцию пастушеской модели металлопроизводства (*Ткачев*, 2021), и наличие многочисленных свидетельств связей носителей коптяковской культуры с производящими центрами, расположенными на территории алакульской культуры, позволяют выдвинуть к проверке гипотезу о реализации здесь близких алгоритмов. Пастушеская модель основана на сезонных и многоступенчатых циклах подготовки рудного сырья для получения меди в зонах месторождений (*Богданов*, 2020). Многокомпонентный состав керамического и металлического комплекса святилища Шайтанское Озеро II (*Корочкова и др.*, 2020. С. 166–170) указывает на участие групп приуральского и притобольского населения в освоении меднорудных залежей Среднего Урала, к которым приурочены немногочисленные памятники коптяковской культуры.

6. Для прояснения сформулированных вопросов планируется привлечение актуальных радиоуглеродных датировок, особые надежды связаны с возможностями изотопного анализа руд и металлических изделий с широкой территории Урала и Западной Сибири, что позволит проследить пути появления и движения первого металла в среде таежных охотников и рыболовов.

ЛИТЕРАТУРА

Богданов С. В., 2020. Технологические алгоритмы пастушеской модели металлопроизводства бронзового века степных регионов Северной Евразии // Уральский исторический вестник. № 4 (69). С. 6–14.

- Борзунов В. А.*, 2020. Древние укрепления лесной полосы Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрФУ. 576 с.
- Корочкова О. Н.*, 2019. Среднее Зауралье и таежное Приобье в системе связей Западноазиатской металлургической провинции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 64. № 2. С. 718–739.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Спиридонов И. А.*, 2020. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Изд-во УрФУ. 214 с.
- Савинов Д. Г.*, 2013. О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Теория и практика археологических исследований. № 2 (8). С. 5–16.
- Ткачев В. В.*, 2021. Концепция культурного ландшафта в ретроспективе эпохи поздней первобытности (по материалам позднего бронзового века Южного Урала) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. № 2. С. 53–67.
- Чаиркина Н. М., Кузьмин Я. В.*, 2018. Новые радиоуглеродные даты эпохи мезолита – раннего железного века Зауралья // Уральский исторический вестник. № 2 (59). С. 124–134.
- Черных Е. Н.*, 2009. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 624 с.
- Черных Е. Н.*, 2013. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.: Языки славянской культуры. 368 с.

С. Н. Кореневский (ИА РАН, Москва)
skorenevskiy@yandex.ru

РАННЕМАЙКОПСКИЙ ВАРИАНТ МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ¹

В основу настоящей работы были положены материалы, связанные с практикой исследования памятников раннего бронзового века Предкавказья, которые стали накапливаться с середины 80-х гг. прошлого века до настоящего времени. Внутренняя типология майкопско-новосвободненской общности (МНО) была разработана А. А. Иессеном в статьях 1935, 1950 гг. и тезисах доклада 1962 г. Он первый выделил особый раннемайкопский этап раннекурганной группы Прикубанья, который предшествовал позднему, новосвободненскому этапу. В 1957 г. Е. И. Крупнов сформулировал понятие «майкопская» культура, которая никогда не рассматривалась как единое целое.

После 1985 г. и открытия Галюгаевских поселений на Тереке была предпринята работа по анализу комплексов раннемайкопского типа, имеющих по керамике аналогии в Майкопском кургане. На основании методики и подходов к анализу керамики А. А. Борбринского были разработаны диагностические показатели посуды раннемайкопского (галюгаевско-серегинского) варианта МНО. Они включают формы круглодонной керамики, изготовленной из тщательно отмученного теста без минеральных примесей. Формы такой посуды разнообразны: огромные пифосы, крупные сосуды, небольшие кубки. Сосуды открытых форм представлены чанами, разнообразными мисками без ребра на тулове и с ребром на тулове. На этих сосудах показательными признаками майкопского варианта МНО были различные знаки на плечиках. Одним из наиболее исследованных памятников этого варианта является поселение Галюгаевское-1. Всего же сейчас мы учли около 11 поселений с такой керамикой, а также примерно 59 погребальных комплексов и один клад у ст. Старомышастовской.

Современная хронология памятников майкопского варианта базируется на 20 радиоуглеродных датах, сопоставлениях с памятниками слоя Арслантепе VII в Восточной Анатолии,

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

а также с материалами культуры Лейлатепе на Южном Кавказе (по работам И. Нариманова, Н. Мусеибли, Т. Ахундова). Даты памятников майкопского варианта МНО отражают их появление в первой половине IV тыс. до н. э., существование в середине IV тыс. до н. э. Ареал памятников с датами первой половины и середины IV тыс. до н. э. связан г. о. с центральным Предкавказьем, верхним и средним Прикубаньем. Сам Майкопский курган может относиться, вероятно, ко второй четверти IV тыс. до н. э. Основанием для такой датировки служат аналогии его комплекса вещей в комплексах, имеющих даты 14С с бронзовыми мотыгами, такими как к. 1 п. 70 мог. Заманкул, к. 2 п. 11 мог. Винсады 2014, а также с датой мотыги из пос. Орджосани в Грузии. (3675–3543 BC) (*Gambashidze*, 2018. S.80).

Территория Центрального Предкавказья была освоена майкопским населением в первой половине IV тыс. до н. э. В начале второй половины IV тыс. до н. э. в центральном Предкавказье памятники майкопского варианта сменяют памятники долинского варианта МНО с характерными показателями металла ее позднего этапа. Памятники позднего этапа МНО с керамикой раннего майкопского типа пока зафиксированы только на Тереке в районе ст. Стодереvской и Галюгаевской. Их поздние даты относятся к четвертой четверти IV тыс. до н. э. При этом другие даты Галюгаевского поселения I показывают, что оно существовало и в более раннее время.

В западном Предкавказье и Причерноморье на смену раннему майкопскому варианту приходят близкие ему памятники псекупского варианта, носители которых продолжали традиции ближневосточной посуды с формовочными массами без искусственных минеральных примесей, но керамика со знаками на плечиках для них нехарактерна.

Майкопский вариант МНО был наиболее близок лейлатепинской культуре Южного Кавказа, но не был тождественен ей. Его аналогии по керамике уходят в северную Месопотамию к кругу культур со знаковой керамикой времени Арслантепе VII.

Погребальные традиции майкопского варианта хорошо известны. Для них особо показательны захоронения в крупных ямах в основном с длинной стенкой более 3 м. Ямы с меньшей длиной длинной стенки около 2 м редки. Для погребальных обрядов майкопского варианта характерна галечная выкладка на дне могилы. Известны данные о гробницах из булыжника, сооружаемых на горизонте, и немногих захоронениях в катакомбах.

Насыпи над майкопскими могилами иногда в больших курганах представляют порой сложные структуры с последовательными сооружениями слоев над одним захоронением. Детальный анализ погребальных традиций майкопского варианта затруднен, так как более 90 % захоронений разрушены (ограблены). Тема освещения древностей Майкопского кургана нуждается в специальном рассмотрении. При этом можно заметить, что этот выдающийся памятник отражал символику культа Древа Жизни, традиции порчи сосудов для их использования в погребальном обряде, а также очевидную военизацию элиты майкопского общества, проявляющуюся в заупокойных ритуалах.

Найденный в кургане 2 погребения 11 мог. Винсады комплекс из топора, мотыги и желобчатого долота (*Лычагин*, 2016; *Корневский*, 2022) является третьим случаем комплексов с топором, мотыгой, инструментами деревообработки для майкопских памятников. Он позволяет считать такой набор статусным для элиты майкопских племен

В целом наши работы подтверждают точку зрения М. И. Ростовцева (1922 г.) не только о большой древности МНО, более ранней, чем эпоха ранних династий Ура, но и местном характере ее металлопроизводства.

Майкопский вариант МНО и лейлатепинская культура в первой половине – середине IV тыс. до н. э. отражали передовые позиции кавказской металлургии на Ближнем Востоке в течение Урукского периода в Месопотамии. Не исключена также вероятность влияния традиций производства некоторых втульчатых орудий эпохи Дунайского энеолита на формирование типов майкопского оружия (например, влияния форм топоров типа Ариушд на майкопский тип Лечинкай).

ПАМЯТНИКИ ПЛАСТУНОВСКОГО ТИПА ИЛИ ПЛАСТУНОВСКАЯ КУЛЬТУРА¹

Заметное внимание проблемам полилинейности культурного развития в энеолите – раннем бронзовом веке, а также роли балканских и кавказских связей в истории и культуре населения степной полосы Северного Причерноморья уделено Н. Я. Мерпертом в одном из наиболее важных его трудов – докторской диссертации. Для намеченных им западных территориальных вариантов ямной культурно-исторической области были выделены несколько обрядово-стратиграфических групп, заметно отличающихся от собственно ямных культурных образований. А феномен нижнего слоя Михайловки I и вероятных соответствий ему в курганных материалах рассматривался им как результат взаимодействия трипольских традиций с кавказскими влияниями при значительной роли местного степного ямно-среднепалеолитического компонента. Памятники типа Михайловки I охарактеризованы как принципиально и исторически близкие усатовской культуре (Мерперт, 1968).

Изучение вопросов культурных и этнокультурных взаимодействий в северной части Циркумпонтийской зоны имеет длительную историю, а предлагавшиеся решения отличаются редкостным разнообразием: от указания на прямые прямые трипольские керамические импорты в Предкавказье (Збенович, 1976) до предположений о действиях особой «майкопской администрации» среди носителей ряда поздне трипольских культурных групп (Дергачев, 2022).

Особое внимание для данной темы имеют группы степных захоронений с обрядом сильноскорченного труположения на боку благодаря очевидному сходству отдельных памятников в широких пределах от Прикарпатья до Северо-Западного Кавказа (Резепкин, 1985; 1987; Дергачев, Манзура, 1991; Рассамакин, 1991; 2004; Кияшко В. Я., Кияшко А. В., 1992; Гей, 1994; Manzura, 2016).

Подробный анализ этих памятников на Украине был предпринят в работах Ю. Я. Рассамакина, разделившего их на 2 этапа. К раннему отнесены скорченные на боку захоронения в овальных ямах, связанные с нижним слоем Михайловского поселения (Рассамакин, 1992). Аналогичные и близкие материалы отмечены в полосе от Дона до Дуная (утконосовский тип, тип Хаджидер, 3-я группа Нижнего Дона и др.), при этом указывается на связь данной группы с некими южными влияниями и древними земледельческими традициями, корни которых восходят к культурам Кавказа и Балкано-Карпатского региона (Рассамакин, 1992; Алексеева, 1987; Петренко, 1989; Кияшко В. Я., 1994).

К более поздним отнесены сходные захоронения в прямоугольных ямах, ямах с уступами и подбойных могилах, круг аналогий которым еще более обширен: от 8-й группы в Прикубанье, 6-й на Нижнем Дону до животиловских памятников в Поднепровье и ряда комплексов Попрутья и Поднестровья (Трифонов, 1983; 1991; Кияшко В. Я., 1974; 1994; Ковалева, 1978; 1991; Дергачев, 1982). В них видят свидетельство «широкой миграции с ярко выраженными западными импульсами», результатом которой явилось формирование новосвободненских памятников на Северном Кавказе и так называемого европейского компонента сложения майкопской культуры (Рассамакин, 1992) или отличной от нее новосвободненской культуры (Резепкин, 2012).

Для обозначения обеих групп на территории Поднепровья и Приазовья в литературе утвердился термин «животиловские» или «животиловско-волчанские». Аналогичные памятники низовьев Дона и Волги и степного Предкавказья представлены в литературе неполно и фигурируют главным образом как майкопские, «степного майкопа», «северного майкопа» и т. д., хотя в реальности имеют заметные отличия от майкопских стандартов.

К настоящему моменту в Восточном Приазовье, на Кубани, в низовьях Дона и Волги известно порядка 40 памятников и не менее сотни погребальных комплексов, сходных

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

по основным параметрам с обеими хронологическими разновидностями животилово-волчанских. Большинство происходит из курганных могильников, но не исключены и случаи грунтовых кладбищ по соседству с курганами. Эталонными памятниками такого рода являются Пластуновский I и Ольховский могильники в Прикубанье (stepь), Общественный I могильник в Закубанье (предгорные равнины). В качестве могильного сооружения использовались небольшие овальные и округленные ямы и небольшие ямы с уступами. Покойники помещались в них в так называемой «позе адорации» или в сильно скорченном положении на боку с согнутыми руками, кисти которых помещены перед лицом. Половина случаев – скорченники на правом, половина – на левом боку. Ориентировки неустойчивые (около 28 % к Ю, по 25 % к З и В). Состав погребенных разнообразен (взрослые обоего пола, есть юношеские и старческие особи, младенцы и дети, причем число последних выглядит недостаточным для естественной структуры популяции). Планировка кладбищ лишена выраженной системы. Использование красной краски (комки, окрашивание стоп, ладоней рук) не является обязательным. Сами красители отличаются от обычной охры яркостью и насыщенностью малиновых тонов (предположительно – киноварь).

Погребальный инвентарь редок, типологически выразительны «флажковидные» кремневые наконечники стрел, изогнутые металлические и роговые булавки с крохотным отверстием в средней части стержня. Керамика из погребений включает в различных комбинациях типичные красноглиняные майкопские сосуды, подбиконические светлоглиняные горшковидные сосуды с прочерченно-проглаженными «паркетными» орнаментами и т. н. «кубки» – небольшие темнолощенные сосуды со сферическим туловом и заметно выделенным и относительно высоким цилиндрическим или раструбным венчиком. Все три разновидности представлены в материалах бесспорно майкопских погребений, а также на поселениях этой культуры. Тем не менее имеются наблюдения, свидетельствующие в пользу разделения их (планиграфия комплексов в могильниках, выделение сравнительно чистых серий только с кубковыми формами в инвентаре) и признания кубков в качестве особой своей традиции, а двух других разновидностей, как майкопских импортов, результатов тесного общения с обитателями майкопских поселений.

Важный момент – характер и состав керамического комплекса. И трипольская, и майкопская культуры представляют собой нечастые для энеолита – эпохи бронзы примеры сочетания двух классов (по терминологии С. Н. Кореневского) посуды или двух заметно различающихся традиций. В первом случае – высококачественной «столовой» расписной и грубой «кухонной» посуды (Мовша, 1961). Во втором – красно-оранжевоглиняной лощеной посуды «без минеральных примесей», часть которой имеет признаки использования поворотных устройств и значительно более грубой, хотя иногда также лощеной, серо-буро-глиняной керамики с минеральными добавками в тесте (Кореневский, 2004). Для последующих поздних эпох (РЖВ – Средневековье) такие варианты рассматриваются как свидетельства либо использования «варварами» импортной посуды, изготовленной более цивилизованными соседями, либо как сохранение домашнего производства наряду со специализированным ремесленным гончарством. Для энеолита – бронзового века на юго-востоке Европы обе ситуации выглядят малореалистичными. Даже для майкопской культуры с ее многочисленными и бесспорными южными, точнее ближневосточными, элементами хотя бы потому, что в предшествующей ей культуре Мешоко-Мысхако феномен керамических «классов» отсутствует, и весь керамический комплекс характеризуется единством технологии и высоким качеством, когда лучшие образцы практически ничем не уступают «поворотной» посуде Майкопа¹.

В Триполье двухкомпонентность керамического комплекса традиционно рассматривается как результат взаимодействия с восточными соседями, степными скотоводами среднестоговской культуры (Мовша, 1961). Естественно предположить, что и в Майкопе имеет место подобная ситуация, относящаяся ко второй – четвертой четвертям IV тысячелетия, когда Средний Стог уже сошел с исторической арены, а степной коридор занимали уже иные культурные

¹ Посуда степного облика в коллекциях таких домайкопских памятниках, как Свободное или Мысхако, присутствует, но количество ее невелико, и она имеет отчетливо инородный характер, т. е. может свидетельствовать о контактах, но не о параллельном использовании двух производственных традиций населением низкоргий Западного Кавказа (Гей, 2014).

образования. Тем не менее в обоих случаях ситуация определяется как тесное общение и частичное смешение изначально разнородных (генетически разных) групп мобильных степных скотоводов с оседлым, по преимуществу земледельческим, населением.

Подводя итоги, можно сказать, что в ситуации встречного переноса условно балканских (трипольских) и кавказских (майкопских) элементов следует говорить об особой и достаточно большой степной общности, существовавшей в IV тыс. от Нижней Волги до Днестра и Прута. В западных районах она активно взаимодействовала с трипольским массивом, на востоке – с майкопской общностью, примыкая к ней, но не входя непосредственно. Или, по крайней мере, с очень большими оговорками.

Если для обозначения памятников Поднепровья и Приазовья утвердились названия жivotиловского и волчанского типов, то памятники в восточных районах, на Нижнем Дону, в Прикубанье и Закубанье, учитывая их иную ориентацию, миксацию с майкопскими, а также причастность к сложению дольменной культуры, вероятно, следует объединить в особое образование, которое можно обозначить термином «пластуновский тип» (м. б. – «пластуновская культура»).

Предлагая его вместо длительное время использовавшихся, прежде всего мной самим, терминов «нижнемихаловско-новосвободненская» или «степная новосвободненская» культуры, следует указать на определенные расплывчатость и архаизм первого и излишнюю многозначность второго. Курганы Новосвободной служили для обозначения принципиально отличных от описанных выше памятников позднего этапа майкопа, а другими авторами – для особой, отдельной от майкопской, культуры. После повторной экспертизы комплексов Серебряного кургана стало очевидным, что новосвободненские захоронения в нем совершенны не в каких-то там «двухкамерных гробницах», а в дольменах, назвать которые обычными мешает только не совсем обычное двускатное устройство крыши. Отсюда вполне логичное заключение В. А. Трифонова, что новосвободненские памятники на Фарсе суть результат взаимодействия и смешения в одном небольшом районе майкопской и причерноморской дольменной культур, культур разноприродных и изначально непохожих друг на друга. Таким образом, ситуация, если вспомнить упоминавшуюся европейскую миграционную гипотезу А. Д. Резепкина, становится еще более неоднозначной. Важно еще понять, что новосвободненские гробницы являются памятниками элиты, а именно элитам свойственно аккумулировать и реальные, и символические ценности и раритеты не только своих культур и территорий, но самых разных областей доступной и известной им части ойкумены. И не только ценности, но в некоторой мере и стоящие за ними идеи (здесь уместно вспомнить и Майкопский курган, и Нальчикскую гробницу, и Бородинский клад). В силу этих причин элитные комплексы не могут рассматриваться как эталоны, непригодны для объективного выделения и обозначения археологических образований (общностей, культур, типов и вариантов). Для этих целей должны использоваться прежде всего массовые, серийные материалы. Комплексы из курганов степного Прикубанья выглядят здесь однозначно предпочтительнее.

*А. Д. Резепкин (ИИМК, Санкт-Петербург)
rezepkin@mail.ru*

РАДИОУГЛЕРОДНО-СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОМПЛЕКСОВ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА КЛАДЫ

На проблему абсолютной хронологии майкопской и новосвободненской культур существуют две точки зрения. Первая: эпоха ранней бронзы, по сути, имеет весьма длительную протяженность во времени – от начала IV и до начала III тыс. до н. э. Одним из наиболее аргументированно отстаивающих эту позицию является С. Н. Корневский (Корневский, 2008. С. 88–89; 2019. С. 69–75).

Вторая точка зрения наиболее аргументированно высказана М. Б. Рысиным. Он приводит доводы в пользу отсутствия надежных данных, в том числе и по радиоуглероду, для датировки эпохи ранней бронзы первой половиной IV тыс. до н. э. Все памятники этой эпохи он относит ко второй половине IV – началу III тыс. до н. э. (Рысин, 2012).

Если мы обратимся к датам новосвободненской культуры, а мной собрано 37 дат (верхние даты, входящие своим диапазоном в III тыс. как заведомо неточные, не учитывались), то время существования культуры, согласно этим датам, заключено в пределах 3700–2940 гг. до н. э.

Какие же факторы могут откорректировать временные параметры культуры?

Полагаю, для такой корректировки следует применить радиоуглеродно-стратиграфический анализ комплексов совместно с типологическим анализом материала из данных комплексов. Наиболее благодатным для такого анализа является могильник Клады (Резепкин, 2012). Здесь раскопан целый ряд курганов, которые дали надежные стратиграфические колонки. Курган 11 перекрывает шесть более ранних курганов, в трех из них зафиксировано стратиграфически и типологически значимое соотношение наиболее ранних комплексов культуры. Это курганы «И» «З» и «В». Стратиграфия более поздних комплексов отмечена также еще в пяти курганах в Кладах.

Важность применения такого анализа заключается в том, что выстроенные стратиграфические колонки, где часть погребений датирована радиоуглеродом, позволяют на основе и типологического анализа предлагать более точные абсолютные даты и другим комплексам культуры.

Из таблицы видно, что три нижних стратиграфических горизонта в кургане 11 имеют диапазон от 3643 до 3358 г. до н. э. Одна из четырех представленных дат – погребение 50 – на сто лет древнее, чем дата из более нижнего горизонта, поэтому она сомнительна. Под каждым диапазоном радиоуглеродной даты проставлена средняя дата данного диапазона. Это, как представляется, хотя бы и относительно, но позволяет несколько более конкретизировать расположение комплексов относительно друг друга в стратиграфической колонке.

В кургане «И», как мы видим, все три горизонта практически единовременны и возникли примерно в течение 30 лет. Замыкает эту колонку четвертый стратиграфический горизонт с погребением с кубком и бесчерешковым кинжалом. Последнее по стратиграфии погребение в этом кургане ограблено, но содержит бронзовую втульчатую двухзубую вилку, а в жертвенном комплексе этого погребения – бронзовые копье и черешковый кинжал. Этот набор характерен уже для новосвободненских гробниц (Резепкин, 2012. С. 157. Рис. 28, п. 37). Следует отметить, что реповидные сосуды, столь характерные для развитого этапа новосвободненской культуры, во всех трех горизонтах не встречены. Стратиграфия другого кургана «З» интересна тем, что комплекс основного погребения состоял из сосуда и двух мисок майкопской культуры, а также ранненовосвободненского кубка и черешкового кинжала. Его перекрывало погребение в срубе с ранненовосвободненскими амфорой и кубком. Аналогичные амфора и кубок найдены в нижнем горизонте предыдущего кургана. Кубок и майкопский сосуд со стрелкой флажковидного типа найдены и в еще одном основном погребении – курган 24, погребение 6.

Совстречаемость майкопской керамики и ранненовосвободненских кубков, флажковидных наконечников стрел, а иногда и амфор данного типа для Северо-Западного Кавказа не редкость. К примеру, это поселения Городское, Чишло, Серегинское, Чекон, погребения из могильника Общественное 2, курган 1 могильника Уашхиту.

Опираясь на приведенные в таблице радиоуглеродные даты комплексов, с известной долей вероятности можно предположить, что начальный этап существования этого горизонта смешанных и ранненовосвободненских погребений можно отнести к началу 36 – первой половине 35 в. до н. э.

Далее. В третьем стратиграфическом горизонте в погребении найдена майкопская миска с пролощенным орнаментом (п. 49). Такой же пролощенный орнамент но в виде косой сетки, обнаружен на фрагменте сосуда на новосвободненском поселении, где в небольшом количестве обнаружены и фрагменты майкопской керамики. Здесь также была найдена керамика и с елочным орнаментом. Одиннадцать дат для поселения дали диапазон от 3700 до 2880 гг. до н. э. Даты нижних стратиграфических горизонтов Кладов и наличие ранних (как в нижнем

стратиграфическом горизонте) амфор дают достаточное основание полагать, что поселение можно датировать второй половиной 35 в. до н. э. Следующий стратиграфический горизонт Кладов, его можно назвать «предгробничный», содержит уже типичную реповидную керамику с елочным орнаментом. В трех курганах погребения этого горизонта являлись основными, а гробницы впускными. Еще в одном кургане основное погребение содержало чернолощеную миску, столь характерную для поселения (к. 15 п. 2). Оно датировано 3654–3382 гг. до н. э. Его перекрывало погребение с типичным для гробниц инвентарем: кинжал, топор, каменные шары, лазуритовая бусина, а также типичные для гробниц асимметричные наконечники стрел с шипом (к. 15 п. 1). Для еще одного основного погребения, непосредственно предшествовавшего погребению в гробнице – курган 27 (№ 1 по Веселовскому) п. 4, В. А. Трифоновым, его исследовавшим (*Трифонов и др.*, 2019), были получены три даты. Самая ранняя – 3340–3100. Как мы видим, средняя разница в датах из этих двух основных погребений в среднем составляет около 200 лет. По гробнице из другого кургана № 30 получена дата 3500–3342, где основным было погребение, по погребальной конструкции похожее на предыдущее основное погребение из кургана 27 (деревянная рама-сруб). Для гробницы из кургана № 26 (№ 2 по Веселовскому) получена дата 3350–3090. Две даты третьей гробницы из кургана № 31 – 3642–3378; 3657–3518. Таким образом, мы видим весьма значительный разброс дат и по гробницам – от до 3090 г. до н. э. до 3657 г. до н. э. Здесь нужно сказать, что комплексы из погребений, которые стратиграфически непосредственно предшествуют комплексам из гробниц, в том наборе инвентаря, который в них имеется, от инвентаря в гробницах типологически неотличимы. Это чернолощенные миски, высокогорлые амфоры, реповидные сосуды с орнаментом, как правило, «елочкой». Опираясь на типы сосудов из погребений, стратиграфически предшествующих гробницам (к. 27 осн., к. 30 п. 2), и дату из погребения с миской, которое по прямой стратиграфии предшествует погребению с инвентарем, идентичным тому, что найден в гробницах (к. 15 п. 2), а это 3470–3370 гг. до н. э., с достаточно большой долей вероятности нижнюю дату погребений, непосредственно предшествующих гробницам, и самих гробниц, можно отнести к концу 35 – середине 34 в. до н. э.

К следующему, «постгробничному», горизонту относится погребение 1 в кургане 4, которое перекрывает погребение 5 с чернолощенной керамикой, орнаментированной «елочкой» и золотой булавкой, и по инвентарю явно соотносимо с горизонтом гробниц. Дат по погребению 1 нет, но его специфика в том, что там уже нет чернолощенной керамики, как в предыдущих горизонтах, а только реповидные сосуды и типичный для новосвободненской культуры инвентарь из бронзы – топор, кинжалы, кремневые наконечники стрел с асимметричным основанием. Там же найдены бронзовые «псалии». Вероятная датировка погребения 1 – вторая половина 34 – первая половина 33 в. до н. э. Еще два последних по стратиграфии комплекса, которые непосредственно перекрывают гробницу, – это погребения 1 и 2 из кургана 31. В них тоже нет чернолощенной керамики, а только по реповидному сосуду, причем один, полностью сохранившийся, имеет довольно вытянутые пропорции, что необычно для сосудов из более ранних комплексов. Дат тоже нет, но я полагаю, что эти комплексы как бы завершают стратиграфическую колонку Кладов и являются более поздними, чем погребение с псалиями. Их предполагаемая датировка – вторая половина 33 – первая половина 32 в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Корневский С. Н.*, 2008. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока: Сборник к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева / Отв. ред.: Мерперт Н.Я., Корневский С.Н. М.: ТАУС. С. 71-122.
- Корневский С. Н.*, 2019. О ранних и поздних датах майкопа-новосвободной, а также дискуссия вокруг них. // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Сб. научных статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 69–75.
- Резепкин А. Д.*, 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб. 342 с.

Рысин М. Б., 2012. Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа (радиокарбонная «революция» и традиционная типология // Археологические вести. СПб. Вып. 18. С. 204–231.

Трифонов В. А., Шишлина Н. И., Хоммель И., 2019. Новые данные о погребальных сооружениях майкопской культуры (могильник «Клады» Северо-Западный Кавказ). КСИА. Вып. 157. М. С. 35–47.

О. А. Брилева (ИА РАН, Москва)
helga_brileva@mail.ru,

М. Исерлис
(Евразийское отделение Немецкого археологического института, Берлин)
iserlism@gmail.com,

В. Р. Эрлих
(Государственный музей искусства народов Востока, Москва)
verlikh@bk.ru

УЛЯПСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПИСАНИЕ, ДАТИРОВКА, КОНТЕКСТ¹

В 2008 г. на территории аула Уляп в Красногвардейском районе Адыгеи исследован курган Уляп 1. Высота кургана на момент начала работ достигала 3,5 м, диаметр объекта – 40 м. В подкурганном пространстве было обнаружено поселение майкопской культуры.

В ходе раскопок были исследованы остатки майкопских построек, развалы керамики, скопления и мусорные ямы.

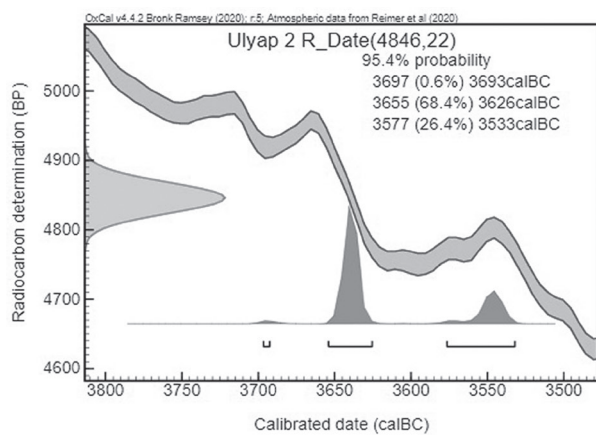
Постройка 1. На уровне, близком к уровню древней дневной поверхности, расчищена конструкция из дерева длиной 9 м при средней ширине 1,6–2 м. Самая высокая часть прослеженной конструкции представлена тленом камыша округлой формы диаметром 1,5–2 м. Она состояла из 2–4 деревянных плах и плетня, где читались перекрестно расположенные прутья. Конструкция плохо сохранилась и представляла тонкий плохо расчищающийся слой. Она расположена на глубине -2,90–3,6 м от R(0). На севере уровень конструкции резко понижается, на юге – понижение более плавное. В самой высокой его части под тленом белесого тлена (камышом) обнаружены остатки деревянных плах, расположенных по линии ССЗ – ЮЮВ, перпендикулярно основным.

При расчистке поверхности деревянной, плетневой и камышовой конструкции найдены единичные фрагменты обмазки, керамики, кремневые отщепы, фрагменты бронзы, фрагменты трубчатой кости и верхний моляр коровы старше двух лет. Кости животных, проанализированные в Центре археометрии Клаус Тшира (Гейдельбергский университет), отнесены к диапазону дат 3090–2924 cal BC (MAMS 34717). Полученная дата относится к использованию пространства в период, следовавший после обрушения конструкции.

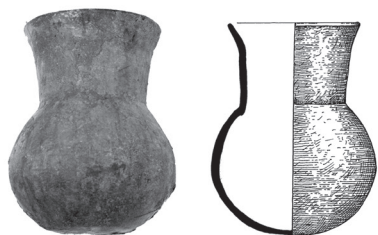
Под настилом обнаружено погребение собаки средних размеров с изношенными клыками. На 20 см ниже обнаружена глиняная обмазка пола постройки.

Прослеженный размер пола постройки по линии СЮ составил 7,5 м, по линии ЗВ – 11 м. Пол постройки расположен наклонно с учетом рельефа, понижаясь к югу. Наиболее высокая точка прослеженного деревянного перекрытия – 2,87 м от R0, а пол расположен на глубине -3,4–3,5 м с понижением к югу до -3,82 м от R0. Разница в перепада высот составляет 54 см. С восточной стороны глиняная обмазка пола продолжается за пределами

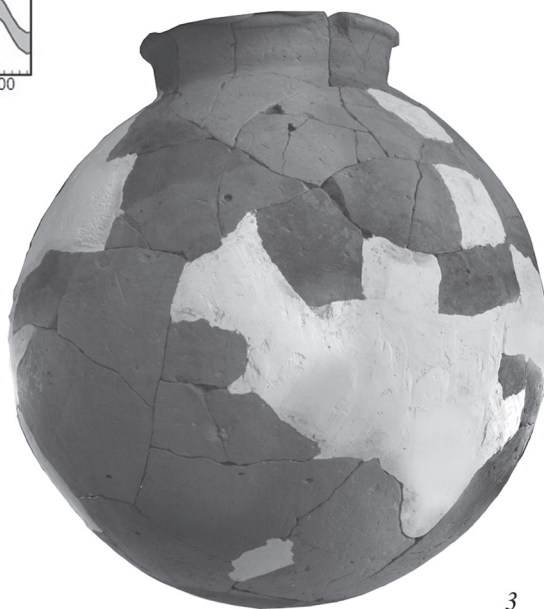
¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

1

2

3

4

0 10 см

Рис. 1. Керамика Уляпского поселения

1 – график калибровки по С14 из ямы 6 (создано при помощи программы OxCal 4.2); 2–3 – два сосуда из развала керамики под полом постройки 1; 4 – чан, найденный на открытой площадке к востоку от постройки 2

постройки, образуя пространство вытянутой формы, которое не было «запечатано» рухнувшим перекрытием. Основываясь на полевых наблюдениях и на аналогии с Серегинским поселением, расположенным в 8,5 км от Уляпского поселения, мы предполагаем, что примыкающая к структуре глиняная обмазка обозначает вход, располагавшийся в восточной части стены. На ближайшем известном поселении – Серегинском – вход в помещения прослежен с восточной стороны (Исерлис и др., 2020).

На поверхности пола не были обнаружены следы огня или пепла. Находки были сгруппированы в центральной части постройки напротив входа. В 2,5 м к западу от входа был найден длинный камень и альчик. Вокруг него пол имеет более светлый оттенок. К северу от камня концентрируются фрагменты керамики, несколько фрагментов турлука, камни с обработанными поверхностями, галька и кости животных (фр. трубчатых костей конечностей и метаподии коровы).

Над поверхностью пола, севернее предполагаемого входа прослежен завал с отпечатками турлучного плетения, однако следов глиняной обмазки стен не прослежено. Схожая ситуация зафиксирована и в СЗ части постройки, рядом с расположенным выше деревянным перекрытием. Турлучный завал представлен отпечатками перекрестного плетения тонких прутьев диаметром от 1 до 3 см, перемежающийся пятнами рыжего и белесого тлена.

Таким образом, постройка 1 прослежена в виде завала деревянной и плетеной конструкции. В верхней части крыши постройки использовали элементы из камыша. Перекрестное расположение деревянных плах под камышом, вероятно, свидетельствует о существовании перекрестно расположенных основных деревянных элементов постройки. Особого внимания заслуживает отсутствие глиняной обмазки турлучной конструкции при наличии отпечатков элементов плетения. Диаметр постройки, вероятно, составлял около 8 метров. В отличие от построек Серегинского поселения, не прослежено следов очагов или печей во внутреннем пространстве.

Под полом, на 20 см ниже (-3,62 м от R0), был обнаружен **развал керамики**, в составе которого обнаружено 2 целых формы: красноглиняного тонкостенного кубка и пифоса (рис. 1: 2, 3). Здесь же найдены куски обмазки, кости животных и кремневый отщеп. Найденные сосуды принадлежат псекупскому варианту майкопской культуры по классификации С. Н. Корневского (2004). Находки под полом постройки 1 свидетельствуют о существовании фазы майкопского поселения, предшествующей фазе постройки 1.

Постройка 2 расположена в 6 м на север от постройки 1. Здесь удалось зафиксировать турлучный завал размером 2 × 1,5 м (верхний уровень 3,15 м от R0), под которым была обнаружена глиняная обмазка пола постройки (-3,47 с понижением до -3,61 от R0). На поверхности тонкого слоя глины, равномерно распределенного на одном уровне, при расчистке фиксировались следы белесого тлена. Здесь найдены фрагменты керамики, бараний астрагал и зуб животного. На расстоянии 6 метров на восток от пола постройки 2 на одном с ней уровне -3,67 от R0 обнаружен развал керамики, в ходе реставрации собранный в археологически целую форму чана (рис. 1: 4).

Ямы. На поселении зафиксировано 8 ям, причем 6 из них зафиксированы в пространстве между постройками 1 и 2. Ямы 1–4 расположены компактной группой, впущены с глубины -2,0–2,2 от R0 и относятся к более поздней фазе, чем существование построек 1 и 2. Расположенные восточнее ямы 5 и 6, впущенные в материк, относятся к ранней фазе существования поселения, датируя постройки 1 и 2. Наполнение ямы 6 состояло из фрагментов керамики, обмазки, бронзы, отщепы и костей животных. Проанализированная кость крупного рогатого скота из ямы 6 отнесена к диапазону дат от середины 37 до середины 36 call BC (MAMS 34718) (рис. 1: 1).

Основываясь на полевых наблюдениях, анализах стратиграфии и керамического ансамбля, а также результатах радиоуглеродного анализа, мы пришли к следующим выводам:

1. Исследованное поселение включает несколько строительных фаз.
2. Ранняя фаза майкопского поселения относится к 37–36 вв. до н. э.
3. Керамический ансамбль Уляпского поселения демонстрирует схожесть с ансамблем из находящегося в 8,7 км юго-восточнее Серегинского поселения.
4. После обрушения постройки 1 пространство над постройкой было использовано в конце 31 – начале 30 в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Брилева О. А. Эрлих В. Р., 2011. Новое поселение майкопской культуры в Адыгее // АО за 2008 г. М. С. 264–266.
- Исерлис М., Брилева О. А., Днепровский К. А., 2020. Планиграфия и архитектура строений на Серегинском поселении // КСИА. Вып. 259. С. 132–147.
- Корневский С. Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. М.

М. Ю. Меньшиков (ИА РАН, Москва)
maxim-menshikov@yandex.ru

Б. Х. Атабиев (ООО «Институт археологии Кавказа», Нальчик)
biatabi@yandex.ru

И. А. Резниченко (ИИМК, Санкт-Петербург)
rezn_ivan@mail.ru

Ж. А. Юнкин (ИА РАН, Москва)
maxim-menshikov@yandex.ru

А. Х. Кашироков (ООО «Институт археологии Кавказа», Нальчик)
biatabi@yandex.ru

З. Л. Зашакуев (ООО «Институт археологии Кавказа», Нальчик)
biatabi@yandex.ru

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЫПИ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ КУРГАНА 1 КУРГАННОЙ ГРУППЫ КЫЗБУРУН II (ИСЛАМЕЙ). КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА, Г. БАКСАН

В 2020 г. на окраине г. Баксан экспедицией ИА РАН совместно с ООО «Археология Кавказа» был исследован курган 1 из группы курганов Кызбурун II (Исламей), (1-я курганная группа).

Курган 1 имел высоту около 7 м и диаметр до 54 м. В процессе исследования кургана выяснилось, что функционирование насыпи можно последовательно связать с майкопской, северокавказской и суворовской катакомбной культурами.

Курган имел чрезвычайно интересную и сложную архитектуру, формирование которой можно в целом разделить на четыре основных этапа:

1. На первом этапе над майкопским захоронением был сооружен курган, высотой до 2,5 м. При сооружении использовались земляные блоки, контуры которых читались в первичной насыпи. Верх кургана был перекрыт дерновым слоем, при этом куски дерна были аккуратно уложены дневной поверхностью вниз – при раскопках удалось проследить слой перегнившей растительности. Какое-то время курган простоял открытым, на его поверхности началось почвообразование (определение к. б. н. А. В. Борисова).

2. На втором этапе была сооружена основная насыпь кургана. Следует отметить наличие специализированных приемов, позволяющих предполагать, что архитектор второго этапа занимался сооружением курганов профессионально и не впервые. По периметру будущего кургана был насыпан невысокий валик (до 30 см) и первые внешние слои, формировавшие насыпь, отсыпались так, что верх слоя ложился на валик, а низ слоя был направлен

к центру кургана. Таким образом, внешний периметр насыпи имеет обратный наклон слоев относительно центральной части насыпи. Вторым интересным строительным приемом стало последовательное использование грунтов с различной характеристикой. Основной массив кургана представлял собой пакет слоев, где последовательно были уложены слой суглинистого материка, слой материка с большим содержанием извести и снова слой суглинка. Похоже, что после укладки эти слои на разных этапах проливались водой и утрамбовывались. Об этом говорит как плотность и равномерность укладки слоев, так и то, что крупные фракции во многих случаях смещены к основанию слоя. Такая методика формирования насыпи привела к тому, что слои фактически сцементировались и представляли очень плотную субстанцию на участках, где данная работа была выполнена качественно. Исключением оказался южный склон кургана, где на одном из участков склона грунт, составлявший тело кургана, от поверхности и до кургана, сооруженного на первом этапе, представлял собой слой относительно мягкого темно-серого суглинка. Именно через этот мягкий грунт прошел грабительский лаз к центральному погребению. К этому же этапу относится сооружение каменного чешуйчатого панциря из речных валунов. Камни укладывались не плоскостью на земляную поверхность насыпи, а ставились торчком к склону. Участки пустоты между валунами кладки плотно заполнялись более мелкими гальками таким образом, что камни вставали в распор, и разобрать такой панцирь оказывалось очень проблематично. На этом этапе строительства курган достиг высоты около семи метров и диаметра около 54 метров.

3. С третьим этапом можно связать несколько событий, оказавших влияние на внешний вид и архитектуру кургана. Практически сразу после сооружения второй высокой насыпи центральное погребение было ограблено. Лаз был сделан с уровня примерно середины южного склона и прошел через участок мягкого темно-серого суглинка. Такое расположение грабительского лаза, а также признаки того, что ограбление произошло через непродолжительный промежуток времени, позволяют предположить, что ограбление было заранее спланировано и совершено теми же людьми, которые сооружали курган. В процессе ограбления из лаза на южный склон было вынесено большое количество грунта и камней, которые перекрывали центральное погребение. Грабительский выброс законсервировал чешуйчатую кладку под собой и сделал южную полу кургана более пологой и вытянутой. Через небольшой промежуток времени на кургане было совершено два впускных погребения, относящихся к северокавказской культуре бронзового века. Оба эти погребения были впущены в заполнение обвалившегося грабительского лаза. В процессе совершения первого погребения северокавказской культуры часть камней панциря использовалась для создания воронкообразной конструкции над новым погребением в центре кургана и для формирования кольцевого кромлеха. В результате совершения второго погребения северокавказской культуры вершина кургана была дополнена куполом из вторично использованных валунов, а южная часть кромлеха была дооформлена, так как в результате земляных работ на южном склоне кургана при совершении погребения более ранний кромлех был частично засыпан. В результате описанных действий курган приобрел окончательную форму.

4. С четвертым периодом использования курганной насыпи можно связать группу катакомбных погребений, относящихся к суворовской катакомбной культуре.

Несмотря на то, что центральное и наиболее ранее погребение кургана было полностью разграблено, в процессе работ удалось получить чрезвычайно интересную информацию о сложной архитектуре кургана, сооруженного в эпоху майкопской археологической культуры. Грабительский выброс на южном склоне кургана законсервировал поверхность кургана и остановил почвенные процессы, что позволило изучить стратиграфию непосредственно от древней дневной поверхности и проследить наличие насыпного вала при формировании второй майкопской насыпи над центральным погребением.

Н. И. Шишлина (ГИИМ, Москва)
nshishlina@mail.ru

Н. В. Леонова (ГИИМ, Москва)
nvleonova@mail.ru

П. И. Калинин (ИФХиБПП РАН, Пуццино)
kalinin331@rambler.ru

Н. В. Рослякова (СГСПУ, Самара)
roslyakova_n@mail.ru

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЮГЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Введение. Пастухи ямной культуры успешно решали проблему оптимальной адаптации к достаточно суровой природной среде сухих и полупустынных пространств и рационально использовали местные ресурсы. Формой реализации такой стратегии стало круглогодичное содержание скота на подножном корму и сезонная ротация пастбищ (*Шишлина и др.*, 2018). Такая модель на многие тысячелетия обусловила стабильность природопользования степных кочевников (*Грингоф, Бабушкин*, 2010).

Благодаря полевым исследованиям в Сальско-Маньчских степях установлено, что культурные слои вблизи тылового шва и прилегающего полотна террас перекрываются делювиальным наносом (*Борисов и др.*, 2014). Маршрутные разведки в зоне бровок террас и прилегающих уступов позволили найти подъемный материал – фрагменты керамики, кости животных, обломки кремневых изделий. На месте скопления артефактов проведены шурфовочные работы и идентифицированы культурные слои. Последующий анализ материала с применением естественно-научных методов позволил получить дополнительные данные о кратковременных сезонных стоянках пастухов ямной культуры.

Геоморфологический и археологический контексты. Тестовый регион полевых работ находится на юго-востоке Ростовской области. Он включает балочные системы в бассейне р. Сал (балка Темрта) и р. Маныч (балка Чикалда). В балках Кумо-Маньчской впадины пойма подразделяется на два уровня с разницей высот 0,3–0,7 м, и балки имеют более глубокий эрозионный врез и большее количество террас. В системе р. Джурак-Сал и впадающих в нее балок выделяется пойма со слабо меандрирующим руслом.

В современных условиях практически все исследованные террасы в балках региона характеризуются погребенной почвой, перекрытой делювиальным наносом. Возраст этой почвы в зависимости от приуроченности к двум голоценовым террасам от 5 тыс. л. н. до 2 тыс. л. н. (*Идрисов, Шишлина*, 2022).

Стоянки Темрта-1 и Чикалда-7 расположены на склоне террас. Было заложено два шурфа площадью 2 × 2 м. В обоих шурфах керамика и кости сосредоточены не в почвенном слое, а в переходном к почвообразующей породе горизонте, предположительно, все находки откладывались в слое делювиального наноса, залегающего непосредственно на слое почвообразующей породы.

Результаты исследований. На стоянках керамика, за редким исключением, не орнаментирована. Однако несколько фрагментов украшены орнаментом, соотносимым с композициями ямной культуры на сосудах из курганов.

В шурфе на стоянке Темрта-1 было найдено более ста мелких костей животных очень плохой сохранности, включающих кости лошади, лошади или кулана, мелкого и крупного

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РНФ №21-18-00026.

рогатого скота, крупных и средних копытных и неопределимые фрагменты костей млекопитающих. На стоянке Чикалда-7 было обнаружено более 30 костей плохой сохранности, в основном кости крупных и средних копытных, а также лошади или кулана, тура и овцы. Сезон забоя кулана или лошади 10–11 лет из Темрты-1 из 9 пласта – весна.

Радиоуглеродное датирование образцов костей животных из нижних слоев стоянок позволило определить временной интервал их обитания – 2930–2902 гг. до н. э. (68 %) или 3011–2898 гг. до н. э. (96 %).

Изучение почв и культурных слоев археологических памятников может позволить реконструировать особенности хозяйственной деятельности человека в древности за счет раскрытия информационного потенциала ферментативной памяти почв о поступлении органических материалов, которые полностью разлагаются в почве и недоступны для изучения. Наиболее распространенными компонентами органических материалов, связанных с хозяйственной деятельностью человека, являются сероорганические и фосфорорганические соединения, крахмал. В разложении вышеупомянутых соединений участвуют ферменты арилсульфатаза, фосфатаза и амилаза соответственно.

Кроме этого, на протяжении длительного времени в культурный слой попадают нехарактерные для естественной почвы примеси: волосы, ногти, керамика, зола, кожа, ткань, шерсть, кости, навоз, солома, уголь, пища. Попадание этих объектов в почву приводит к увеличению потери массы при прокаливании и уменьшению доли твердой фазы.

На стоянке Темрта-1 проведены почвенные исследования. Разрез глубиной 210 см состоял из нескольких слоев делювия, погребенной почвы и коренных отложений лессовидных суглинков. В почвах определено содержание химических элементов; гранулометрический состав; водный pH; подвижные соединения фосфора и калия.

Результаты определения потери при прокаливании (ППП) показывают достаточно низкие значения, не превышая 10 %. Это свидетельствует о небольшой интенсивности хозяйственной деятельности человека на том месте, где был заложен шурф. Погребенная почва маркируется небольшим пиком подвижного P_2O_5 на глубине 80–90 см. На этих же глубинах растет величина ППП и содержание илистой фракции. Однако влияние деятельности человека, по-видимому, было минимальным.

Выявлен пик возрастания практически всех показателей ферментативной активности на глубине 60–110 см и в верхних слоях разреза. Высокая ферментативная активность в погребенной почве (60–110 см) по некоторым показателям выше, чем в современной. Вероятно, этот слой приурочен ко времени наиболее интенсивной хозяйственной деятельности человека. Фосфатаза представляет собой маркер содержания пищевых отходов, липаза – маркер жиросодержащих субстратов и остатков пищи. Поэтому можно сделать вывод о хозяйственной активности человека в этот период. Эти данные подтверждаются повышенным содержанием ППП, P_2O_5 в слое 60–110 см. Но в целом, результаты анализов говорят об умеренной активности и хозяйственной деятельности человека на данном участке во время существования погребенной почвы.

Заключение. Полученные результаты позволяют высказать предположение, что группы ямных пастухов останавливались на кратковременных стоянках Чикалда-7 и Темрта-1 в теплое время года.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисов А. В., Шишлина Н. И., Клещенко А. А., Идрисов И. А., 2014. Сезонные стоянки эпохи бронзы в пустынных степях северо-западного Прикаспия: проблема поиска и интерпретации материала // Борисов А. В. (ред.). Материалы всероссийской научной конференции по археологическому почвоведению, посвященной памяти проф. В. А. Демкина. Пушкино: ООО «Фотон-век». С. 86–90.
- Грингоф И. Г., Бабушкин О. Л., 2010. Климат, погода и пастбищное скотоводство. Обнинск: ГУ «ВНИИГМИ-МЦД». 352 с.
- Идрисов И. А., Шишлина Н. И., 2022. Использование голоценовых отложений юго-востока Ростовской области для установления древней антропогенной деятельности человека в степных регионах // Аридные экосистемы. Вып. 28. № 3. С. 107–116.

Шишлина Н. И., Азаров Е. С., Дятлова Т. Д., Росляков Н. В. и др., 2018. Инновационные сезонные миграции и система жизнеобеспечения подвижных скотоводов в пустынно-степной зоне Евразии: роль социального фактора // Поздняя Преистория Евразии: социальные модели и культовая практика // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. № 2. С. 69–90.

А. А. Клещенко (ИА РАН, Москва)
sansanych@bk.ru

ПАМЯТНИКИ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДКАВКАЗЬЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

Предкавказье является одним районов общего ареала памятников ямной культуры (далее – ЯК), на что в свое время указал Н. Я. Мерперт, выделив здесь предкавказский вариант ЯК, опираясь на немногочисленную серию известных на то время погребальных комплексов.

Памятники ЯК, по имеющимся в настоящее время данным, появляются в эпоху ранней бронзы (не позже середины IV тыс. до н. э.) на территории степной части Предкавказья, где сосуществуют с традициями т. н. «степного майкопа». К этой ранней хронологической группе с той или иной степенью уверенности сейчас можно отнести порядка 150 погребений. Критериями для их выделения в раннюю группу служат находки датирующих типов керамики (в основном – круглодонной), булавок-рогатов, золотых височных колец, а также данные курганной стратиграфии и немногочисленные радиоуглеродные определения.

Ранняя группа памятников ЯК Предкавказья датируется второй половиной IV тыс. до н. э. и, за исключением территории левобережья Нижнего Дона и северной части Прикубанской низменности, имеет следующую обрядовую специфику: 90 % погребений совершены в скорченной на спине позе с ориентировкой в восточный сектор. Таким образом, именно эта обрядность является основным маркером, отличающим погребения ЯК, равно как и влияние ее традиций, от других культурных феноменов раннего и среднего этапов эпохи бронзы на территории Предкавказья.

Общий ареал предкавказских комплексов с чертами ямной традиции (скорченным на спине положением погребенных) можно разделить на восемь основных локальных групп, занимающих на севере левобережье Нижнего Дона, Прикубанскую низменность, северную и центральную часть Ставропольской возвышенности (рис. 1: I–IV), а на юге – Таманский полуостров, Закубанье, район Кавминвод и прилегающую к нему часть Ставропольской возвышенности и Терский бассейн (рис. 1: V–VIII).

Общая серия предкавказских комплексов со скорченным на спине положением погребенных (включая обозначенную выше раннюю группу) в настоящее время насчитывает не менее 1100 погребений. Основная их концентрация приходится на вышеобозначенные степные районы Предкавказья (рис. 1: I–IV – около 80 %). Южнее погребений ямной традиции гораздо меньше, в частности, комплексы IV тыс. до н. э. здесь практически неизвестны.

Проблемы хронологической атрибуции ямных памятников Предкавказья связаны со следующими факторами. Во-первых, это консервативность погребального обряда, не позволяющая дифференцировать большую часть безынвентарных комплексов без стратиграфических связей с достоверно датируемыми погребениями или радиоуглеродных определений: в обозначенных локальных группах памятников доля таких погребений – от 14 до 59 % (рис. 1: I) и в среднем составляет 38 %. Во-вторых, это сосуществование в первой половине III тыс. до н. э. носителей позднеямных традиций с населением, оставившим памятники новотиторовской, северокавказской и раннекатакомбной культур, отразившееся в синкретическом

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

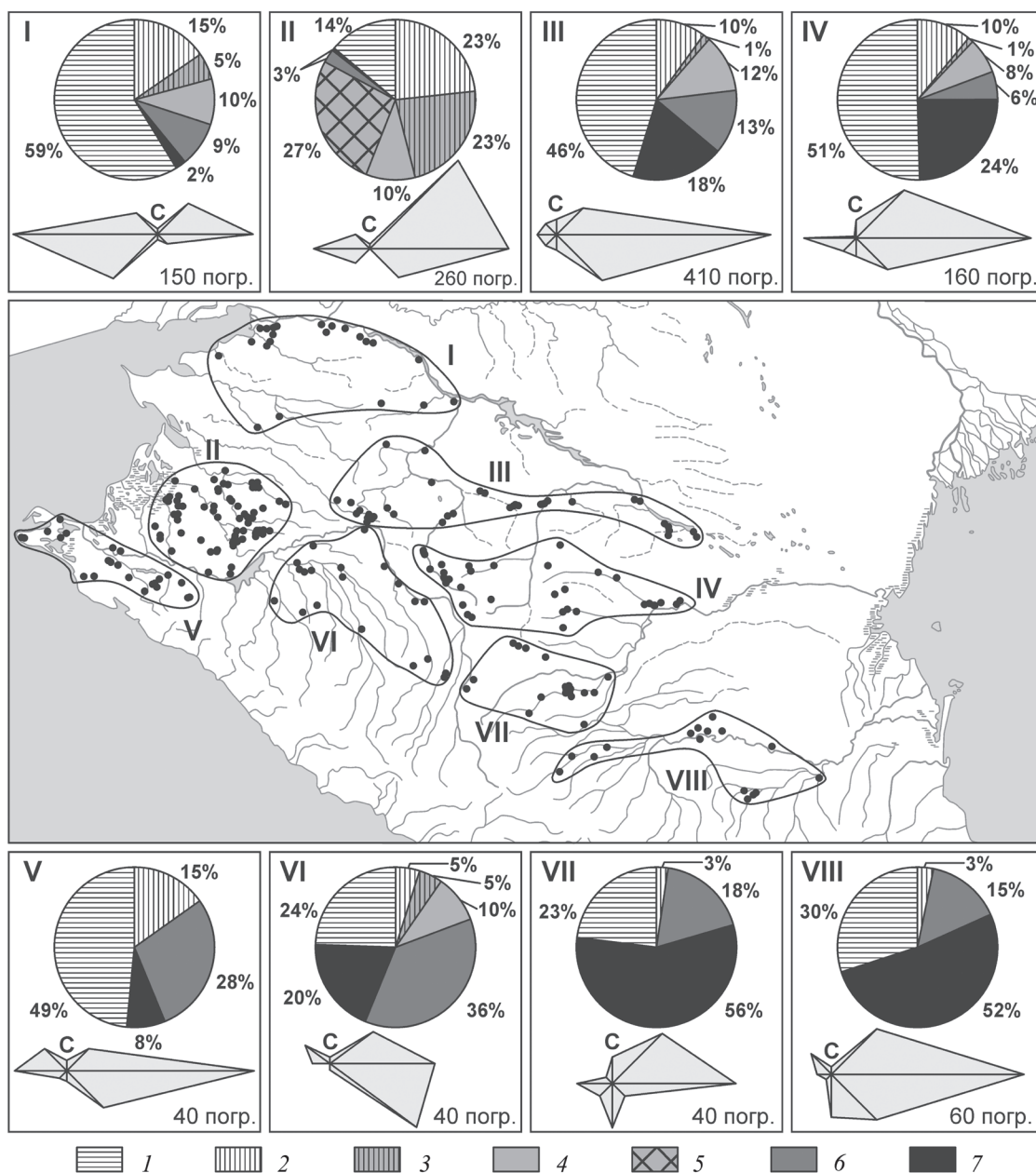

Рис. 1. Ареал памятников с традициями ямной культуры Предкавказья

I – Левобережье Нижнего Дона и север Прикубанской низменности; II – западная и центральная части Прикубанской низменности; III – север Ставропольской возвышенности; IV – центр Ставропольской возвышенности; V – Таманский полуостров и Западное Закубанье; VI – Восточное Закубанье; VII – Кавминводы и юг Ставропольской возвышенности; VIII – Терский бассейн

Хронологическая атрибуция: 1 – без определения; 2 – вторая пол. IV тыс. до н. э.; 3 – вторая пол. IV – первая четв. III тыс. до н. э.; 4 – первая четв. III тыс. до н. э.; 5 – погребения новотиторовской культуры первой четв. III тыс. до н. э.; 6 – первая пол. III тыс. до н. э.; 7 – вторая четв. III тыс. до н. э.

характере большого массива погребальных памятников, что существенно затрудняет соотнесение отдельных комплексов с теми или иными культурными феноменами.

Анализ обрядовой специфики и определения хронологической позиции отдельных комплексов в рамках обозначенных локальных групп памятников позволяет сделать следующие выводы.

Группа ямных погребений Донского левобережья и севера Прикубанской низменности (рис. 1: I) обладает существенным своеобразием: скорченные на спине погребения здесь

составляют не более половины от общей серии погребений конца IV – первой половины III тыс. до н. э., традиционно связываемых с ЯК. Этот обряд здесь сосуществует с традициями скорченных на правом и отчасти левом боку погребений. Для всех этих традиций в данном регионе более характерна западная ориентировка погребенных, хотя восточное направление также составляет существенную долю. Еще одной чертой этой группы скорченных на спине погребений является относительно малое число комплексов, которые можно было бы достоверно отнести к раннему этапу эпохи средней бронзы (первой половине III тыс. до н. э.) (рис. 1: I–3, 4, 6, 7) – и особенно ко второй четверти тысячелетия.

Скорченные на спине погребения западной и центральной части Прикубанья обладают не меньшим своеобразием. Во-первых, здесь выделяется наиболее представительная группа погребений раннего этапа ЯК второй половины IV тыс. до н. э. (рис. 1: II–1). Во-вторых, согласно концепции А. Н. Гея, подавляющее большинство скорченных на спине погребений с западной ориентировкой в Прикубанье относятся к новотиторовской культуре первой четверти III тыс. до н. э. (рис. 1: II–5), сосуществуя при этом с собственно ямной традицией (рис. 1: II–4). Наконец, как и в предыдущей группе ямных памятников, здесь практически не выделяется горизонт достоверных поздних комплексов второй четверти III тыс. до н. э., что существенно отличает эти два района от других локальных групп.

Группы памятников степной части Ставропольской возвышенности – наиболее представительные (здесь обнаружено более половины комплексов рассматриваемой традиции), несмотря на большую долю хронологически недифференцируемых погребений (рис. 1: III–1; IV–1), позволяют проследить преемственность в развитии традиций ЯК от эпохи ранней бронзы (рис. 1: III–2, 3; IV–2, 3) до раннего и развитого этапов эпохи средней бронзы (рис. 1: III–4, 6, 7; IV–4, 6, 7). Причем, в отличие от других обозначенных локальных групп скорченных на спине погребений, именно в отношении этих территорий можно говорить о ЯК как об абсолютно самостоятельном феномене.

Наконец, в группах скорченных на спине погребений южной части Предкавказья практически не фиксируется наличие раннеямных памятников (кроме небольшой серии погребений Таманского полуострова и Западного Закубанья – рис. 1: V–2), в то время как интеграция этого обряда в систему подкурганых кладбищ северокавказской культуры раннего (первая четверть III тыс. до н. э.) и особенно развитого и позднего этапов ее существования (вторая четверть III тыс. до н. э.) (рис. 1: V–6, 7; VI–4, 6, 7; VII–6, 7; VIII–6, 7) вполне очевидна и подтверждается многочисленными планиграфическими и стратиграфическими наблюдениями.

Н. П. Салугина (СГИК, Самара)
nsalug@gmail.com

Н. Л. Моргунова (ОГПУ, Оренбург)
nina-morgunova@yandex.ru

ГЕНЕЗИС ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОЛГО-УРАЛЬЕ В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ГОНЧАРСТВА

Керамика как источник играет ведущую роль для реконструкций культурно-генетических процессов в древних обществах.

Анализ глиняной посуды ямной культуры сопровождал все исследования по ямной культуре, начиная с фундаментальных трудов Н. Я. Мерперта (*Мерперт, 1974; Васильев и др., 2000; Моргунова, 2014*). Однако многие вопросы остаются дискуссионными, в частности, проблемы преемственности репинских традиций от энеолитических культур или полтавкинского гончарства от ямного.

В этом плане привлечение методики А. А. Бобринского (1978) к изучению ямной керамики дает плодотворные результаты (*Салугина, 2011; Турганинское поселение..., 2017*).

В задачу данного доклада входит представление результатов всестороннего исследования гончарства ямной культуры на территории Волго-Уралья. Проведен технологический анализ всей, доступной для изучения, керамики ямной культуры региона на всем протяжении ее развития.

Репинский этап характеризуется отбором в качестве исходного пластичного сырья (ИПС) преимущественно илистых глин, илов (только для посуды из погребений) и началом освоения железистых природных глин. Формовочные массы (ФМ) представлены либо ИПС без искусственных добавок, либо с добавлением к ним специально нагретой раковины и органического раствора; постепенным ростом примеси шамота и распространением смешанных рецептов. Конструирование посуды делалось на основе донно-емкостной и емкостно-донной программ с помощью лоскутов, применением форм-моделей, заглаживание поверхностей сосудов производилось в основном крупным гребенчатым штампом. Обсуждая вопрос о преемственности традиций энеолитического и репинского населения, отметим, что они демонстрируют много общего как в представлениях об ИПС, так и в конструировании сосудов. В то же время в репинском гончарстве зафиксировано распространение способа изготовления сосудов в соответствии с емкостно-донной программой, которая, по мнению А. А. Бобринского, была распространена в гончарстве куро-аракской и майкопской культур (*Бобринский, 1978. С. 115–116*), что указывает на контакты с населением Кавказа.

На классическом этапе ямной культуры сохраняется отбор тех же видов ИПС при повышении использования природных железистых глин и нежелезистых глин. Состав ФМ продолжает традиции предыдущего этапа, но ведущим становится рецепт с добавлением шамота и органического раствора. В конструировании посуды сохраняются обе указанные выше программы с применением форм-моделей и начинает применяться скульптурная лепка на плоскости. Наряду с лоскутами, для изготовления полого тела начинают применяться жгуты и ленты. Крупный гребенчатый штамп редко используется для заглаживания поверхностей посуды. Появление новых технологических приемов свидетельствует об усложнении состава населения, усилении контактов и проникновении инोकультурных традиций.

На завершающем, полтавкинском, этапе развития культуры гончарные традиции населения во многом сохраняются: навыки отбора илов и илистых глин при преобладании природных железистых глин; увеличивается доля рецепта – нагретая раковина + органический раствор, «шамотная» традиция представлена меньше; широко распространено изготовление сосудов в соответствии с донно-емкостной программой скульптурной лепкой на плоскости без форм-моделей. В то же время сохраняются традиции, сложившиеся на репинском этапе культуры: отбор илов и илистых глин, конструирование с применением емкостно-донной программы.

Таким образом, гончарство ямного населения Волго-Уралья предстает как эволюционный процесс на всем протяжении развития культуры. Конечно, это не простой однонаправленный процесс, на разных этапах развития культуры он наполнялся новыми традициями, а некоторые прежние затухали.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А. А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Турецкий М. А.*, 2000. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Самарский научный центр РАН. С. 6–64.
- Мерперт Н. Я.*, 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука. 151 с.
- Моргунова Н. Л.*, 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет. 348 с.
- Салугина Н. П.*, 2011. Результаты изучения технологии изготовления керамики ямной культуры Волго-Уралья как источник по истории населения // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (46). С. 82–94.

Турганикское поселение в Оренбургской области. 2017 / Авт.: Н. Л. Моргунова, И. Н. Васильева, М. А. Кулькова, Н. П. Салугина и др. Оренбург: Оренбургский государственный аграрный университет. 300 с.

А. А. Файзуллин (ОГПУ, Оренбург)
faizullin.airat@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ЯМНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Погребения детей и подростков обнаружены в 69 погребениях, что составляет около 17 % от всех исследованных памятников. Из них 43 являются самостоятельными одиночными захоронениями (15 погребений – основные и центральные в курганах), 4 парных детских, 8 захоронений детей и женщин, 9 детей и мужчин, 5 погребений со взрослыми (пол не определен). Дети покоились в курганах небольшого размера (со рвами и без них) в небольших и неглубоких ямах. Инвентарь был найден в 35 погребениях. Чаще всего встречается керамика, но присутствовали также медные и каменные орудия и украшения из меди.

Особый интерес вызывают парные погребения детей и подростков. В КМ Увак 5/6 в погребении обнаружен костяк подростка, а у юго-западной стенки могилы лежали частично истлевшие кости младенца и керамический сосуд. В КМ Тамар-Уткуль VIII 5/1 на посыпке из охры лежало два детских костяка (дети 10 и 5 лет). В погребении обнаружены: скопления речных галек, орудия и украшения из меди и сосуд (*Моргунова, Кравцов, 1994. С. 28*). Междисциплинарные исследования детских подкурганых захоронений в стратифицированном 1 кургане КМ Болдырево 4 позволили выявить, что дети (девочки) были удостоены погребения под курганами со рвами, несмотря на серьезные заболевания и независимо от гендера (*Моргунова и др., 2022. С. 58*).

На территории Волго-Уралья найдено 9 погребений подростков. Насыпи курганов небольшие, как и в погребениях детей. Особый интерес представляет инвентарь в КМ Першин 1/4, где находился скелет подростка мужского пола с литевой формой для втульчатого топора. Анализы двигательной активности подростка выявили деформации, свидетельствующие о том, что он был связан металлургическим производством (*Черных и др., 2000. С. 65*).

Интересен обряд погребений детей/подростков и взрослых индивидов. Парных погребений мужчин и детей – 9, женщин и детей – 8, детей и взрослых (пол не определен) – 5, коллективных (мужчина, женщина, ребенок) – 2. Обнаружены два полярных подхода к месту ребенка/подростка в парных погребениях с взрослыми индивидами. Первый – это положение ребенка/подростка в ногах или за спиной у взрослого индивида. Второй – это положение ребенка лицом к взрослому индивиду или в положении «рядом» / «на руках».

Положение ребенка в ногах или за спиной отмечено в КМ Пятилетка К3, К5, КМ Преполовенка 2/1, КМ Малокизильский 1/2, КМ Утевский I 2/1, Шумаево II 6/6 (*Моргунова и др., 2003. С. 30*). Такой обряд, видимо, свидетельствует о том, что дети в погребальном ритуале выступали в роли жертвоприношения для взрослых индивидов.

Положение ребенка лицом к взрослому индивиду обнаружено в одиночном Шумаевском кургане, в двух погребениях КМ Паницкое 6Б/6 и 6Б/7 были найдены погребения мужчины и ребенка, женщины и ребенка (*Мимоход, 2009. С. 48*), в КМ Калиновский 8/28 и 10/9, в КМ Николаевка III 2/1, 3/1/2, в Полудни II 2/17.

Таким образом, небольшое количество погребений детей в курганах не отражает реальной демографической картины в раннем бронзовом веке (*Громов, Хохлов, 2018. С. 85*). Вероятно, что обряд погребения детей и подростков под курганами был избирательным

и предназначался для детей с наследственным социальным статусом. Инвентарь в детских захоронениях встречается чаще, чем у взрослых, что позволяет считать эти погребения социально значимыми. Погребения подростков с производственным инвентарем связано с их участием в производственной деятельности, а возможно, и с наследованием специальности родителей. Исходя из этого, можно сделать вывод, что дети могли наследовать социальный статус и социальные функции своих родителей, а также могли участвовать в ритуальной практике общины в качестве жертвы при захоронении взрослых индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

- Громов А. В., Хохлов А. А.*, 2018. Половозрастная структура погребенных в могильниках ямной культуры раннебронзового века Поволжья и Приуралья // *Кунсткамера*. № 1. СПб.: МАЭ РАН. С. 78–86.
- Мимоход Р. А.*, 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус. 292 с.
- Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю.*, 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке, Екатеринбург: УИФ «Наука». 153 с.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Халяпин М. В., Хохлова О. С.*, 2003. Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ. 392с.
- Моргунова Н. Л., Файзуллин А. А., Четкина О. Ю., Медникова М. Б.*, 2022. Биоархеология детства в ямной культуре по материалам кургана 1 могильника Болдырево-4 в Южном Приуралье // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Т. 50. № 2. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии. С. 49–59.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Лебедева Е. Ю., Луньков В. Ю.*, 2000. Исследование курганного могильника у села Першин // *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. 4. Оренбург: ОГПУ. С. 63–84.

А. П. Григорьев (СГСПУ, Самара)
grap9@bk.ru

ДИНАМИКА ИЗМЕНЧИВОСТИ ПОСТКРАНИАЛЬНОГО СКЕЛЕТА НАСЕЛЕНИЯ ЭНЕОЛИТА – РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПЕЙ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

В качестве источника исследования в целях выявления эпохальных особенностей строения трубчатых костей людей эпох энеолита и раннего бронзового века степного пояса Волго-Уралья выступают выборки посткраниальных скелетов из погребений Хвалыньских могильников (*Мкртчян*, 1987; *Хохлов*, 2010; *Королев и др.*, 2018), костяков из отдельных погребений самарской и хвалынской культур. Также обсуждается выборка скелетов из энеолитических комплексов могильника Максимовка I. Данным материалам противопоставлена серия ямной культуры Волго-Уралья (*Григорьев*, 2020) эпохи раннего бронзового века (далее – РБВ). Измерения были проанализированы подходами описательной и продвинутой статистики. Применены как корреляционные методы, так и попарные непараметрические критерии.

На основе категорий оценки продольных величин скелета в мировых масштабах (*Лежемский*, 2011) обе суммарных серии энеолита и РБВ характеризуются большими размерами. Высокие значения длин костей конечностей в целом характерны для известных к настоящему времени скелетов каменного и бронзового веков. Однако между рассматриваемыми выборками имеются конкретные различия в плане морфологии строения элементов скелета.

По большинству из рассматриваемых признаков продольного и поперечного развития костей зафиксированы статистически значимые различия (U-критерий Манна-Уитни) между энеолитической и ямной группами. Этот результат был подтвержден в ходе анализа остеометрических признаков методом главных компонент. В частности, фиксируется более выраженное развитие тотальных размеров костей конечностей скелетов РБВ. Дополнительно проведенное сопоставление группы РБВ с измерениями неолитической серии скелетов днепро-днепровского региона (Гохман, 1966) выявило значительно меньшую степень различий между ними. В связи с этим встает вопрос: какой характер имеет резкое морфологическое различие между двумя хронологическими группами населения одной территории?

В решении намеченной задачи в данный момент может способствовать ряд независимо полученных блоков информации (палеогенетика и палеопротеомика). Соответственно, на стыке дисциплин можно сформировать два гипотетических пути объяснения изменчивости:

1. Наследование физического облика населением ямной культуры от конкретного предкового компонента.

2. Ее морфофункциональный (адаптивный) характер.

Первая гипотеза предполагает формирование антропологических особенностей населения ямной культуры на основе некоего пришлого компонента, по-видимому, связанного с энеолитическими популяциями Доно-Днепровского региона. Однако окончательно данный вопрос остается нерешенным, поскольку отсутствуют представительные антропологические выборки среднестоговской культуры. В то же время однозначно исключать возможность участия хвалынского населения в формировании популяции ямной культуры не стоит. Против гипотезы о морфогенезе ямных групп на днепро-днепровской основе свидетельствуют генетические данные (Mathieson *et al.*, 2015; Anthony *et al.*, 2022). Различия в развитии комплекса массивности посткраниального скелета «хвалынцев» и «ямников» также могут быть связаны с разным типом питания. Было доказано, что в Волго-Уральских степях первыми потребителями кисломолочных продуктов были именно представители ямной культуры (Wilkin *et al.*, 2020). Появление дополнительного белкового компонента в диете населения РБВ вполне могло способствовать увеличению объема скелета.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев А. П., 2020. Особенности скелетной конституции населения раннего бронзового века Волго-Уралья // Самарский научный вестник. № 4 (9). С. 224–231.
- Гохман И. И., 1966. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука. 197 с.
- Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А., Хохлов А. А., 2018. Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатерининский Мыс на Средней Волге // Европа на пороге IV тысячелетия: время трансформаций. Stratum plus. № 2. Археология и культурная антропология. С. 285–302.
- Мкртчян Р. А., 1987. Палеоантропология неолитического и энеолитического населения юга Европейской части СССР (по материалам могильников «Госпитальный холм и Хвалынский»): дисс. ... канд. ист. наук. 171 с.
- Пежемский Д. В., 2011. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: дисс. ... канд. биол. наук. 326 с.
- Хохлов А. А., 2010. Население хвалынской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалыnsk I, Хвалыnsk II, Хлопков Бугор // Хвалыnsкие энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура / Под. ред. С. А. Агапова. Самара: Офорт-Пресс. С. 407–517.
- Anthony D. W., Khokhlov A. A., Agapov S. A., Agapov D. S., Schulting R., Olalde I., 2022. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // Praehistorische Zeitschrift. Vol. 97. No. 1. P. 22–67. <https://doi.org/10.1515/pz-2022-2034>
- Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N. *et al.*, 2015. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // Nature. Vol. 528. P. 499–503. <https://doi.org/10.1038/nature16152>
- Wilkin S., Ventresca Miller A., Fernandes R. *et al.*, 2021. Dairying enabled Early Bronze Age Yamnaya steppe expansions // Nature. Vol. 598. P. 629–633. <https://doi.org/10.1038/s41586-021-03798-4>

БОЛЬШОЙ ЛИПЯГ – УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ РЕПИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕРХНЕМ ПОДОНЬЕ

Поселение расположено южнее г. Липецка, у с. Крутогорье на правом в виде мыса коренном берегу р. Воронеж (левый приток р. Дон). Площадка памятника имеет пологий уклон в сторону реки, возвышаясь над ней на высоту 12–18 м. Памятник открыт и раскапывался в 1966–1967 гг. на площади более 100 кв. м В. П. Левенком. В 1993 г. Н. А. Тропиным на памятнике был заложен разведочный раскоп площадью 16 кв. м, а в 1997 г. совместной экспедицией Елецкого пединститута (Н. А. Тропин) и ЛОКМ (И. А. Козмирчук) исследован на площади 648 кв. м (Тропин, 1998).

В конце 1960-х гг. В. П. Левенок относил комплексы памятника (включавшие одновременно кости домашних животных, льячку, отходы микролитической кремневой индустрии) к среднестоговским энеолитическим, а как аналоги приводил стоянки у хут. Репин на нижнем Дону и у с. Михайловка на нижнем Днепре (Левенок, 1968. С. 34). Однако при более масштабных исследованиях И. А. Козмирчуком и Н. А. Тропиным среди материалов поселения обнаружены неолитическая керамика позднего облика (ямочно-накольчатая, гребенчато-накольчатая), энеолитическая репинская, керамика эпохи бронзы воронежской культуры, материалы древнерусского времени (XII–XIII вв.), изделия из камня, остеология, индивидуальные находки. Из строительных сооружений изучены комплекс напольных оборонительных сооружений и четыре постройки эпохи бронзы (Тропин, 1998).

В итоге площадь памятника была исследована тремя раскопами: раскоп-1 В. П. Левенка, раскоп-2 (156 кв. м) в северной части памятника и раскоп-3 (492 кв. м) в ЮЗ части, исследованные в 1997 г.

Мощность культурного слоя в раскопе-2 составила в среднем 0,2–0,3 м. Под слоем дерна располагался слой гумусированной супеси, лежащей на материковой глине. Поверхность раскопа-3 имеет уклон в западном направлении – в сторону балки и в южном – в сторону реки. Общий перепад высот составляет до 4 м. Стратиграфия в раскопе-3 аналогична раскопу-2 при увеличении мощности культурного слоя до 0,5 м. В пределах раскопа сохранилась только небольшая пологая площадка размером 20 × 6 м, вытянутая длинной осью вдоль оврага, остальная площадь раскопа приходится на склон.

Репинская керамика в раскопах 2–3 стратиграфически не вычленяется и равномерно распределена по всей вскрытой площади, не образуя скоплений. Энеолитическая керамика из культурного слоя раскопа-3 выявлена в количестве 1767 фрагментов (97 венчиков от 72 сосудов), в раскопе 2 – 49 фрагментов от 8–9 сосудов.

К настоящему моменту в имеющейся в свободном доступе в фондах ЛОКМ репинской коллекции сохранились фрагменты от 44 сосудов (для анализа отбирались венчики, сохранившиеся в полный профиль, где прослеживается место перехода к тулову). Именно они учтены в статистической выборке к данной публикации.

Керамика толстостенная (10–12 мм), с примесью измельченной раковины и органики, щелоченных на поверхности, единично фиксируется шамот, охристая крошка, песок. Расчесы присутствуют на 20 сосудах. Диаметр венчиков от 18 до 38 см. Большинство сосудов (38) с венчиками выше 3 см. Среди них доминируют резкоотогнутые (36), 23 желобчатых и нежелобчатых 13; слабоотогнутых 2, по типу без ребра, нежелобчатые (т. н. «ямно-репинские»). Из образцов с «короткими» венчиками (до 3 см) все 6 сосудов резкоотогнутых (4 с ребром, 2 без ребра, но с S-видным профилем), 3 желобчатых и 3 нежелобчатых. 20 сосудов были украшены ямочным (7) или жемчужным (13) пояском. В зоне перехода от венчика к тулову было дополнительное оформление ямчатым (не оставляющим негативов – «жемчужин»

на внутренней поверхности) пояском 8 сосудов, еще 12 было обозначено прочерченной линией или пояском от оттиска веревочки.

Варианты оформления среза венчиков: срез наружу 15 ед., срез внутрь один, симметрично срезан в обе стороны 18 ед., округлый 5 ед. и плоский 4 ед. В одном случае сочетается небольшой срез внутрь и дальнейшее плоское оформление.

Всего 3 сосуда были без орнамента (ЯЖП не учитывались). Гребенчатый 6 ед., веревочный (включая «личинки») 2, накольчатый 2, прочерченный 1, в остальных случаях сочетание элементов орнамента (гребенчато-ямчатый, ямчато-веревочный, веревочно-прочерченный, гребенчато-прочерченный и т. д.). Орнаментальные мотивы горизонтальные, встречен прием шагающей гребенки, зигзага, елочки, волны.

В раскопе-3 выявлена система напольных оборонительных сооружений, возникших во время обитания здесь населения репинской культуры, которым был обустроен укрепленный поселок. С напольной стороны укрепления состояли из 4 траншей, разделенных проходами. В одной из траншей напольного рва внутри находились столбовые конструкции. Южнее траншей выделена канавка, наиболее вероятно от частокола или другой столбовой конструкции. Со стороны балки укрепления состояли из эскарпа в виде двух рвов на склоне и столбовых угловых конструкций. Со стороны реки памятник укреплен 20-метровой линией из вертикально поставленных массивных столбов. Со стороны стрелки мыса, между береговой столбовой линией и эскарпом, в древности были установлены укрепления в виде двойного плетня, от которого сохранилась дуга столбовых ямок (*Тропин*, 1998. С. 50).

Отношение населения репинской культуры к оборонительным сооружениям надежно документируется стратиграфической позицией постройки 1 воронежской культуры, которая перекрывала одну из траншей, а также характером заполнения и наличием находок в котлованах сооружений энеолитического времени. Отмечается комплексность укреплений на разных участках памятника и тот факт, что энеолитические материалы концентрировались на склонах в пределах оборонительных сооружений.

В настоящее время стоит две основных задачи при дальнейшей работе с репинскими материалами памятника. Во-первых, установление хронологии бытования оборонительных сооружений и, во-вторых, решение вопроса, для защиты от кого репинское население возвело эти укрепления.

ЛИТЕРАТУРА

- Левенок В. П.*, 1968. Исследования в зоне Липецкого моря // АО 1967 года. М., 1968. С. 32–34.
Тропин Н. А., 1998. Отчет о проведении раскопок на поселении «Большой Липяг» у с. Крутогорье Липецкого района Липецкой области в 1997 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 20852.

В. И. Мельник (ИА РАН, Москва)
melvaler@yandex.ru

ЯМНО-КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Из общего массива катакомбных погребений эпохи средней бронзы так называемые ямно-катакомбные погребения стали активно привлекать внимание исследователей начиная с середины прошлого века. По мере изучения этой группы памятников выдвигались разные варианты ее трактовки. Первоначально преобладала позиция, объясняющая появление такого рода

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

памятников эволюционным развитием ямной культуры. Далее стала утверждаться их трактовка как смешение в результате сосуществования культур ямной и катакомбной (Мерперт, 1977). Обзор состояния изученности ямно-катакомбных погребений в середине 90-х гг. прошлого столетия был представлен Н. И. Шишлиной, где отмечалось, что эти позиции к этому времени уже воспринимались как крайние (Шишлина, 1996). Осознание сложности изменений в культуре привело к тезису о «стимулированной трансформации», где предпочтения все-таки отдавались эволюционным процессам (Кияшко, 2002).

Территория, охватываемая погребениями рассматриваемого типа, простирается поясом от Днепра до Волги: Приднепровье (Васильченко, 1977; Марина, 1982), Крым (Копьева, 2010), Северо-Восточное Приазовье (Санжаров, 2001), Донетчина (Клейн, 1961; Смирнов, 1996; Братченко, 2001), южная часть Среднего Дона (Погорелов, 1989), Нижнее Подонье (Иессен, 1954; Кияшко, 1999), южная часть междуречья Дона и Волги (Фисенко, 1970; Мельник, 1983; Шишлина, 1996; 2007). Сразу следует отметить, что на всех этих территориях находятся как ямные, так и катакомбные памятники.

Идентифицирующими показателями ямно-катакомбных погребений выступают: форма погребального сооружения, позиция погребенного, из погребального инвентаря чаще всего сосуды. Погребения, сочетающие ямные и катакомбные черты, показывают большое разнообразие форм катакомбных конструкций, имеются также и ямные сооружения. Позиция погребенных: на спине скорченно, обычно определяется как ямная, скорченно на боку с руками, протянутыми к ногам, – как катакомбная. Круглодонные сосуды считаются, как правило, ямными, плоскодонные, с учетом других признаков, чаще всего определяются как катакомбные.

Ямно-катакомбные погребения, совпадая с территорией распространения раннекатакомбных памятников, отсутствуют на территориях, где также распространены раннекатакомбные памятники, но превалировала не ямная культурная основа, например, новотиторовская культура.

Фактически во всех вариантах трактовок ямно-катакомбных погребений обсуждался вопрос становления катакомбной культуры. Данный вопрос, однако, включает уже не только ямно-катакомбные погребения, а значительно более широкий круг археологических памятников с другими культурными истоками. В этом контексте специфика появления и распространения ямно-катакомбных погребений приобретает иной характер. Учет фактора природной среды и ее изменения во времени (Мельник, 2020), подвижного характера хозяйства и наличие активного металлургического очага в непосредственной близости создает условия для понимания причин и обстоятельств трансформации культур, связанных с участием в той или иной мере в этом процессе различных групп населения, находящихся в движении и взаимодействии.

При таком подходе становится более понятным и механизм формирования ямно-катакомбных погребений, поскольку здесь фиксируется как внутреннее культурное развитие, так и внешнее воздействие, без однозначности того или другого.

ЛИТЕРАТУРА

- Братченко С. Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях. 196 с.
- Васильченко С. А., 1977. К вопросу о взаимоотношении ямной и катакомбной культур в Поорелье // Некоторые вопросы археологии Украины / Отв. ред. Н. Н. Бондарь. Киев: Вища школа. С. 3–14.
- Иессен А. А., 1954. Раскопки курганов на Дону в 1951 году // КСИИМК. Вып. 53. С. 61–79.
- Кияшко А. В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та. 182 с.
- Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та. 268 с.
- Клейн Л. С., 1961. О так называемых погребениях ямно-катакомбного типа // СА. № 2. С. 49–65.
- Копьева Т. А., 2010. Ранний этап катакомбной культуры в Крыму: хронологический аспект // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. Археологический альманах. № 20. Донецк. С. 309–326.
- Марина З. П., 1982. О погребениях так называемого ямно-катакомбного типа // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н. э.) / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ. С. 46–49.

- Мельник В. И., 1983. Погребения Доно-Волжского междуречья с сочетанием ямных и катакомбных черт и их соотношение с полтавкинскими памятниками // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та. С. 27–29.
- Мельник В. И., 2020. К проблеме ранних фаз формирования катакомбных культур // КСИА. Вып. 258. С. 137–150.
- Мерперт Н. Я., 1977. Из истории древнеямных племен // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Н. Л. Членова. М.: Наука. С. 68–80.
- Погорелов В. И., 1989. Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // СА. № 2. С. 108–126.
- Санжаров С. Н., 2001. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск: Изд-во ВНУ. 172 с.
- Смирнов А. М., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН. 182 с.
- Фисенко В. А., 1970. Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи Северо-Западного Прикаспия // СА. № 1. С. 58–66.
- Шишлина Н. И., 1996. Ямно-катакомбная проблема в свете современных представлений // Археологические памятники Окского бассейна.
- Шишлина Н. И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). Труды ГИМ. Вып. 165. М. 400 с.

С. В. Бортникова (ИА РАН, Москва)
magixen@yandex.ru

СПИРАЛЕВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ БРОНЗЫ: ИСТОКИ МОРФОЛОГИИ

Спиралевидные подвески представляют собой распространенное украшение для головы в Восточной Европе в эпоху бронзы. Под ними понимаются металлические изделия в виде спирали в 1,5 и более оборотов, выкованные из проволоки или пластины. Расположение подвесок с одной или обеих сторон от черепа позволяет рассматривать их в качестве височных украшений.

Особый интерес вызывает массовое распространение подобных украшений в памятниках раннего бронзового века Циркумпонтийского региона на рубеже IV и III тыс. до н. э. Одни из наиболее ранних подвесок обнаружены в усатовских памятниках Северо-Западного Причерноморья и ямных погребениях степного пояса юга Восточной Европы (рис. 1: 1–4). Усатовские образцы, вероятно, представляют собой развитие спиралевидных подвесок, изредка находимых в слоях трипольских поселений начиная с этапа VI (Хэбэшэштъ, Ариушт) (Рындина, 1971. С. 111–113). Истоки ямных подвесок, видимо, стоит связывать с простыми височными кольцами хвалынско-среднепестовской общности (рис. 1: 5).

Стоит отметить, что инновация спиралевидных подвесок эпохи бронзы лежит не столько в области морфологии, сколько в сочетании формы и способа ношения этих изделий. Выразительные металлические украшения в форме спирали (браслеты, перстни) были характерны для неолитических некрополей Балканского полуострова уже в V тыс. до н. э. (Варна, Дуранкулак, Хотница) (Todorova, Vajsov, 2001). Украшения для головы (серьги, височные кольца) в Балкано-Карпатской металлургической провинции представляли собой простые кольца из тонкой проволоки со слегка заходящими друг за друга концами. Исключением можно назвать спиральные браслеты, адаптированные в хвалынской среде в качестве украшений головы (рис. 1: 6) (Рындина, 2010. С. 234). Само по себе знакомство с новой формой не привело к всплеску производства/бытования аналогичных изделий. Серии спиралевидных

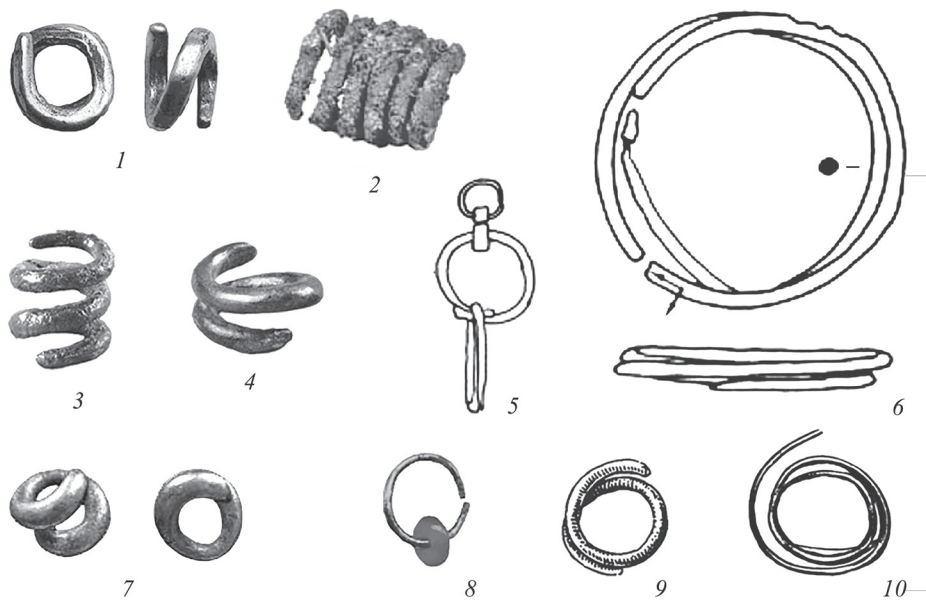

Рис. 1. Спиралевидные подвески

1 – Зимнича (*Constantinescu et al.*, 2014); 2 – Усатово (*Иванова и др.*, 2020); 3 – Горан-Слатина (*Vasileva*, 2021); 4 – Трояново (*Vasileva*, 2021); 5 – Хвалынский I (*Рындина*, 2010); 6 – Хвалынский I (*Рындина*, 2010); 7 – Хасансу (*Courcier et al.*, 2017); 8 – Кудахурт (*Корневский*, 2011); 9 – Новосвободная (*Мунчаев*, 1975); 10 – Троя II–III, клад R (*Авилова, Терехова*, 2006).

височных украшений возникают только в эпоху бронзы как результат постепенного накопления познаний и навыков металлообработки. Основой для них становятся обычные кольцевидные украшения.

Аналогичный процесс наблюдается и в развитии височных украшений культуры Закавказья и Восточной Анатолии – спиралевидные подвески конца IV тыс. до н. э. – начала III тыс. до н. э. предваряют обычные кольца (замкнутые, с сомкнутыми или разомкнутыми концами) (рис. 1: 7) (*Courcier et al.*, 2017). В майкопских памятниках Северного Кавказа популярностью пользовались металлические кольца – в частности, с нанизанным полудрагоценным камнем или сцепленные в цепочку (рис. 1: 8). Спиралевидные подвески, преимущественно золотые, появляются только в новосвободненских комплексах первых столетий III тыс. до н. э. (рис. 1: 9) (*Корневский*, 2011. С. 94). Крайне широкий ареал и схожие датировки распространения спиралевидных подвесок в различных культурах указывают на конвергентный путь их происхождения, надкультурный и надрегиональный характер этих изделий (*Vasileva*, 2021. P. 219).

Вероятно, причина популярности спиралевидных височных украшений заключается не только в простоте морфологии, но и в облике слитков, в которых хранился и распространялся металл. Слитки в виде стержня или свернутой проволоки (Троя II–III, клад R, рис. 1: 10) (*Авилова, Терехова*, 2006. С. 24) нуждались в минимальной обработке для получения готового изделия. Косвенным образом о взаимосвязи формы слитка-заготовки и подвесок может свидетельствовать корреляция типа изделия с конкретным материалом. Так, в Северо-Западном Причерноморье, регионе, удаленном от рудных источников серебра, отмечается обилие серебряных височных подвесок в местных ямных и усатовских памятниках. Иные изделия из этого драгоценного металла почти отсутствуют. Небольшое разнообразие серебряных изделий может объясняться малыми размерами слитков поставляемого металла, приводившими к нецелесообразности экспериментов.

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Л. И., Терехова Н. Н., 2006. Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху энеолита – бронзового века // КСИА. Вып. 220. С. 14–33.

- Иванова С., Видейко М., Бурдо Н.*, 2020. Металлообработка в Северо-Западном Причерноморье в раннем бронзовом веке // *Slovenská Archeológia*. Eds.: A. Kozubová, E. Makarová, M. Neumann. Vol. LXVIII. Suppl. 1. P. 273–283.
- Корневский С. Н.*, 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология и историко-культурный аспект. М.: Таус. 336 с.
- Мунчаев Р. М.*, 1975. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука. 416 с.
- Рындина Н. В.*, 1971. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.: Издательство Московского университета. 179 с.
- Рындина Н. В.*, 2010. Медные находки Хвалынского I могильника (итоги технологического исследования) // *Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура / Отв. ред. С. А. Агапов. Самара: «Поволжье»*. С. 234–258.
- Constantinescu B., Cristea-Stan D., Popescu A.*, 2014. Bronze Age silver artefacts from Romania – an archaeo-metallurgical study // *Networks of trade in raw materials and technological innovations in prehistory and protohistory. An archaeometry approach. Proceedings of the XVII UISPP World Congress (1–7 September 2014, Burgos, Spain)*. Vol. 12. P. 13–26.
- Courcier A., Ragimova M., Museibli N., Jalilov B.*, 2017. Metallurgical Developments in Azerbaijan from the Neolithic to the Early Bronze Age. Recent Archaeometallurgical Research in the Middle Kura River Valley // *Subartu XXXVIII. At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology / Eds.: E. Rova, M. Tonussi. Brepols, Turnhout*. P. 525–541.
- Todorova H., Vajsov I.*, 2001. Der kupferzeitliche Schmuck Bulgariens / *Praehistorische Bronzefunde. Abteilung XX*, 6. Band. Stutgard. 180 p.
- Vasileva Z.*, 2021. Worn to Impress. Development and Significance of the Metal Spiral Hair Ornaments in Early Bronze Age – Upper Thrace // *Galabovo in Southeast Europe and Beyond. Cultural Interactions during the 3rd–2nd Millennium BC*. Sofia: St. Kliment Ohridski University Press. P. 218–237.

Е. И. Гак (ГИМ, Москва; ИФХиБПП РАН, Пуццино)
e.i.gak@mail.ru

В. Ю. Луньков (ИА РАН, Москва)
vlunkov69@yandex.ru

МЕТАЛЛ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ СРЕДНЕЙ – НАЧАЛА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ЛОКАЛЬНЫЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПО АНАЛИТИЧЕСКИМ ДАННЫМ¹

На рубеже среднего (СБВ) и позднего (ПБВ) бронзового века в степной – лесостепной зоне Восточной Европы происходили события и процессы, следствием которых стали обновление культурно-исторической картины и модернизация пастушеской экономической модели. Новации коснулись и металлообработки, бывшей в то время одним из главных двигателей социального прогресса (*Мимоход и др.*, 2022). Более или менее отчетливо они прослеживаются по данным химического состава металлической продукции. Эти данные, полученные в разное время с применением различных методик, уже носят массовый характер и, таким образом, формируют представления о производственных особенностях конкретных культур и территорий.

Для установления связей с предшествующими и последующими традициями металлообработки химико-аналитические определения металла конца средней – начала поздней бронзы юга Восточной Европы систематизированы и ниже будут рассмотрены в более широком диапазоне – от позднейших катакомбных до раннесрубных памятников включительно (всего

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФ № 19-18-00406.

408 анализов). Сравнение проводится по культурным, хронологическим и территориальным группам инвентаря. В качестве условного порога легирования при делении на металлы и сплавы принята величина в 1 % (Шоу, 1969). Исключением является мышьяк, примесь которого (As 0,1–0,99 %) как высоколегированного элемента считается следами лигатуры.

Заключительный этап катакомбной общности СБВ представлен двумя локальными группами определений: среднедонской культуры правобережья Дона (с бассейном Северского Донца) и восточноманычской культуры Предкавказья (с прилегающим югом Доно-Волжского междуречья). В первой группе присутствует относительно чистая медь и мышьяковая бронза при абсолютном доминировании последней. Во второй группе также преобладают бинарные медно-мышьяковые сплавы, немалую долю имеют сплавы меди с мышьяком и цинком (могильник Ергенинский), а «чисто» медные изделия не зафиксированы вовсе. Примечательна небольшая серия височных колец из «грязного» серебра с содержанием меди до 48,8 %. Среди них особо выделяется овальная серьга, в составе которой отмечено олово (1,1 %), до этого не встречавшееся в катакомбном металле.

Финал СБВ характеризуют три локальные группы данных. В Днепро-Донском междуречье они относятся к посткатакомбным культурам круга Бабино и воронежской культуре (Хохольский курган), в Предкавказье и Доно-Волжской степи – к посткатакомбным культурам круга Лола, в Волго-Уралье – к памятникам с керамикой типа Вольск-Лбище. Бабинский и воронежский металл существенно не отличается от местного катакомбного и вольско-лбищенского. Более сложную картину демонстрирует состав металла лолинской выборки, в которой наряду с типичными медно-мышьяковыми сплавами массово присутствует сурьмяная пластика, а также примеры электрума, тройных сплавов медь-мышьяк-цинк и медь-мышьяк-сурьма. Два височных кольца с желобчатыми лопастями (Буйвола) сделаны из оловянной бронзы. Образец этого сплава с добавкой свинца есть и в бабинской выборке (Пологи).

Начальный этап ПБВ маркируют комплексы колесничных и близких им культур. Металл с химико-аналитическими определениями локализуется в двух зонах. На левобережье Дона он связан с доно-волжской абашевской культурой, памятниками власовско-филастовского типа и раннего Покровска, в Волго-Уралье – с кругом памятников Синташта – Абашево – Потаповка. В обеих территориальных группах медные сплавы незначительно преобладают над относительно чистой медью; в редких сплавах, кроме мышьяка, зафиксированы лигатуры цинка или сурьмы; сурьма, как материал, используется мало; заметным становится присутствие оловянных бронз. Локальной особенностью волго-уральской серии является «грязное» серебро кованных украшений (добавка Cu 10–50 %) и высокое содержание мышьяка в бронзовом бисере (As 15–18 %).

Проанализированный металл раннесрубного пласта памятников ПБВ происходит из трех районов: правобережья Дона, левобережья Дона и Волго-Уралья. Между районами и с предшествующим этапом наблюдается сходство по соотношению «чистой» меди и бинарных мышьяковых бронз. В Приуралье (Каменка) в составе крупной литой бусины зафиксирован высокий мышьяк (As > 27,66 %). Повсеместно и резко возрастает количество сурьмяных изделий. Практически исчезает серебро. Восточнее Дона участились случаи фиксации сурьмы в качестве первой или второй лигатуры (с мышьяком). Гораздо более значительным стало распространение оловянных сплавов. В левобережном Подонье и Волго-Уральском междуречье они составляют теперь до трети от всех бронз.

В целом от позднекатакомбного до раннесрубного этапов в металлообработке юга Восточной Европы прослеживаются следующие тенденции использования материалов. «Чистая» медь, если и применялась, то вряд ли осознано, за исключением колесничных культур, которым, по-видимому, были доступны соответствующие источники сырья. Низколегированные мышьяковые бронзы, в том числе с цинком или сурьмой, тотально сохраняют значение основного рабочего материала. Употребление высокомышьяковых бронз отмечено только в Приуралье, причем не раньше начала ПБВ. Начиная с финала СБВ резко падает оборот сплавов с добавкой цинка. При этом постепенно распространяются сплавы с оловом, поток которого в степь и лесостепь явно возрастает на раннесрубном этапе. Эпизодически, но регулярно в медных сплавах встречается легирующая сурьма. Волнообразной выглядит динамика сурьмяного литья – от резкого и сразу массового появления в лолинской культуре Предкавказья до спорадических примеров,

а затем широкого распространения в последующее время. Серебро с позднекатакомбного этапа используется редко и локально. Оно загрязнено добавками меди и к концу рассматриваемого периода фактически выходит из обращения.

ЛИТЕРАТУРА

Мимоход Р. А., Гак Е. И., Хомутова Т. Э., Рябогина Н. Е., Борисов А. В., 2022. Палеоэкология – культурогенез – металлопроизводство: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы на рубеже средней и поздней бронзы // Российская археология. № 1. С. 20–34.

Р. А. Мимоход (ИА РАН, Москва)
mimokhod@list.ru

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ, ИЛИ РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ БЛОКА ПОСТКАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ¹

Десять лет назад были опубликованы обобщающие работы по ¹⁴C данным блока посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2011; 2013. С. 280–291). С этого времени по сегодняшний день процесс накопления радиоуглеродных датировок находился в активной фазе, поэтому необходимо обратиться к этой проблеме в свете новых данных. Блок посткатакомбных культурных образований делится на культурный круг Бабино и культурный круг Лола. Первый из них включает в себя днепро-донскую, волго-донскую и днепро-прутскую бабинские культуры (ДДБК, ВДБК и ДПБК), второй – лолинскую и невинномысскую культуры, а также волго-уральскую культурную группу (ВУКГ)².

Десять лет назад банк данных ¹⁴C посткатакомбного блока насчитывал 52 датировки. На сегодняшний день он увеличился почти вдвое и составляет 92 даты: лолинская культура – 26, ВУКГ – 5, невинномысская – 4, ДДБК – 18, ВДБК – 19, ДПБК – 20. По культурам базы данных пополнялись неравномерно. Рекордсменом стала ДДБК – + 12 датировок. Второе место разделяют ВДБК и лолинская культура – + по 8 датировок, третьи занимают ВУКГ и ДПБК – + по 5 дат. Замыкает ряд невинномысская культура – + 2 датировки. Если рассмотреть в процентном соотношении увеличение базы данных за последние десять лет, то получится следующая картина: ВУКГ – + 100 %, ДДБК – + 66,6 %, невинномысская – + 50 %, ВДБК – + 42,1 %, лолинская – + 30,8 %, ДПБК – + 25 %. При этом показатели для волго-уральской группы и невинномысской культуры не стоит переоценивать. Для этих культурных образований даты пока единичны. Это объяснимо. Невинномысская культура выделена совсем недавно, а ВУКГ в отношении количества памятников является самым малочисленным посткатакомбным культурным образованием, и в материалах новых раскопок комплексы попадают крайне редко.

Культуры круга Бабино фактически равномерно охвачены датировками. За последние 10 лет удалось преодолеть дисбаланс, когда ¹⁴C данные ДДБК существенно уступали показателям ВДБК и ДПБК. В культурном круге Лола по-прежнему лучше остальных обеспечена ¹⁴C данными лолинская культура. Невинномысская и ВУКГ больше всего нуждаются в целенаправленном датировании, и эта работа ведется.

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-68-00010, <https://rscf.ru/project/22-68-00010/>

² Дальнейшая работа с архонской культурной группой показала, что ее пока преждевременно рассматривать в рамках посткатакомбного блока. Вполне возможно, что это отдельное локальное культурное образование предгорий Северо-Восточного Кавказа. Так ли это, покажут дальнейшие исследования.

Активная фаза датирования составляющих посткатакомбного блока за последнее десятилетие привела не только к почти двукратному увеличению базы данных, но и ее качественному переоформлению. Речь идет о скачкообразном увеличении AMS-дат. На 2013 г. посткатакомбный блок насчитывал всего 2 AMS-даты: по одной для лолинской культуры и ВДБК. На сегодняшний день их количество увеличилось более чем в 15 раз и составляет 35 AMS-датировок. Если на 2013 год даты, полученные на ускорителе, составляли всего 3,8 % от общего числа анализов, то сейчас этот показатель в десять раз больше – 38 %. Лидером по числу AMS-дат является ДДБК – 12 датировок, Лола и ВДБК имеют по 8 дат, ДПБК – 3 анализа, Невинномысск и ВУКГ – по 2.

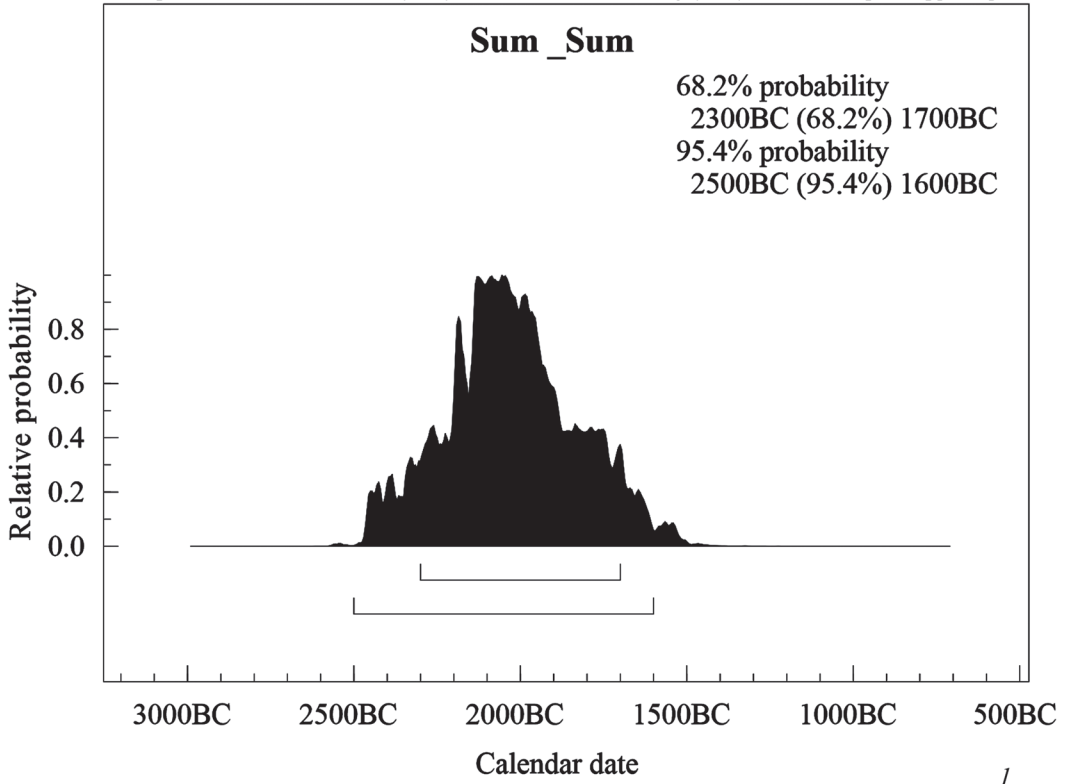
Как же повлияли новые ^{14}C данные последнего десятилетия на датировку блока посткатакомбных культурных образований? Суммирование радиоуглеродных дат (sum_probability OxCal v3.10) на 2013 год при вероятности в одну сигму дало интервал 2300–1650 BC (*Мимоход*, 2013. Илл. 106). Он оказался достаточно широким, и тогда путем сопоставления результатов суммирования ^{14}C данных катакомбных и посткатакомбных культур был выявлен отрезок наложения, в которых время окончания катакомбного периода и начала посткатакомбного было помещено в его середину. Таким образом, интервал существования посткатакомбных древностей был определен в рамках 2200–1800 CalBC (*Мимоход*, 2011. С. 45; 2013. С. 285).

Количественное и качественное изменение базы радиоуглеродных дат блока посткатакомбных культурных образований за последние десять лет, с одной стороны, внесло некоторые коррективы в интервал, которые дают сами ^{14}C данные, а с другой – подтвердило давний вывод в установлении хронологии с учетом отрезков наложения. Суммирование всех 92 датировок культурного круга Бабино и культурного круга Лола дало интервал с вероятностью в одну сигму в рамках 2300–1700 CalBC (рис. 1: 1). По сравнению с данными на 2013 г., интервал сократился в отношении верхней границы, хотя нельзя сказать, что кардинально, но тем не менее этот рубеж стал соответствовать предложенному десять лет назад времени окончания существования блока посткатакомбных культурных образований. Нижняя граница оказалась на своем месте. Почему так произошло?

Дело в том, что серьезное увеличение AMS-дат с их узкими доверительными интервалами, о котором говорилось выше, сумело сократить интервал блока именно в отношении его финала, но не смогло преодолеть серию LSC-датировок (сцинтилляционных) с низкими временными значениями, выходящими за период 2200 CalBC. AMS-данные почти не дают сколь-нибудь значимых старших значений по отношению к этому рубежу. В этой связи уместно обратить внимание на результаты суммирования только AMS-дат посткатакомбного блока, тем более, что они уже представляют собой серию (35 определений), которую можно предварительно анализировать. Высокоточные ^{14}C данные дают интервал 2200–1930 CalBC (рис. 1: 2). Здесь мы сталкиваемся уже с обратной ситуацией. Нижняя граница существования блока посткатакомбных культурных образований полностью соответствует предложенной десять лет назад его хронологии, а верхняя, наоборот, удревнилась. Этому есть логичное объяснение. Высокоточное и дорогостоящее AMS-датирование зачастую устанавливает определенные психологические барьеры для исследователя в отношении отбора образцов на радиоуглеродный анализ. Как правило, для него передаются образцы из наиболее ярких комплексов с хорошо датируемыми категориями инвентаря. В результате для посткатакомбного блока в фокусе датирования на ускорителе оказываются преимущественно погребения фаз ПКБ I и ПКБ II, а в определенном смысле «безликие» комплексы финала его существования (фаза ПКБ III) мало привлекают исследователей в отношении столь дорогостоящей процедуры. Как следствие, суммирование только AMS-дат дает удревнение верхней границы существования блока.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что установленные десять лет назад границы существования блока посткатакомбных культурных образований на данный момент не имеют существенных изменений. Его по-прежнему необходимо датировать в интервале 2200–1800 CalBC. Однако система аргументации в отношении этого периода претерпела заметную корректировку в связи как с увеличившимся банком радиоуглеродных дат в целом, с одной стороны, так и со скачкообразным накоплением AMS-датировок, с другой. Последнее обстоятельство представляется особенно важным. Увеличение количества высокоточных дат, полученных методом ускорительной масс-спектрометрии, позволяет существенно снизить

Atmospheric data from Reimer et al (2004);OxCal v3.10 Bronk Ramsey (2005); cub r:5 sd:12 prob usp[chron]

Atmospheric data from Reimer et al (2004);OxCal v3.10 Bronk Ramsey (2005); cub r:5 sd:12 prob usp[chron]

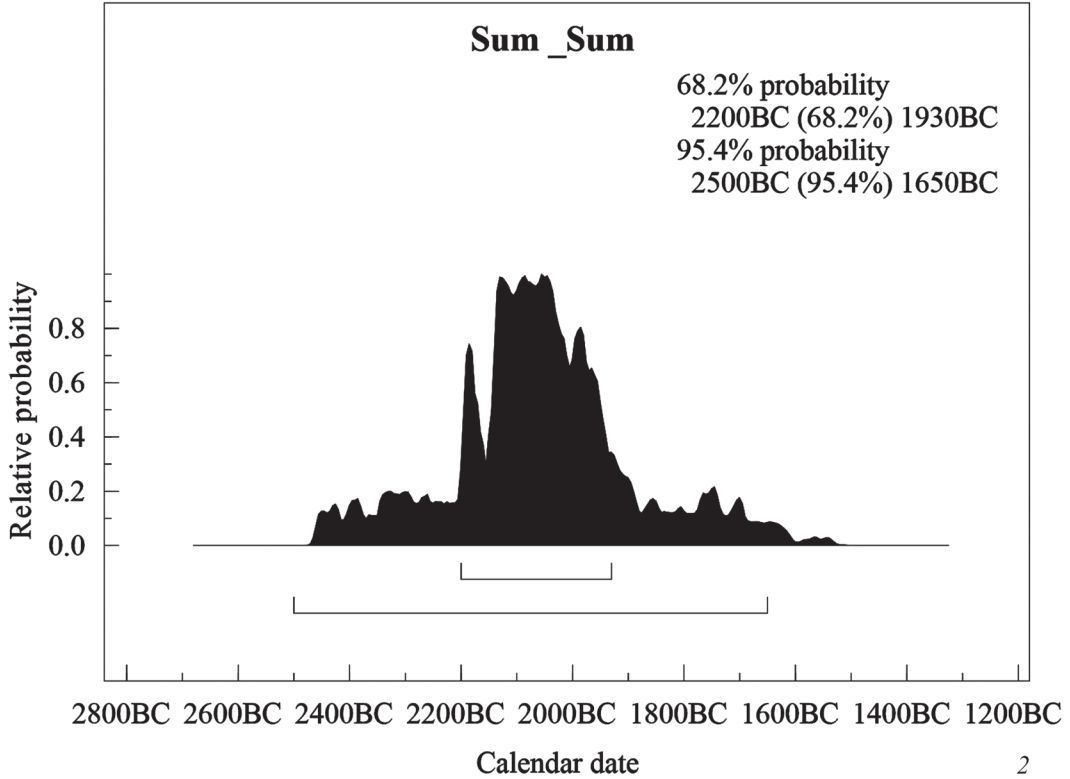

Рис. 1. Результаты суммирования радиоуглеродных дат блока посткатакомбных культурных образований

1 – результаты суммирования всех ^{14}C данных (92 датировки); 2 – результаты суммирования только AMS-дат (35 датировок)

доверительные интервалы вплоть до предельной минимизации хронологических отрезков наложения предшествующих и последующих культур. Остается только догадываться, как будет протекать процесс накопления AMS-датировок, столь необходимый для уточнения радиоуглеродной хронологии бронзового века Восточной Европы и Северного Кавказа, в новых реалиях.

А. В. Епимахов

*(Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург)
epimakhovav@susu.ru*

ВЛИЯНИЕ КОЛИЧЕСТВА РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТ НА ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСОВ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ (ОПЫТ МИКРОРАЙОНА КАМЕННЫЙ АМБАР В ЗАУРАЛЬЕ)¹

Радиоуглеродный анализ остается основным инструментом определения хронологических позиций памятников и культур бронзового века для территорий, лишенных серийных стратиграфических наблюдений или большого числа закрытых комплексов с разнотипным инвентарем. К числу таковых относится Южное Зауралье, сыгравшее важную роль в становлении и развитии культур поздней бронзы Северной Евразии. Первые опыты построения региональных систем периодизации опирались на единичные стратиграфические, а также типологические заключения. В дальнейшем в основу были положены радиоуглеродные датировки основных культур, обобщенные в рамках процедуры суммирования вероятностей калиброванных значений. По мере увеличения числа дат стало очевидным наложение полученных таким методом интервалов, порождающее иллюзию непрерывного развития и частичной синхронизации разных традиций. Параллельно сокращается практика получения для одного комплекса или памятника единичных дат. Их интерпретация особенно проблематична для объектов со сложной историей функционирования, когда есть неопределенность в части контекста датируемого образца. Само по себе умножение числа дат для одного памятника не является панацеей, но отрывает дополнительные возможности проверки достоверности результатов, а также статистического моделирования. Акцент на небольшом числе объектов, а не максимально широком охвате единокультурных материалов, позволяет создать своего рода эталонные, хорошо датированные комплексы, которые могут стать опорными для дальнейшей работы.

Яркий пример такого рода – комплекс памятников II тыс. до н. э., состоящий из укрепленного поселения Каменный Амбар и курганного могильника Каменный Амбар-5 (Южное Зауралье). Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволили выделить два этапа в и четыре фазы в истории поселения, на котором хорошо представлены синташтинские, петровские и срубно-алакульские традиции. Особенностью работы было не только большое число анализов (61), но также разнообразие использованных материалов и индивидуальная фиксация в момент отбора. Значительная часть материалов получена из стратиграфических колонок колодцев, являющихся условно закрытыми комплексами и нередко содержащими культурно диагностируемый материал (*Епимахов и др., 2020*). Критический анализ позволил выделить группу статистических выбросов, а стратиграфические факты помогли провести моделирование хронологии методами байесовской статистики. В результате установлено, что вся совокупность дат разделяется на два периода (ассоциированы с двумя этапами застройки). Моделирование позволило оценить длительность функционирования поселения в целом,

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00402 «Миграции человеческих коллективов и индивидуальная мобильность в рамках мультидисциплинарного анализа археологической информации (бронзовый век Южного Урала)»

каждого из этапов, выразить в цифрах длительность фаз и hiatusа в истории поселения (Чечушков и др., 2020), в конечном итоге удалось ассоциировать отдельные фазы с конкретными культурными традициями.

Аналогичная работа была проделана для курганов единокультурных с синташтинско-петровским этапом поселения. На момент публикации 2021 года (Чечушков, Епимахов, 2021) мы имели 17 датировок, сегодня их 26 (Librado et al., 2021). Из 14 могильных ям 8 снабжены 2–3 датами, что позволило проверить согласованность значений для закрытых комплексов (достоверных следов многократного использования не выявлено). Материал для датирования – коллаген (10 животных и 14 человек). Наша выборка не выявила следов воздействия резервуарного эффекта, что ранее было установлено коллегами в отношении другого синташтинского могильника (Svyatko et al., 2022). В одном случае дата показала низкую согласованность в пределах могилы, кургана и выборки в целом. В результате моделирования определена длительность функционирования двух курганов, один из которых (№ 2), видимо, возник раньше. Длительность использования подкурганной площадки составила менее 80 лет (по медианам калиброванных значений) в пределах XX – начала XIX в. до н. э. Более поздний объект (№ 4) начинает свою историю позднее, и по медианам его длительность заметно короче в рамках первой половины XIX в. до н. э. Эти данные в целом согласуются с итогами обработки дат поселения (в части синташтинско-петровского этапа).

Новые выводы прямо влияют на заключения о характере и скорости культурных и социальных процессов, реконструкции общественных структур, включая демографические параметры (через длительность накопления погребенной «популяции»), оценку степени сложности общества и др. Таким образом, увеличение серий не только повышает достоверность, но меняет исходные данные выводов.

ЛИТЕРАТУРА

- Епимахов А. В., Пантелеева С. Е., Корякова Л. Н., 2020. Колодцы как источник культурно-хронологической информации (по материалам поселения Каменный Амбар в Южном Зауралье) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (48). С. 101–111.
- Чечушков И. В., Епимахов А. В., 2021. Хронологическое соотношение укрепленного поселения Каменный Амбар и могильника Каменный Амбар-5 в Южном Зауралье: возможности байесовской статистики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (54). С. 47–58.
- Чечушков И. В., Молчанова В. В., Епимахов А. В., 2020. Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I в Южном Зауралье: возможности байесовской статистики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (49). С. 5–19.
- Librado P., Khan N., Fages A. et al., 2021. The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasia steppes // Nature. Vol. 598. Iss. 7882. P. 634–640.
- Svyatko S. V., Reimer P. J., Schulting R. J. et al., 2022. Freshwater reservoir effects in archaeological contexts of Siberia and the Eurasian steppe // Radiocarbon. Vol. 64 (2). P. 377–388.

Н. М. Малов (СарГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов)
malow.kolia@yandex.ru

ПОГРЕБЕНИЕ НАЧАЛА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ КУРГАНА ОКОЛО СТАНЦИИ ПЕРЕМЕТНОЙ НА РЕКЕ ДЕРКУЛ: РАСКОПКИ П. С. РЫКОВА

В 1925 г. экспедиция, возглавляемая профессором П. С. Рыковым, открыла в бассейне степной речки Деркул, протекающей по предгорьям Урала, около станции Переметной два погребения бронзовой эпохи (Рыков, 1926. С. 92–93; Малов, 1986. С. 30. Рис. 2–34). Их обнаружили в уплощенном кургане диаметром 22 м и высотой 0,60 м, раскопанном «колодцем».

Об этом кратко сказано в опубликованном Дневнике разведок и раскопок П. С. Рыкова (Рыков, 1926. С. 106–107). «Погребение № 1, разрушенное. В Ю-В углу «колодца», на глубине 20 см, обнаружена кость овцы, а в Ю-З углу – бедренная кость человека. В центре колодца встречены остатки истлевших ветвей, кости человека и черепок от крупного сосуда. На глубине 26 см лежала колотая плаха в направлении от С к Ю, кости овцы, локтевая кость человека и истлевшие куски дерева. Здесь было погребение, разрушенное другим, находившимся ниже. Погребение № 2, детское. Могила прямоугольной формы с округлыми углами, обнаружена в центре колодца, ближе к Ю стенке. Длина ямы – 1,70 м, ширина – 0,95 м, глубина – 0,80 м, ориентирована по линии С – Ю. В засыпке найдены куски истлевших березовых плашек, служивших перекрытием ямы. На дне лежал плохо сохранившийся костяк подростка лет 10–12 на правом боку, в скорченном состоянии, ориентированный к С – З. За черепом, около костей рук находился разбитый глиняный остроресберный горшок, а в ногах, против колен, стоял маленький сосудик с резным орнаментом, с семью выпуклинами по бокам и двумя дырочками в шейке. В могиле также найдена зола. На северном краю могилы на древней поверхности лежали кости овцы и позвонок коровы».

Из данного кургана на хранение в фонды Саратовского областного музея краеведения поступил только маленький остроресберный сосудик (СМК № 46588), фото которого опубликовано автором раскопок (Рыков, 1927. Р. 55. Abb. 5). Его высота – 8,5 см, диаметр по венчику – 8 см, диаметр по дну – 6 см (рис. 1). В глине визуально заметна примесь толченых раковин. Внешняя поверхность светло-коричневая с серыми пятнами. Под венчиком, по сырой глине, сделаны два противоположных отверстия диаметром 0,4–0,5 см. Вероятнее всего, они предназначались для привязывания – крепления крышки. Венчик в профиль – «приостренный». Плечо вогнутое. Максимальное расширение расположено чуть выше середины тулова, по периметру которого последовательно расположены семь монолитных рельефных выпуклин сосцевидной формы. Плечики и придонная часть орнаментированы наклонными линиями, выполненными концом острого инструмента, образующими элементы в виде косой решетки и заштрихованных треугольников – вершинами вниз. Тем же инструментом по краю венчика выполнены короткие и косые линии, а ниже – одна горизонтальная. Днище с закраиной, образовавшейся в результате крупных чередующихся рельефных вдавлений. Они перемежаются с короткими наклонными орнаментальными линиями.

П. С. Рыков отнес второе захоронение к стадии «С» хвалынской культуры, где бытовали сосудики с отверстиями под венчиком (Рыков, 1927. С. 92–93. Табл. IV. № 5, 9). Археолог интерпретировал их как сосудики «ритуального характера, с отверстиями для подвешивания» или «особые горшочки в виде курильниц с крышками» (Рыков, 1936. С. 45). П. С. Рыков первым расчленил погребения покровского типа на ранние и поздние, памятники которых исследователи сейчас относят к покровскому культурному типу или покровской культуре (Малов, 2016. С. 348–349).

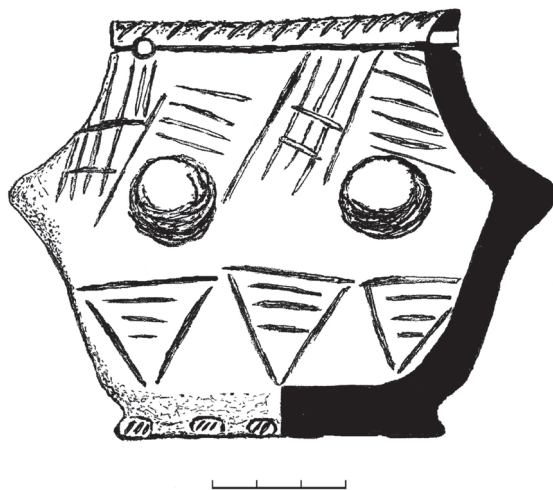

Рис. 1. Лепной сосудик.
Погребение № 2 в кургане около станции Переметной

Ранние покровские памятники, в том числе погребение № 2 из Перемётной, включаются мной в покровскую стадию начальной – первой фазы позднего бронзового века Нижнего Поволжья, датируемую в калиброванном значении XX–XVIII/XVII вв. до н. э. (Малов, 2012. С. 96–97; 2019. С. 85. Таблица). В данном контексте закономерно то, что керамика, орнаментированная рельефными шишечками, представлена и в синташтинских древностях (Генинг и др., 1992. С. 285. Рис. 159: 15; С. 291. Рис. 163: 2), входящих вместе с покровскими в синхронный блок культур Волго-Уральского очага культурогенеза. Конструктивные и орнаментальные особенности сосудика, а также другие признаки позволяют сопоставлять погребение покровской культуры из Перемётной с синташтинскими комплексами. Очевидно, монолитные рельефные выпуклины сосцевидной формы на маленьком сосудике отражают представления, связанные с семиричной системой исчисления времени и *семидневными фазами луны*.

ЛИТЕРАТУРА

- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск.
- Малов Н. М., 1986. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов. С. 21–38.
- Малов Н. М., 2012. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 12. Вып. 1. С. 95–100.
- Малов Н. М., 2016. Профессор П. С. Рыков – исследователь позднего бронзового века Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 16. Вып. 3. С. 345–351.
- Малов Н. М., 2019. Сосново-Мазинский клад // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. Вып. 15. С. 76–104.
- Рыков П. С., 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (Предварительный отчет) // Изв. Краевед. ин-та изуч. Южно-Волжск. Обл. при СГУ. Т. I. Саратов. С. 87–134.
- Рыков П. С., 1927. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. Краевед. ин-та изучения Южно-Волжск. Обл. при СГУ. Т. II. Саратов. С. 77–101.
- Рыков П. С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов.
- Rykov P., 1927. Die Chvalynsker kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga (Nach den Ausgrabungen in den J. 1924 und 1925) Von Prof. P. Rykov // ESA. Bd. I. Helsinki. P. 51–84.

Л. В. Купцова (ОГПУ, Оренбург)
orelin.84@mail.ru

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КУРГАНА 4 ЛАБАЗОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Курганный могильник у с. Лабазы на западе Оренбургской области исследован в 2007–2008 гг. Результаты раскопок введены в научный оборот (Моргунова и др., 2009). Среди восьми насыпей некрополя выделялся курган № 4. Его насыпь была практически сnivelирована в результате распашки, центр смещен. Особенность заключалась в нестандартности погребального обряда: для пяти выявленных здесь захоронений характерны разные позы и ориентировки костяков. Погребения были безынвентарны, в основном выявлены в древнепочвенном слое, их стратиграфическая последовательность не прослеживалась. По данным причинам интерпретировать эти комплексы в культурном и хронологическом плане

оказалось затруднительно. Между тем, так как большинство захоронений некрополя принадлежали срубной археологической культуре, предварительно погребения кургана № 4 были отнесены к ее позднему этапу, в соответствии со сложившейся историографической традицией (Моргунова и др., 2009. С. 40–41).

Со временем возникли сомнения в том, все погребения в данном случае относятся к эпохе позднего бронзового века, так как «поздних» срубных комплексов с такими характеристиками в регионе больше нет.

Для выяснения хронологической последовательности совершения захоронений проведено радиоуглеродное датирование (табл. 1). Результаты датирования показали, что анализируемые погребальные комплексы принадлежат разным археологическим эпохам.

Наиболее древними являются погребения 4/2 и 4/3, результаты их исследования ранее опубликованы (Купцова и др., 2019). В комплексе 4/2 скелет женщины, выявленный в погребенной почве, находился в сидячем положении. Затылком костяк ориентирован на северо-восток, лицевой частью – на юго-запад. Скелет мужчины из погребения 4/3 выявлен в погребенной почве, сохранился не полностью: обнаружены череп, кости ног, таз и ключица. Ориентировка головой – на юго-запад. Несмотря на несколько разнящиеся значения дат, полученные в трех различных лабораториях, все они однозначно указывают на то, что захоронения были созданы не позднее VII – начала VI тис. л. до н. э. Эти даты хронологически близки елшанской неолитической культуре Среднего Поволжья, время существования которой установлено по серии ^{14}C дат в пределах с конца VIII до второй-третьей четверти VI тыс. л. до н. э. (Андреев и др., 2012; Выборнов и др., 2016).

К срубной археологической культуре относится захоронение 4/4. Скелет мужчины находился в материке в типичной «срубной» позе – скорченно на левом боку, головой на север. Дата комплекса характерна для раннего этапа культуры (Купцова, 2020).

Полученное значение даты для погребения 4/5 указывает на то, что оно создано в период финального этапа бронзового века. Скелет подростка находился в погребенной почве. Судя по сохранившимся останкам – в позе скорченно, на левом боку, головой на восток. Погребение с похожим погребальным обрядом и близкой датировкой происходит из курганного могильника Каменка Оренбургской области (Купцова и др., 2018. С. 308–309).

Таким образом, погребальные комплексы, выявленные в кургане № 4 Лабазовского могильника, различны в культурно-хронологическом плане. Наиболее ранними являются неолитические погребения 4/2 и 4/3, насыпи над ними не было. По всей видимости, насыпь кургана была создана в эпоху поздней бронзы над захоронением срубной культуры, позднее в нее было впущено погребение финального этапа бронзового века.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев К. М., Выборнов А. А., Кулькова М. А., 2012. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. Т. 14. № 3. С. 193–199.
- Выборнов А. А., Андреев К. М., Кулькова М. А., Нестеров Е. М., 2016. Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VIII–III тыс. до н. э.: колл. моногр. Смоленск: Свиток. С. 74–97.
- Купцова Л. В., 2020. Радиоуглеродное датирование памятников срубной культуры Оренбургского Предуралья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара: СГСПУ. Т. I. С. 296–298.
- Купцова Л. В., Зарецкая Н. Е., Моргунова Н. Л., Хохлов А. А., 2019. Древнейшие погребения в Оренбуржье (о двух захоронениях курганного могильника у с. Лабазы) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 1. С. 131–139.
- Купцова Л. В., Файзуллин И. А., Крюкова Е. А., 2018. Памятник эпохи поздней – финальной бронзы в Западном Оренбуржье (курганный могильник у с. Каменка) // Поволжская археология, № 3 (25).
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Евгеньев А. А., Китов Е. П., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А., 2009. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 98 с.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты, полученные по кости человека из погребений кургана № 4 Лабазовского могильника

Комплекс	Шифр лаборатории	Радиоуглеродный возраст от наших дней (BP)	Калиброванный возраст – cal BC (до н. э.)	
			дата BC (1δ)	дата BC (2δ)
4/2	ГИН-15689	7215±120	6220-5993	6369-5874
4/2	ИМКЭС-14С1497	7370±110	6371-6102	6434-6034
4/2	PSUAMS-4261	7430±30		6383-6236
4/3	ГИН-15687	7340±100	6262-6076	6406-6026
4/3	ИМКЭС-14С1503	7228±250	6371-5890	6568-6543 6532-5639
4/3	PSUAMS-4260	7510±30		6383-6236
4/4	ГИН-15688	3520±50	1911-1858 1855-1771	1976-1737
4/5	ГИН-15690	2990±65	1316-1126	1406-1040

Ю. В. Лунькова (ИА РАН, Москва)
ylunkova@rambler.ru

В. Ю. Лунков (ИА РАН, Москва)
vlunkov69@yandex.ru

А. М. Скоробогатов
(Воронежское археологическое общество, г. Воронеж)
a.m.skorobogатов@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПЛАНИГРАФИИ МНОГОМОГИЛЬНЫХ КУРГАНОВ СРУБНОЙ КИО (НА ПРИМЕРЕ КУРГАНА У С. НЕКРЫЛОВО)¹

С именем Николая Яковлевича Мерперта связана разработка ключевых проблем в области археологии бронзового века восточноевропейской степи и лесостепи. Комплексный подход в изучении погребальных памятников, используемый Николаем Яковлевичем во время работ Куйбышевской экспедиции в 50-е гг. XX в., позволил выйти на новый уровень реконструкции культурно-исторического процесса. Рассмотрение погребального комплекса как единой системы, детальный анализ ее структурных элементов, с одной стороны, способствовало разработке нового методического подхода, а с другой – стало основой для проведения исследований следующих поколений археологов.

В рамках изучения погребального обряда срубной культурно-исторической общности (СКИО) одним из актуальных направлений является анализ планиграфических характеристик: взаимное расположение погребений и других комплексов на погребальной площадке кургана или грунтового могильника. Одним из первых, кто уделил этому сюжету особое внимание, и был Николай Яковлевич (*Мерперт*, 1954. С. 39–150 и др.). Он указал на круговую планировку погребального пространства на развитом этапе, отмечая, что кладбище формировалось вокруг центра (в частности, для кур. 5 у Ягодного – жертвенника, для кур. 11 у Кайбел – «погребального

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)»

дома») из правильно расположенных концентрических кругов погребений, над которыми лишь спустя какое-то время была возведена насыпь (*Мерперт*, 1958. С. 92). В дальнейшем многие исследователи в своих работах достаточно уделяли внимание этой характеристике обряда.

Наиболее полно обобщенная информация о внутрикурганной планиграфии присутствует в работе А. И. Крамарева (*Крамарев*, 2008. С. 143–169). В предложенной схеме автор выделил шесть групп и восемь подгрупп. Наиболее встречаемыми являлись три группы:

- с центрической схемой группировки объектов погребального комплекса;
- с рядовой схемой группировки погребений;
- с размещением погребений без определенного порядка (*Крамарев*, 2008. С. 145–148).

В рамках рассмотрения данной характеристики погребального обряда интерес представляет исследованный под руководством одного из авторов статьи в 2014 г. курган у с. Некрылово Новохоперского района Воронежской области (*Скоробогатов*, 2015). Под насыпью кургана изучено 71 одновременное погребение срубной культуры, из которых 30 содержали скелеты детей и подростков до 15 лет, 32 – взрослых людей и в девяти – не определено. На данной территории (лесостепная зона Волго-Донского междуречья) для погребальных памятников срубной культуры, по имеющимся на сегодняшний день сведениям, встречаемость под одной насыпью такого количества погребений является редкостью.

Основные характеристики погребального обряда, в том числе и инвентарь, в первую очередь керамический, позволяют датировать его временем между поздними покровскими – раннесрубными памятниками и комплексами с валиковой керамикой. Учитывая региональную специфику, это соответствует в общей периодизационной схеме СКЮ развитому этапу. При сопоставлении с другими срубными комплексами соседних территорий с похожим материалом, имеющим радиоуглеродные даты, курган у с. Некрылово может быть датирован концом XVII – XVI в. до н. э.

Расположение могильных ям на подкурганной площадке позволяет говорить о двух группах погребений, расположенных в виде кругов с учетом их возраста и пола. В западном круге отмечено преобладание захоронений взрослых людей, в восточном – детей и подростков. Для каждого круга можно наметить свои центры. Так, для восточного – это двойное детское погребение 8, в котором погребенные (3,5–4,5 года и 2–2,5 года) находились на левом боку в скорченном положении с ориентировкой на север. Инвентарь представлен тремя керамическими сосудами. Для западного круга ситуация сложнее: в качестве центра, кроме парного погребения подростков, 19 можно предположить и погребение 29 женщины 30–35 лет на левом боку с ориентировкой на север. Оно, в свою очередь, окружено еще четырьмя женскими захоронениями. В погребении 19 дети-подростки (12–13 лет и 14–15 лет) находились в скорченном положении на левом боку с ориентировкой на север. Инвентарь представлен четырьмя керамическими сосудами. Большинство мужских погребений образуют внешнюю границу кладбища.

Кроме половозрастных различий между двумя кругами погребений, стоит отметить и степень их завершенности. Так, если для «взрослого» круга захоронений отмечается законченность в его формировании, то для «детско-подросткового» фиксируется разрыв между могильными ямами. Аналогичная ситуация – незавершенность круга – встречена и в ряде других курганов развитого этапа СКЮ.

В рамках существующей схемы внутрикурганной планиграфии, предложенной А. И. Крамаревым, курган у с. Некрылово в целом может быть отнесен к группе I.1.4. (*Крамарев*, 2008. С. 146) с той лишь разницей, что каждое из двух центральных погребений имеет свой круг захоронений. Дополнительно это усложняется тем, что в одном из кругов (западном) присутствуют в качестве центра два погребения, а не одно. Исходя из планиграфического распределения мужских, женских и детско-подростковых погребений (круговое расположение однотипных могил, выделение двух скоплений), можно предположить, что надмогильные ориентиры не только отмечали места захоронений, но и несли информацию о поле и возрасте погребенных.

Хотелось бы отметить и еще один момент. Если предположить, что какое-то время погребальная площадка не перекрывалась, то «незавершенность» концентрических кругов из погребений является преднамеренной акцией, а возведение насыпи свидетельствует о сознательном завершении практики погребения на данном могильнике. Это может быть объяснено как сменой территории пребывания того или иного коллектива, так и «переносом» места

кладбища. Данная ситуация возможна только при стабильном существовании коллективов, отсутствии крупных эпидемий и внешних угроз.

Таким образом, рассмотренная схема внутримогильной планиграфии кургана у с. Некрылово, с одной стороны, находит соответствие с существующей планиграфической схемой курганов развитого этапа СКИО, а с другой – позволяет наметить более сложные комбинации во взаиморасположении погребальных объектов под насыпью кургана.

Все это позволяет говорить о достаточно строгой регламентации взаимного расположения погребений и других комплексов на погребальной площадке кургана или грунтового могильника.

ЛИТЕРАТУРА

- Крамарев А. И.*, 2008. Планировка могильников (взаиморасположение курганов) и внутрикурганная планиграфия в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневолжья // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара. С. 143–169.
- Мерперт Н. Я.*, 1954. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции / Ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР. С. 39–156. (МИА; № 42. Т. 1)
- Мерперт Н. Я.*, 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции / Ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР. С. 45–156. (МИА; № 61.)
- Скоробогатов А. М.*, 2015. Отчет о проведении охранных раскопок объекта археологического наследия «Одиночный курган у с. Некрылово» в Новохоперском районе Воронежской обл. в 2014 г. Архив ИА РАН. Р-1, № 46366, 46367.

Т. А. Марьенкина (ИА РАН, Москва)
marjenskina.tanya@yandex.ru

ПОСТРОЙКИ ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ПОСЕЛЕНИИ АКУЗОВО 4

Поселение Акузово 4 занимает первую надпойменную террасу правого берега старичного русла р. Пьяна (Сергачский район Нижегородской области). Пологий склон мыса, на котором расположено поселение, полностью покрыт сосновым лесом и удален от русла реки на 200 метров.

В результате археологических раскопок 2021г. исследовано три сооружения, которые были расположены в юго-восточной, тяготеющей к старице части памятника, стороне (*Михеев, Марьенкина, 2021*).

Первая постройка имеет подпрямоугольную форму, основание которой заглублено в материк на глубину 40 см. Длинной стороной ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Судя по остаткам столбовых ям по периметру, она имела столбовую конструкцию стен.

С востока к постройке примыкала наземная конструкция шириной 3 м, (возможно навес), об этом свидетельствуют столбовые ямы у этой части постройки. Под навесом прослежено несколько кострищ и остатки керамической посуды. Общая площадь постройки составляет 52 кв. м.

Второе сооружение квадратной формы имело столбовую конструкцию стен и было заглублено в материк на глубину 50 см. Ориентировка – СЗ – ЮВ. Площадь постройки – 45 кв. м. В юго-западной части исследован очаг, вокруг которого зафиксировано более 50 кремневых отщепов и осколков. Во всех остальных сооружениях найдены только готовые орудия или небольшое количество отщепов, что свидетельствует о кремневом производстве в данном объекте. В заполнении постройки, кроме поздняковской керамики, прослежены фрагменты сосудов балановской культуры.

По форме конструкции и наличию очагов эти два сооружения можно интерпретировать как жилища. Аналогии данного типа конструкций хорошо прослеживаются на памятниках поздняяковской культуры: Дмитриевская Слобода 2 (Зеленцова, 2007), Наумовка (Черников, 1965).

Третье сооружение подпрямоугольной формы отличалось от предыдущих большими размерами – 98 кв. м, ориентировкой по линии С – Ю и отсутствием очага. Столбовая конструкция у постройки не прослеживалась. Скорее всего, она была на каркасной основе и имела форму шалаша. По форме и размеру сооружение аналогично постройке на поселении Щербинино (Кравцов, 2012).

В юго-восточной части сооружения зафиксирован выход в сторону старицы. У входа в постройку располагалось кострище, в котором найдены фрагменты глиняной обмазки и единичные обломки кальцинированной кости. Внутри сооружения, у входа, обнаружен череп животного (молодой коровы?). Особенностью этой постройки являлось практически полное отсутствие керамического материала и каменных орудий. Все эти обстоятельства позволяют предполагать, что данное сооружение было покинуто обитателями и запечатано, о чем могут свидетельствовать останки животного у входа.

Несмотря на конструкционные особенности каждой постройки, в них прослежен идентичный керамический материал поздняяковской культуры, что может говорить об одновременном функционировании этих сооружений на поселении.

ЛИТЕРАТУРА

- Зеленцова О. В., 2007., Отчет об охранных археологических раскопках поселения Дмитриевская Слобода II в Муромском районе Владимирской области в 2007 г. Архив ИА РАН. № 32338.
- Кравцов А. Е., 2012. Отчет об охранных археологических исследованиях на стоянках Щербинино 1, 2, 6, Карболит и на средневековом производственном комплексе Щербинино 3 (на вновь выявленном объекте археологического наследия «Поселение и могильник Щербинино» и на стоянке Карболит) на территории Орехово-Зуевского района Московской области в 2012 году. Архив ИА РАН. № 52065.
- Михеев А. В., Марьенкина Т. А., 2021. Технический отчет о проведении спасательных археологических работ (раскопок) объекта археологического наследия – «Акузово. Поселение 4» в Сергачском районе Нижегородской области, расположенного в территории строительства объекта М-12 «Строящаяся скоростная автомобильная дорога Москва – Нижний Новгород – Казань», 6 этап»
- Черников В. Ф., 1965. Отчет о раскопках поздняяковского поселения Наумовка Арзамасского района Горьковской области. Архив ИА РАН. Р-1, № 3080.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ДОКЛАДОВ

- Авилова Людмила Ивановна** – доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия), aviloval@mail.ru;
- Амиров Шахмардан Назимович** – доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия), shahmardan@mail.ru;
- Атабиев Бияслан Хакимович** – ООО «Институт археологии Кавказа» (Нальчик, Россия), biatabi@yandex.ru;
- Балабина Вера Игоревна** – кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия), balabina@mail.ru;
- Беляев Леонид Андреевич** – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Институт археологии РАН (Москва, Россия), labeliaev@bk.ru;
- Бортникова Светлана Владимировна** – Институт археологии РАН (Москва, Россия), magixen@yandex.ru;
- Брилева Ольга Александровна** – кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия), helga_brileva@mail.ru;
- Выборнов Александр Алексеевич** – доктор исторических наук, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия), vibornov_kin@mail.ru;
- Гак Евгений Игоревич** – кандидат исторических наук, Государственный исторический музей (Москва, Россия), Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пушино, Россия); e.i.gak@mail.ru;
- Гей Александр Николаевич** – кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия), donkuban@mail.ru;
- Горбунов Владимир Степанович** – доктор исторических наук, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (Уфа, Россия), gvs1946@yandex.ru;
- Григорьев Артем Петрович** – Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия), gpar9@bk.ru;
- Гусак Лидия Андреевна** – Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия), lika.gusak@gmail.com;
- Дога Наталья Сергеевна** – Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия), natalidoga@yandex.ru;
- Дубова Надежда Анатольевна** – доктор исторических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, dubova_n@mail.ru;
- Епимахов Андрей Владимирович** – доктор исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия), epimakhovav@susu.ru;
- Зашакуев Заур Лиуанович** – ООО «Институт археологии Кавказа» (Нальчик, Россия), biatabi@yandex.ru;
- Исерлис Марк** – PhD, Евразийское отделение Немецкого археологического института (Берлин, Германия), iserlism@gmail.com;
- Калинин Павел Иванович** – кандидат биологических наук, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пушино, Россия), kalinin331@rambler.ru;
- Кашироков Аслан Хажсмелович** – ООО «Институт археологии Кавказа» (Нальчик, Россия), biatabi@yandex.ru;
- Клещенко Александр Александрович** – кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия), sansanych@bk.ru;
- Козмирчук Игорь Анатольевич** – ООО «Экспедиция» (Липецк, Россия), fnkclipetsk@mail.ru;
- Кореневский Сергей Николаевич** – доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия), skorenevskiy@yandex.ru;
- Корниенко Татьяна Владимировна** – кандидат исторических наук Воронежский государственный педагогический университет (Воронеж, Россия), zigzinatvk@gmail.com;
- Корочкова Ольга Николаевна** – доктор исторических наук, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия), Olga.Korochkova@urfu.ru;
- Кузнецов Павел Федорович** – кандидат исторических наук, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия), pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com;

Купцова Лидия Владимировна – кандидат исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Россия), orelin.84@mail.ru;

Леонова Надежда Викторовна – Государственный исторический музей (Москва, Россия), nvleonova@mail.ru;

Луныков Владимир Юрьевич – Институт археологии РАН (Москва, Россия), vlunkov69@yandex.ru;

Луныкова Юлия Владимировна – кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия), ylunkova@rambler.ru;

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия), malow.kolia@yandex.ru;

Манзура Игорь Васильевич – доктор истории, член-корреспондент Немецкого Археологического Института, Университет «Высшая антропологическая школа» (Кишинев, Молдова), ingvarmnsr6@gmail.com;

Марьенкина Татьяна Анатольевна – Институт археологии РАН (Москва, Россия), marjenkina.tanya@yandex.ru;

Мацанова Величка – сотрудник Пазарджикского регионального исторического музея (Пазарджик, Болгария), mazanova@abv.bg;

Мельник Валерий Иосифович – кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия), melvaler@yandex.ru;

Меньшиков Максим Юрьевич – Институт археологии РАН (Москва, Россия), maxim-menshikov@yandex.ru;

Мимоход Роман Алексеевич – кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия), mimokhod@list.ru;

Мишина Татьяна Николаевна – Институт археологии РАН (Москва, Россия), tnmishina@mail.ru;

Моргунова Нина Леонидовна – доктор исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Россия), nina-morgunova@yandex.ru;

Петрова Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия), petrovanatalya7@mail.ru;

Резепкин Алексей Дмитриевич – кандидат исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН, (Санкт-Петербург, Россия), rezepkin@mail.ru;

Резниченко Иван Александрович – Институт истории материальной культуры РАН, (Санкт-Петербург, Россия), rezn_ivan@mail.ru;

Рослякова Наталья Валерьевна – кандидат исторических наук, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия), goslyakova_n@mail.ru;

Салугина Наталья Петровна – Самарский государственный институт культуры (Самара, Россия), nsalug@gmail.com;

Скоробогатов Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, ООО НПЦ «Воронежское археологическое общество» (Воронеж, Россия), a.m.skorobogatov@mail.ru;

Сорокина Ирина Анатольевна – кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия), iasorokina@yandex.ru;

Текин Халил (Tekin Halil) – доктор наук, профессор Отделения археологии Университета Хасеттепе (Анкара, Турция), htekin4@gmail.com;

Файзуллин Айрат Асхатович – кандидат исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Россия), faizullin.airat@yandex.ru;

Фрибус Алексей Викторович – кандидат исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН, (Санкт-Петербург, Россия), fribus@list.ru;

Черных Евгений Николаевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Институт археологии РАН (Москва, Россия), evgenij.chernykh@gmail.com;

Шишлина Наталья Ивановна – доктор исторических наук, Государственный исторический музей (Москва, Россия), nshishlina@mail.ru;

Эрлих Владимир Роальдович – доктор исторических наук, Государственный музей искусства народов Востока (Москва, Россия), verlikh@bk.ru;

Юнкин Жамиль Алиевич – Институт археологии РАН (Москва, Россия), maxim-menshikov@yandex.ru;

Янковский-Дьяконов Алексей Игоревич – Институт востоковедения РАН (Москва, Россия), jankowski-diakonoff@yandex.ru

**Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона
культурные процессы и взаимодействия
(к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта).**
Тезисы докладов конференции

Научное издание

Редактор *Н. В. Бельченко*
Художник *Н. С. Сафронова*
Верстка: *Е. А. Морозова*

Подписано в печать 15.11.2022. Формат 60 × 84 1/8
Усл. печ. л. 9,76. Уч.-изд. л. 9,41. Тираж 120 экз.

Институт археологии РАН
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-384-8

9 785943 753848